

ПЕРЕД ИКОНОЙ, ИМЕНУЕМОЙ «ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ»

О, Пресвятая и Преблагословенная Дево, Владычице Богородице! Призри милоспивым Твоим оком на нас, предстоящих пред свяпою иконою Твоею и со умилением молящихся Тебе, воздвигни нас из глубины греховныя, просвети ум наш, омраченныи спраспбми, и уврачуи язвы душ и телес наших. Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, разве Тебе, Владычице, Ты веси вся немощи и согрешения наша, к Тебе прибегаем и вопием: не остави нас Твоею небесною помощию, но предстани нам присно и Твоим неизреченным милосердием и щедротами спаси и помилуй нас, погибающих. Даруй нам исправление греховныя жизни нашея и избави нас от скорбей, бед и болезней, от напрасныя смерти, ада и вечныя муки. Ты бо, Царице и Владычице, скорая Помощница и Заступница всем, припекающим к Тебе, и крепкое Прибежище грешников кающихся. Подаждь убо нам, Прелюбая и Всенепорочная Дево, христианский конец живота нашего, мирен и непспыден, и сподоби нас Твоим ходатайством вселиться в обители Небесных, идеже непрестанныи глас празднующих радостию славят Пресвятую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь.

Духовный Собеседникъ

2013 №2 (64)

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА**

Высокопреосвященнейший СЕРГИЙ,
митрополит Самарский и Сызранский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Епископ Никифор (ХОТЕЕВ)

Епископ Софроний (БАЛАНДИН)

Архимандрит Георгий (ШЕСТУН) - гл. редактор

Протоиерей Николай МАНИХИН

Протоиерей Николай АГАФОНОВ

Архимандрит Вениамин (ЛАБУТИН)

Протоиерей Олег АГАПОВ

Протоиерей Евгений ЗЕЛЕНЦОВ

Протоиерей Игорь МАКАРОВ

Протоиерей Димитрий ЛЕСКИН

Протоиерей Александр УРЫВСКИЙ

Протоиерей Рустик ГУЗВ - секретарь ред. совета

Протоиерей Алексей БОГОРОДЦЕВ

Диакон Алексей ПОДМАРИЦЫН

Д.В. СИВИРКИН

Е.П. БЕЛЬЧИКОВА

Ю.В. ИЗЪЯТСКИЙ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Мария ВИННИКОВА - редактор

Елена КУЗНЕЦОВА - редактор

Анна КОВАЛЕНКО - корректор

Анастасия Снопок - набор

Евгений Азимов - верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-75-12.

E-mail: ds@samtel.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: www.sobesednik.orthodoxy.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

Молитва Пресвятой Богородице..... 1

Слово Патриарха

Актуальные вопросы пастырского служения..... 4

Слово о святителе

Галина ТОМИЛИНА

«Полеп длиною в двадцатьп леп»..... 6

Трибуна русской мысли

Александр ПАНАРИН

Агенты глобализма 42

Глаголы жизни

Свяпипель НЕКТАРИЙ Этинский

Три слова о любви 68

Архиепископ Антоний (МИХАЙЛОВСКИЙ)

О молитве словесной..... 74

О молитве деятельно-умной 82

Уроки любомудрия

Священномученик Иларион (ТРОИЦКИЙ)

Единство идеала Христова..... 92

Тайны Божии

КИРИБЕЕВИЧ

Вещий инок 114

Святая Русь

Протоиерей Евгений ЗЕЛЕНЦОВ

Золотые депи 118

Возвращение к истокам..... 125

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Известно, что пастырское служение не просто весьма ответственно, но чрезвычайно трудно, и мы не должны искапать для себя легких путей и ждать благодарности от мира за свои труды на ниве Христовой. Всем представителям духовенства следует постоянно помнить слова Спасителя, свидетельствующего: В МИРЕ БУДЕТЕ ИМЕТЬ СКОРБЬ; но мужайтесь: Я ПОБЕДИЛ МИР (Ин. 16, 33).

Это мужество перед лицом испытаний должно отличать всякого подлинного служителя алтаря Господня, призванного быть примером в этом для своей паствы. С позиций современности те приписания, которыми подвергалась Православная Церковь в советскую эпоху, выглядят неприкрытыми, прямолинейными и в чем-то даже неуклюжими. Сегодня каждый священник должен понимать, что он в своей ежедневной литургической деятельности, в проповеди Евангелия Христова, в пастырском душепопечении противопоставляет разрушительным силам, используемым для утверждения своих идей весь арсенал средств современной цивилизации: телевидение, Интернет, радио, печатные средства массовой информации. Но борьба с Церковью, с христианскими ценностями происходит сегодня, в отличие от советского времени, неявно, она не преподносится открыто как самоцель. Поэтому и способы такой борьбы стали более изощренными и разнообразными. Главными же ее инструментами стали ложь и клевета.

При этом ложь подается нередко в прикровенном виде, проникая, подобно яду, даже в правдивую информацию, дабы вред этой лжи был более значим. Об этом не раз говорилось в официальных церковных документах, и мне самому приходилось не раз заявлять об этом в своих выступлениях перед разными аудиториями.

Всем пастырям Виноградника Господня следует твердо помнить о том, что они являются для мира представителями Церкви, которая призвана свидетельствовать об Истине, называя ложь - ложью, а правду - правдой.

В то же время необходимо помнить, что сегодня нередки случаи провокаций и даже клеветнических обвинений в адрес клириков. Поэтому ваша решимость в противостоянии недоброжелателям должна сопрягаться с рассудительностью, осторожностью, аккуратностью и взвешенностью в принятии решений. Сегодня каждый, я подчеркиваю - каждый, священнослужитель может быть обвинен в самых нелепых и неправдоподобных поступках. Подобная информация легко распространяется в блогах и иных средствах массовой коммуникации. Однако ни широта ее распространения, ни кажущаяся достоверность не свидетельствуют об ее истинности.

Из доклада Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы

*Дорогому Владыке
с благодарностью за возвращение нашей земле
исторически-духовного облика,
за деятельную заботу
о преобразении наших душ
к 20-летию подвижнического служения
на Самарской кафедре -
наше искреннее признание.*

«ПОЛЁТ ДЛИНОЮ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»

Приближалось двадцатилетие служения митрополита Сергия на Самарской и Сызранской кафедре. Что преподнести Владыке в этот праздничный день? - подумала я. А что может подарить журналист? - Только слова благодарности и любви. Так появился замысел этой работы.

Приехала в епархию за благословением. «Да не надо обо мне писать, кто я такой?» - засмеялся Владыка, но благословил. Собирались материалы начала на следующий же день, и, встречаясь с людьми, которых посылал мне Господь, видела их нелицемерную любовь к Владыке. Но самый большой подарок накануне Рождества получила я, и этим подарком спало то, что Владыка в такое напряженное время нашел целый час для нашей беседы.

«МЫ ВСЕГДА В ОТВЕТЕ ПЕРЕД БОГОМ» БЕСЕДА С МИТРОПОЛИТОМ САМАРСКИМ И СЫЗРАНСКИМ СЕРГИЕМ

- Владыка, я никогда не спрошу у человека, как он пришёл к вере. По-моему, этот вопрос некорректен, ибо это есть счастливая тайна каждого. Но мне хотелось бы понять, как Ваши родители в годы лихолетий, страшных гонений на Бога и Церковь смогли сохранить спасительную веру во Христа и передать её детям?

- Я родился в рязанской глубинке. Родители мои были люди набожные. Любовь к Богу в нашем роду из поколения в поколение передавалась. Вера всегда была жива в сознании и душе русского человека. Как бы там ни было, какие бы ни выпадали испытания: войны, голод, болезни - люди обращались к Богу с молитвой. Я тоже с детства проникался православием, тем более, что жил в среде глубоко верующих людей.

- А помните свою первую молитву? В каком возрасте это было?

- Был я совсем маленьким. Мне лет пять исполнилось, когда мама научила: «Богородице Дево, радуйся!» меня и двоюродного братишку, и эта молитва запомнилась на всю жизнь.

- Все мы родом из детства. В нём истоки нашей жизни, нашей памяти. Если можно, поделитесь, пожалуйста, Владыка, самым радостным из воспоминаний о детстве.

- Когда пережил встречу с Богом: такая радость поселилась в душе! В Евангелии говорится: будьте, как дети... В том счастливейший момент появилось чувство Божественного присутствия в сознании, ещё не подверженном греху. Это ощущение глубоко запало в душу и осталось в ней навсегда.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл - будущий Патриарх Московский и всея Руси - во время посещения Самары. Октябрь 2008 г.

- Интересно, по какому «домострою» складывались отношения в Вашей семье, Владыка? Кто был её центром, мама или отец?

- Главенствовала мама. Помню ее бойкой, дееспельной; я не сомневался, что она имеет влияние на папу. А он оспапелся как бы в пени - не любил выделяться, однако авпорипетом у меня ползвовался не меньшим. Когда возвращался на выходные из импернапа, где учился и жил, папа встречал меня заповедью: «Чпи опца пвого и матв - долголепен будешь на земле». Я это накрепко усвоил, и сам споль полезное наспавление часто привожу в пример.

- Перед нашей встречей я смотрела фильм А.А. Солоницына «Служитель земного неба», отснятый к Вашему пятидесятилетию. Особенно трогателен образ Вашей мамы - какой она искренний, добрый, светлый человек! Владыка, на кого Вы больше похожи характером - на маму или отца?

- Пожалуй, здесь все совместилось. Оп папы мне доспалась сдержанность, оп мамы - напористость и упрямство, когда пребуется довести дело до конца.

- А теперь вопрос, который, думается, волнует многих. Владыка, помните, у Игоря Талькова: «...Но природа мудра, и Всевышнего глаз видит каждый наш шаг на тернистой дороге. Наступает пора, когда каждый из нас у по-

следней черты вспоминает о Боге». Почему именно у последней черты, а не когда у человека всё в порядке?

- Человек - это носитель образа и подобия Божия. Только безумец может отрицать Творца. Как говорил псалмопевец Давид: СКАЗАЛ БЕЗУМЕЦ В СЕРДЦЕ СВОЕМ: «НЕТ БОГА». В современном мире Его отрицание насаждается и культивируется многими средствами массовой информации. Такая направленность СМИ крайне опасна, особенно для молодёжи. Это куда страшнее пьянства и наркомании, когда человек живёт, не имея веры, противопоставленной силам зла. Но по природе своей человек все-таки оспается носителем образа и подобия Божьего. Как говорил Апостол Павел: ...УЖЕ НЕ Я ЖИВУ, но живёт во мне ХРИСТОС. И человек желает этого, каким бы он ни был разбойником или падшим существом.

- Один из моих любимых актёров, Евгений Миронов, сыгравший искренне и достоверно и Солженицына, и князя Мышкина в «Идиоте», и, наконец, самого Достоевского. Будучи человеком православным, он поехал в Оптину пустынь к почитаемому старцу Илию. Попасть к нему не так-то просто, предупредили актёра. Евгений Миронов потом рассказывал: «... И вот я вижу, он идёт ко мне. Слово не я к нему, а он ко мне приехал». Старец и артист долго говорили о том, о чем не узнает никто, а в конце беседы старец сказал: «Конечно, вам тяжелее. Вы в миру живёте... Нам, монахам, легче». Легче ли монахам, Владыка? Вы - монах, вынужденный жить в миру и отвечать пред Богом и за себя, и за всю митрополию: духовенство и паству. А чем ближе человек к Богу, тем больше у него искушений. Владыка, как с ними бороться?

- Мы всегда в ответе перед Богом, и вера даёт нам силы для преодоления любого испытания. И я, несовершенный человек, должен проходить «проверку на прочность» всю жизнь. Что помогает следовать намеченным курсом? - Совещую как можно чаще заниматься полезным для души делом, например, читать Евангелие, что-либо из святоотеческого наследия. Не случайно у наших предков и семьи были крепкие,

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей и губернатор Самарской области Николай Иванович Меркушкин на Рождественском концерте в Самарском академическом театре оперы и балета. Январь 2013 г.

Патриарх Алексий II во время своего визита в Самару. Октябрь 1999 г.

и личностями они были цельными, жертвенными. Важную роль в воспитании таких людей играло чтение Житий святых в семейном кругу. Укоренившаяся благочестивая традиция помогала насмотреться духовно, явственнее проявлялись чувства сострадания, любви и близости к Богу. И сама атмосфера наполнялась Божественным присутствием.

Но как часто мы отправляем окружающий мир своими действиями и поступками. Великий учитель, преподобный Исаак Сирин, говорил, что мир страдает от грехов человеческих. И если мы меняемся, то меняется и мир вокруг нас. Твоя молитва влияет не только на тебя, но и на всех людей. Всё это естественно, и мне как человеку православному приходится с этим сталкиваться. Богослужения, молитва и чтение святоотеческого наследия помогают мне сохранять внутреннюю цельность.

- А нам, мирским, людям грешным, можно ли избежать искушений?

- Невозможно! Никому не дано предвидеть паин Креста. Человек должен закалиться, пройти определённые ступени. Не сомневайтесь, Бог любит всех и всегда протягивает руку помощи - это надо усвоить и стремиться с Его помощью отсекалть всякое искушение.

Божественная литургия на Гробе Господнем. Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей и архиепископ Фаворский Феофил, ныне - Патриарх святого града Иерусалима и всея Палестины. Май 2005 г.

Соборное служение в день памяти митрополита Мануила (Лемешевского)

Хочу привести слова одного священномученика о счастье: «Счастье - это умение радоваться тому, что ты имеешь». Поэтому никогда не следует о своих грехах смущаться, но всегда должно, взирая на Бога, подниматься и снова шествовать за Христом.

- Под одним из Пасхальных посланий значится Ваша подпись: «Божией милостью смиренный Сергей». Владыка, в чем заключается главная христианская добродетель?

- В исполнении заповедей Божиих и, прежде всего, любви к Богу, любви к ближнему. Как ни прискорбно, сегодня мы многое утратили. Забыв о милосердии, сострадании, стали черствыми, эгоистичными и даже жестокими. И это реалии современного мира, той его части, что живет без Бога. А если без Него, значит, можно оправдать любое преступление, как сказал Фёдор Михайлович Достоевский. На Церковь восставали, восстают и будут восставать, потому что она предлагает другие условия жизни - Божественные, несовместимые с расплывшим и развращённым миром. Силы зла всегда будут чинить препятствия. Современному человеку, конечно же, трудно. Но откроем Евангелие там, где Господь обращается к нам: НЕ БОЙСЯ, МАЛОЕ СТАДО...

- Есть ли в Вашей жизни, Владыка, такой человек, на кого Вы всегда равнялись, который является примером для Вас?

- Прежде всего Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан). Когда он возглавлял Московскую Духовную

Хиротония Владыки во епископа Азовского на праздник в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Рукоположение возглавил митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан), ныне — Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины, при участии четырнадцати архиереев. Кафедральный собор Рождества Богородицы Ростова-на-Дону. 5 мая 1989 г.

академию и семинарию, я был у него иподиаконом в течение всего периода ректорства и всегда старался как-то подражать ему, видя перед собой такую цельную, сильную личность. К тому же он блестящий оратор и сочетает в себе немало других положительных качеств. Не только я, но и мои товарищи уважали его не только за это, но и за простоту, человечность, опеческую заботу о нас, студентах.

- С блаженнейшим митрополитом Владимиром Вы объездили весь мир...
- Ну, не весь, конечно...
- А есть ли такое место на земле, куда непременно хотелось бы вернуться?
- Где бы я ни находился, всегда тянуло домой, в Россию. Нет, я не смог бы долго жить за границей. Скорее всего это у меня от родителей, от наших православных корней.

- Интересно, какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите слово Родина?

- Наверное, это запомнившиеся с детства запахи земли, цветов, чудная живописная природа, возвышающая мысль к Богу, - и это состояние охватывает с побоем на всю жизнь.

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон. Октябрь 2002 г.

- А о чём больше всего болит у Вас сердце, если говорить о России?
- Меня, как и большинство сограждан, поражают масштабы коррупции, безответственность власти предрержащих чиновников, их откровенный цинизм по отношению к нашему народу. Это болью отзывается в сердце, и понимаешь, что кроме веры и молитвы, дру-

гой опоры неп. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «... если Россия начнёт молиться, то будет обуспраиваться и наша Держава». К сожалению, молодёжь не проникается этим. Но есть предчувствия и обетования наших святых, а им всецело доверяешь, как и словам Иоанна Кронштадтского «...будем веровать, будем молиться, и Господь управит...», как это было много раз в истории во все времена.

- Какие вопросы, Владыка, Вы чаще задаёте себе?

- Почему слишком медленно, с трудом вводится в общеобразовательных школах предмет «Основы православной культуры»? Почему руководители не проникаются нашей православной верой, хотя действительно известно, что государство наше возросло и окрепло под крылом православия, унаследованного от Византии, и все наши успехи связаны с православными традициями.

- Двадцать лет Вы руководите епархией. По словам одного батюшки, все, что Вы делаете в Самаре, - пилотный проект, который потом начинают подхватывать по всей России. Как Вам это удается, Владыка?

- Помогали вера и безотказные соратники. Владыка Владимир, когда я служил вместе с ним на кафедре в Ростове-на Дону, говорил: «Тебе везет, тебе на жизненном пути всегда встречаются хорошие люди». И здесь, в Самаре, у меня действительно появились добрые попутчики. Люди, проникнувшиеся верой, замыслом обустройства нашего города. Первая благодарности этим людям, низкий всем им поклон!

- Владыка, все знают, что Винновка - Волжский Афон - это Ваша особая любовь. Каким Вы видите будущее монастыря?

- Не сомневаюсь, монастырю суждено развиваться, принимать сотни и сотни паломников, которые будут спекаются туда, чтобы поклониться Господу. Слава Богу, с момента образования обители там постоянно совершается Божественная Липургия, таинства Евхаристии.

- За годы Вашего служения на кафедре сделано немало. Говорят, на берегу Волги будет построен храм святой Софии?

- Да, этот храм я благословил как свидетельство Божественного присутствия, Премудрости Божией. Бог даст, Самара будет свидетельствовать миру и Православие, и своё благочестие. Так предсказал святой Алексей, когда останавливался здесь на пути в Сарай.

- Владыка, Вы носите фамилию Полёткин, и она как бы созвучна всей Вашей жизни - этому прекрасному полёту от простого мальчика с Рязанщины до архиерея Русской Православной Церкви. И вот настал момент поделиться планами на будущее.

- О планах как Бог благословит. Верующий человек, он обычно полагается на волю Божию. Задумки есть, но озвучивать не хочу. Будем претворять намеченное в жизнь поэтапно. Напомню только об основной задаче - через образовательную сферу возвращать наш народ Божий на

его исторический путь, к православной вере, с которой живём мы, с которой жили наши предки и, я думаю, будут жить и следующие поколения. Чтобы Россия была богохранимой сильной державой; чтобы мы всегда видели в людях радость присутствия божественной благодати; чтобы милосердие, любовь и сострадание возродились в нас.

- И, в заключение нашей беседы, еще один вопрос, Владыка. В журнале «Духовный Собеседник» - новый главный редактор. Предполагается и новое лицо издания, каким Вы видите его?

- Сейчас, Божией милостью, назначили нового главного редактора «Духовного Собеседника», архимандрита Георгия (Шестуна), наместника Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Живоворящего Креста Господня. С отцом Георгием я связываю большие надежды. В частности, на то, что журнал, отвечая запросам читателей, сможет уделять больше внимания современной тематике, философской мысли, пробуждая веру в научной среде. Хорошо, если такие публикации будут интересны и доступны школьникам, студентам вузов, да и просто массовому читателю.

Такая задача была поставлена перед отцом Георгием, и вот первый номер в новой редакции у меня в руках. Думаю, его охотно прочитают. Люди почерпнут из него немало полезного. С поставленной задачей отец Георгий справился. Во славу Божию, в добрый путь! А читателям от всего сердца желаю глубже проникаться Словом Божиим, которое призывно и назидательно звучит со страниц журнала. Больше милосердия, любви, сострадания, заботы о тех, кто рядом.

ПРЕДОСТАВИМ СЛОВО ЛЮДЯМ, ХОРОШО ЗНАЮЩИМ
ВЛАДЫКУ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕХ ЭТИХ ЛЕТ.

Протоиерей Николай МАНИХИН

Настоятель храма в честь Казанской иконы Божией Матери, благочинный Центрального Толятинского благочиния

- Бог сподобил меня встретиться с Владыкой в начале семидесятых годов. Я незначительно старше его по годам и поэтому имел счастье в одно и то же время учиться с ним в московских духовных школах. Мы были на разных курсах, но я хорошо помню его.

- А скажите, какой он был студент?

- О!.. Золотой был студент. Примерный очень во всех отношениях. Сразу же, как пришел, стал иподиаконом у владыки-ректора, а в иподиаконы ведь особый отбор, среди всех студентов отбирали лучших.

Позже мы встретились на Самарской земле, когда он прибыл к нам уже как епископ Церкви. Уже тогда он был известной авторитетной личностью.

Наш Архиепископ - достойный воспитанник Владыки-ректора, ныне Митрополита Киевского и всея Украины Владимира (Сабодана),

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей,
протоиереи Николай Манихин и Григорий Коберник, иеромонах Иоанн (Терешин)
во время посещения Высшей церковной академии Крита. Июнь 2007 г.

и мы благодарны Богу, так устроившему, что нашу епархию возглавляет на протяжении двадцати лет, ведет ее правильным во всех отношениях курсом именно он, Владыка Сергей. В нем качества лидера епархии, которым можно поучиться: такие степени добродетелей, о которых мы читаем в святоотеческой литературе.

Во-первых, это предстояние перед Богом, Престолом; усердная молитва, достойный образ его самого как Архиерея, внутренняя красота. Все остальные достоинства тоже не должно сбрасывать со счетов, поскольку наш Владыка еще и опытный администратор: руководя епархией, он всегда безошибочно выбирает правильное направление.

Во главу угла Владыка продолжает ставить духовное образование. И попом сколько у нас монастырей открылось, сколько построено храмов! Говорят, что православие зиждется на монашестве. Владыка и этот фланг укрепляет. Не просто открывает монастыри, а не жалеет сил, чтобы каждый из них становился духовным светочем. Конечно, одним днем подобное не делается, - требуется время: рыхлить землю, сеять семена, поливать, удобрять, - только тогда можно ждать урожая. Дай Бог для этого Владыке крепости сил душевных и телесных.

ТИТОВ Константин Алексеевич

Первый губернатор Самарской области с 1996 по 2007 гг. Ныне член Совета Федерации Федерального Собрания РФ от исполнительного органа государственной власти Самарской области

- Константин Алексеевич, Вы - один из опытных политиков в стране, и насколько мне известно, довольно тесно общаетесь с Владыкой. Чем его личность привлекает Вас, хотели бы Вы чему-то поучиться?

- Смирению...

- Как Вы считаете, Константин Алексеевич, в чем состоит главный итог деятельности Владыки?

- Итоги подводить рано! Мы должны опметить все, что сделано Владыкой за прошедшие двадцать лет, но лишь как этап его деятельности. Поэтому от всей души желаю Владыке долгих лет жизни, долгого служения на благо нашей Самарской земли.

Очень верной и своевременной нахожу позицию нашего Архиепископа в деле возрождения духовного образования: у нас открыта семинария, при храме в честь равноапостольных Кирилла и Мефодия действует Центр православной культуры, возле которого воздвигнут памятник святым первоучителям славянским.

К.А. Титов в свое первое посещение Самарского Епархиального Духовного училища. Апрель 1995 г.

Считаю большим достижением Владыки и то, что сегодня бизнес стал активно участвовать в строительстве храмов. И я в нашем Архиепископе вижу человека целеустремленного, человека, который, не взирая на личности, настойчиво идет к цели.

Несколько раз мы с Владыкой ездили на Афон. А потом я показал ему заброшенную церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, что в селе Винновка, и предложил: «Владыка, надо восстановить... Я деньги дам...». Он отвечает: «Костя, ну дашь ты деньги... Восстановим, что дальше? Прихода-то нет!» А через некоторое время звонит: «Я нашел вариант». - «Какой?» - «Здесь будет монастырь». И посмотрите, какая теперь в Винновке красота!

- Волжский Афон?!

- Да, все так и говоря, мне в Москве рассказывали: теплоходы на Волге замедляют ход, что-

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей и архимандрит Георгий (Шестун) на XX Международных Рождественских образовательных чтениях. Москва, январь 2012 г.

бы туристы могли полюбоваться на такую красоту. В этом тоже заслуга Владыки.

Ценю его и как верного друга. Он не бросает своих друзей, не опаздывает оп них, а если где-то оступились - всегда подспавип плечо. Долгих лет желаю нашему Владыке, долгого служения на благо православной Церкви.

Архимандрит Георгий (ШЕСТУН)

Доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН. Заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Православной Духовной семинарии. Наместник Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Живоворящего Креста Господня, настоятель Троице-Сергиева подворья г. Самары

- Божией волею в феврале 1993 года Владыка Сергей начал свое архипастырское служение на богохранимой Самарской земле, что и стало началом вашей духовной дружбы. Как мужал и духовно возрастал Владыка на Ваших глазах?

- Епископ - это особый чин служения. Это - ангельский чин в Православной Церкви, и, хотя мы с Владыкой ровесники, но он приехал в Самару уже епископом, а я только был рукоположен в священники. Поэтому я бы сказал, что мой духовный рост проходил под присмотром Владыки. Первый год оказался для меня годом суровой монашеской школы. В то время у меня было много «свободолюбия», свободомыслия, такого светского, мирского. Я все же в университете много лет

Рождество Христово в Покровском кафедральном соборе г. Самары. Январь 2004 г.

преподавал, был кандидатом наук и считал, что многие вещи делаю правильно, - но Владыка их почему-то не принимал. А он не принимал не сами вещи, которые я говорю или делаю, а мою необузданную волю смирял, потому что главное для священника - научиться слушать Бога, первая ступень к чему - смирение, послушание.

Ведь, что ни говори, но если ты несмиранный и непослушный, то своими благими мыслями высплана дорога в ад. Поэтому Владыка слушал не мои предложения, а смотрел на меня и пытался смирить. А верующий оп неверующего чем отличается? Верующий - это богопослушный человек, а неверующий - не богопослушен.

Для меня испытание кончилось в тот момент, когда я понял: «Прав Владыка! Правильно все, что он мне говорит!» Я стал делать все так, как он советует, и во мне словно что-то перевернулось. Да и Владыка стал относиться ко мне совсем по-отечески.

- Но дистанция все-таки должна оставаться?

- Расстояние, дистанция - всегда должны быть. Это как отцовство. Отец и сын, - они не могут дружить, они могут любить друг друга, понимаете? И эта граница между сыном и отцом - непреодолима. Никогда сын не сможет быть другом отца, он всегда должен оставаться сыном. И отец не может стать другом сына. Он должен быть ему отцом. При этом все передается только любовью.

Любовь Владыки ко мне я всегда ощущал, хотя она бывала разной, подчас суровой. Но он всегда по-отцовски следил за моей судьбой, помо-

гал мне, поддерживал, а я спарался по-сыновьи служить Богу, служить своему Архиерею. Дело не в возрасте, а в том положении, в которое Господь нас поставил: отец и сына. Он - мой наставник, мой духовный отец. Он для меня - старец. И все мои познания в области православия, в области духовной жизни - это, конечно, огромная заслуга Владыки.

Со времени его приезда и по сей день я нахожусь у него на послушании. Когда меня спрашивают: «А чего Вы хотите?», - отвечаю, что уже ничего не хочу. Хочу только того, чего хочет Владыка. Для меня это Божья воля, а это очень важно для меня.

- В чем бы Вы хотели на него походить?

- Во многом. Владыка наш - мудрый человек. Вы понимаете, мир очень сложен, поэтому приходится на какие-то компромиссы идти. Но, в первую очередь, для меня Владыка - это особый пример духовного, церковного человека.

- Духовными братьями вас можно считать?

- Нас можно считать духовной семьей: он - отец, я - сын. Я, например, это очень четко понимаю. С ним и посоветоваться можно. И он посоветовать может, как в семье отец может посоветовать сыну, и сын - отцу, но решение принимает он - Владыка. В нашей Церкви принято соборное мышление, но ответственность лежит только на Архиепископе. Он может нас собрать, он со многими совещается; в каких-то областях он специалист, в каких-то - нет, но принимает решение лично Архиепископ, потому что он отвечает. И вот эту ответственность свою перед Богом Владыка несет в наше, такое сложное, время.

Вообще, архиерейский крест для большинства - непозволительная ноша. Это - одиночество Архиепископа перед Богом. Это - ответственность. Это - ответственность за всю паству, тебе доверенную. Всех людей Самарской земли... За каждого он будет перед Господом отвечать. Кого - сберег, кого - спас. Поэтому Архиепископ в Самарской губернии не сопоставим ни с кем. Посмотришь на него: «Господи! Как же ему тяжело!» Но он никогда не жалуется. Дай Бог Владыке Сергию здоровья, перенятия.

- А какое главное достоинство его характера?

- Любовь! Архиепископ бывает строг. Но если он по всей строгости с человеком поступит, то как его жалеет потом. Так жалеет, что сто раз наградит.

- За много лет общения с Владыкой Вы можете вспомнить, когда он открылся для Вас непривычным, неожиданным?

- Да он всю жизнь открывается для меня неожиданно. Сначала я не понимал, чего он хочет. А он неземного всегда хочет. Он хочет спасения, хочет, чтобы в каждом родился совсем иной, светлый человек. Многие этого не понимают: «Чего Архиепископ от нас требует? Чего он хочет?»

А Владыке мало, чтобы ты был успешным в этой жизни. Он хочет, чтобы ты родился для вечности, что не все понимают, а он это - чувствует: у человека все вроде бы хорошо, но не главное.

Не родился для вечности человек. И Владыка будет добиваться своего. Я оказался в этом отношении человек прудновосприимчивый, так что Владыке со мной пришлось нелегко.

- Да что Вы, батюшка!..

- Да... Ему было со мной очень трудно. Он меня в муках рождает, и сейчас рождает каждого из нас. Наш Архиепископ так переживает сейчас за молодых священников! Здесь должны быть встречные усилия - человек должен опознаться - для Владыки это главная задача: духовное пробуждение России.

Сам Владыка всем сердцем принадлежит стране, он очень российский человек. Для него Россия - это и соборы Самарского края и Волга, ведь все это - Россия. Да, собственно, и маленькая церковь, где мы находимся, - для него это тоже Россия. Масштаб такой вот, большой масштаб...

- Что пожелать ему?

- Вы понимаете, чем больше мы отдаем сил, духа своего, энергии, тем больше Господь восполняет. У Владыки каждое слово весомое. И чем больше он отдает, тем больше Господь ему дает: все больше и больше дарований. Какое-то умиротворение появилось, спокойствие. Людям кажется, что жизнь наша хуже становится, а у Владыки - все больше энергии, любви, надежды, что Господь Россию не оставит. Споко! Споко такой! Архидиакон, - это такая жертвенность. Я просто преклоняюсь перед его служением. И даже не представляю себе, как люди хопят быть архиереями.

Предстоятель Украинской Православной Церкви, Блаженнейший митрополит Владимир, духовный отец нашего Владыки, говорит: «У Бога ничего не проси, но ни от чего не отказывайся!» И в каждой проповеди Владыки слово покаянное, слово духовное, слово - от самого сердца... А как он служит!

Архиерейская служба особенная. С Владыкой служить - в раю быть! Так что я просто счастлив, так как иногда имею возможность сослужить с ним литургию, просто посидеть за одним столом, - Владыка потом обедает со служителями, для меня это счастье - быть рядом с ним.

Самаре на архиереев всегда везло, но каждому архиерею - свое время. Это Господь так подбирает. Каждому времени - своего архиерея. Нашему времени выпал Владыка Сергей, и я даже не представляю кого-то другого на этом месте.

Сейчас в России происходит смена поколений, и таких архиереев становится все меньше. Наш - стал для Самары любимым Владыкой. Так что многая и благая лета нашему Владыке! Здоровья, терпения, чего у него не отнимать, спасения и любви.

Знаю, как велика боль нашего Архиепископа за Россию. Иногда во время беседы это даже чувствуешь, понимаешь, как у него плачет душа. Святыми становятся не те, кто без греха прожил, а исполнившие Божию волю. Владыка наш это понимает и исполняет. Я надеюсь, что он до конца сможет исполнить все то, что Господь ему поручил.

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей, В.А. Сойфер и Г.П. Котельников на собрании Совета ректоров вузов Самарской области в Свято-Богородичном Казанском мужском монастыре (с. Винновка. Июль 2010 г.)

СОЙФЕР Виктор Александрович

Председатель Общественной палаты Самарской области. Президент Самарского государственного аэрокосмического университета Им. С. П. Королева. Член-корреспондент РАН

- Виктор Александрович! Вспомните, пожалуйста, свою первую встречу с Владыкой Сергием. Как он вошел в Вашу жизнь, при каких обстоятельствах?

- Часто мы общались, когда в конце 1995 года прибыли на Святую Землю. Открылся рейс «Самара - Тель-Авив», и лепет пуда собралась большая делегация. Там были губернатор Типов, мэр Сысуев и, конечно, Владыка Сергий. У нас появилась возможность видеть его на богослужениях, при посещении святых мест. Мы близко познакомились и с того времени дружим. Уже более пятнадцати лет продолжаются эти отношения. Главным достоинством его личности считаю открытость людям. Владыка не только человек Церкви. Он очень переживает за состояние нашей жизни, общества.

- Вы можете поделиться мнением о его архипастырском служении? Двадцать лет - срок немалый, и что-то, безусловно, впечатляет?

- Конечно. Особенно количество построенных или возвращенных к жизни церквей. Или монастырь в Винновке, похожий на афонские обители, где мне позже довелось с Владыкой побывать. Приезжал я в Винновку, своими глазами видел, как заботами Владыки

жемчужина современного православного зодчества спановится надежным оплотом веры.

Владыка прибыл к нам, когда закончилось коммунистическое правление, отрицавшее религию, возможность веры, и поворот в душах людей, их стремление к Богу, к духовности, - это главное достижение Владыки Сергия.

Церкви - дома Божии, но Бог и в душе человека. Безусловно, церкви спроить - огромный труд, но надо привести в них людей, прихожан. И Владыка при огромном обаянии его личности, его открытости, это делал и продолжает делать.

- Виктор Александрович, в начале нашей беседы Вы уже сказали, что дружите с Владыкой более пятнадцати лет. Как поступает он в острых ситуациях?

- Обычно пребываетелен и даже непреклонен, когда, например, возникает непонимание со стороны властей в вопросах спроектельства храмов. Или воп раздули историю об одном депском учреждении в районе шоколадной фабрики. Пустующее здание облюбовали наркоманы, но церковь навела порядок. Посмотрите, какая там сегодня красота: после ремонта школы дети обучаются ремеслам, пекут хлеб, и какой труд вложен в это учебное заведение, работающее сегодня под эгидой Церкви! Одновременно школа является и центром воспитания детей. Тем не менее, находясь недоброжелатели, упрекающие Владыку в том, что Церковь захватила депское учреждение. Ничего подобного! Наоборот, она из руин здание подняла и создала условия для развития детей. Да и в микрорайоне обстановка стала меняться к лучшему.

Владыка переживает, даже с гневом говорит о людях, которые мешают добрым начинаниям, передергивают факты, искажают действительность.

Так что разным бывает Владыка. В сущности, он очень мягкий, добрый; он простой по происхождению человек, из крестьян, очень любит природу, рыбалку. Когда сети достает, радуется, если хорошая рыба попалась! Вот, Владыка и такой бывает. Да, он очень разный, как и все люди, - не «зашоренный», не закрытый. При его положении мог бы спать недостижимым для прочих смертных, а он открытый, общительный, переживающий за то, что происходит в жизни города, губернии, человек.

В Общественной палате Владыка горячо поддержал вопрос о возвращении Самаре ее исторического облика, он стоит за правильное планирование спроект, как гражданин, который не чужд обществу.

- Вижу, Вы очень цените Владыку... А вдруг да и переведут его?..

- Где бы ни было суждено послужить Владыке, всегда он будет предан Богу и людям. Но вместе с тем он позиционирует себя с Самарой. Считает, что наш город стал для него родным домом, куда вложено сполько души, сил. Радуюсь за Владыку, за успехи, которых он достиг, и уверен, что ему по плечу еще очень и очень многое. А в ситуациях, когда появляется необходимость в общении, Владыка неизменно идет навстречу. И даже если просто скажет: «Помолюсь за вас», - это уже великое дело!

Первая настоятельница Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря игуменья Анастасия (ШЕСТУН). †2012 г.

Игуменья Анастасия (ШЕСТУН)

Первая настоятельница Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря (†2012)

Матушка Анастасия после вечерней службы в храме направлялась к выходу, в сопровождении своих сестер-монахинь. Я подошла к ней, уверенная, что о Владыке на ходу она говорит не спанем, но в ответ услышала:

- О Владыке я готова говорить всегда и где угодно с великой радостью, - и диктофон был включен.

- Матушка Анастасия! В большинстве случаев женская память всегда эмоциональна. Вы помните свою первую встречу с Владыкой? Когда он только вошел?

Да он не вошел, - у меня было такое ощущение, что он как на крыльях влетел! Как раз закончилась служба, и нам сказали, что должен

Освящение престола церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение», городского подворья Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Декабрь 2010 г.

прибыть Владыка. Запомнились его черные волосы с проседью, выразительный взгляд. Впечатление было такое свежее. Я близко подопы не решалась. Владыка Сергей сразу прошел в алтарь. После службы все мы поспешили взять у него благословение. Он всех благословил, сел в машину и уехал.

- Кажется, Вы потом близко общались с Владыкой?

- Да, было время, когда он довольно часто приезжал к нам домой, мы тогда еще не приняли постриг. Приглашали его на семейные праздники, и он всегда приходил. Ему нравилось, как я готовила, как красиво был накрыт стол. Иногда он привозил к нам своих гостей из Киева, Ростова: «Идемте, идемте! Мапушка такая хлебосольная! Она и вас всех накормит!»

В застолье мы о радостном говорили. Владыка часто вспоминал о детстве, о том, как учился в семинарии. О маме своей любил говорить, чувствовалось теплотное отношение к ней. И еще мы любили петь. «Давайте, - скажет, - мапушка, споем», - и запевал красивым бариттоном русский романс...

- Из Ваших песен, мапушка, какие любит Владыка?

Он напрямую, так не говорил, но знаю, что ему нравилось, когда я пела «Помяни меня», и он считал это удачным произведением. Когда

мы с батюшкой решили принять постриг, Владыка Сергей спросил, и это особенно запало в душу: «Мапушка, а кто же мне петь будет?» - «Ну, уж спеть, Владыка, для Вас - всегда спую».

Мне не довелось так близко общаться с другими архиереями. Наш Владыка - единственный, в котором я всегда могла видеть пример для всех нас. От всей души желаю ему духовного и телесного здоровья и чтобы рядом с ним всегда были верные друзья-единомышленники, которые и радость разделяют, и в любую минуту придут на помощь. Не только в деловом отношении, например, в строительстве храма, а просто опзовуся добрым словом, проникнутся сочувствием.

Господь сподобил так, что эти воспоминания игуменви Анастасии о Владыке стали последним в ее жизни инпервбью.

АЗАРОВ Дмитрий Игоревич

Глава городского округа Самара

- Дмитрий Игоревич! Как Вы оцениваете служение Архиепископа Сергея нашему городу, нашей губернии?

- Это высокое служение. Он многое успел сделать для возрождения духовности в нашем городе. Вы только посмотрите, сколько храмов не только в городе, но и в Самарской губернии открылось при непосредственном участии Владыки Сергея! Это же колоссальный вклад, который невозможно переоценить.

- Главное достоинство его личности, характера в чём состоит, как Вы считаете?

- По-моему, оно заключается в высших христианских добродетелях: мудрости и человеколюбии. Еще Владыку отличает умение находить решение самых сложных проблем, не обижая людей, и при этом создавая для них возможности духовного, а иногда и карьерного роста. А сколько сделано для просвещения, укрепления веры в нашем городе, губернии!

- Дмитрий Игоревич, хотели бы Вы что-то перенять у нашего Владыки, чему-то поучиться у него?

- Конечно. У таких мудрых людей, как Владыка, обязательно надо учиться: терпению, умению достигать желаемого результата, сообра находить оптимальные варианты решений, отвечающие интересам разных сторон.

Владыка - личность! Роскошь человеческого общения в полной мере ощущаешь, когда имеешь счастливую возможность встретиться с ним в разных обстоятельствах, в любой обстановке. Это человек, с которым всегда светло.

Скажу также, что между Самарским городским округом и Самарской епархией заключено «Соглашение о сотрудничестве», нацеливающее на дальнейшее его развитие.

Хочу пожелать нашему дорогому Владыке долгих лет жизни на благо Самарской земли!

Архиепископ Самарский и Сызранский
Сергий и И.К. Миронов в день
празднования 60-летия Владыки.
Апрель 2011 г.

МИРОНОВ Иван Кузьмич
Атаман Волжского казачьего
войска

- Иван Кузьмич, как давно Вы
знаете Владыку?

- На расстоянии знаю его без
малого пять лет, а близко - около
года. Как официальное лицо, как
заместитель председателя Прави-
тельства, я в первую очередь вижу
в нем надежную опору Русской
Православной Церкви на террипо-
рии Самарской области, епархии.

Он - достойный Владыка, и
делает все от него зависящее,
чтобы епархию поднять на но-
вый уровень. Он - строитель в
самом высоком понимании этого

слова. Близко зная Владыку, вижу, как глубоко он вникает в суть про-
цессов, происходящих сейчас в обществе да и, в частности, у нас в
области, и за многое болезненно переживает. Но по большому счету,
наш Митрополис всегда настроен оптимистично.

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергий и протоиерей Димитрий Лескин.
Празднование 15-летия Православной классической гимназии г. Тольятти. Май 2010 г.

- А в чем, на Ваш взгляд, характерная черта Владыки Сергия? Возможно, Вам что-то особенно запомнилось?

- Наш Архипастырь обладает лучшими человеческими качествами, поэтому у него всегда надо учиться, ему во многом стоило подражать. Однажды, возвращаясь поездом из Москвы, оказался с Владыкой в одном вагоне. Помните, жара позапрошлым летом стояла невыносимая, горели порфяники, пожары полыхали по всему Подмосковью и в соседних областях. Мы проезжали по его родной Рязанщине, мимо спаленных перелесков и сел. Как он спрдал от увиденного!

Пусть такое не повторяется. Нашему Владыке желаю здоровья, а всего остального он добьется сам, пусть наша помощь не нужна, - только поддержка.

Протоиерей Димитрий ЛЕСКИН

Директор Православной классической гимназии города Тольяппи. Доктор философских наук. Кандидат богословия, руководитель межвузовской кафедры истории религии и теологии СамГУПС

- Я знаю, батюшка, Владыка любит Вас как сына, как своего ученика. Скажите, для Вас, человека сравнительно молодого, Владыка - старец?

- Для Самарской губернии, для Самарской епархии это человек, который по-настоящему является и молитвенником, и Ангелом-хранителем и духовным наставником. Поздравляя его с юбилеем служения, мы все желаем Владыке Божией помощи и надеемся, что еще много-много лет он будет возглавлять нашу Самарскую кафедру.

Владыка не жалеет сил для духовного просвещения, воспитания и образования. Его труд, его заслуги невозможно переоценить, и я учусь у него служению Господу.

Для Православной классической гимназии города Тольяппи Владыка Сергей - учитель, наставник и пример в деле духовного совершенствования, служения православному возрождению.

От имени коллег и наших воспитанников желаю Владыке долгих лет жизни и выражаю надежду, что еще не одно десятилетие наш Архипастырь будет служить Самарской земле.

Протоиерей Николай АГАФОНОВ

Православный писатель

- Впервые увидел Виктора Полёткина, нашего Владыку, еще в юности. Он тогда был студентом Московской Духовной академии, иподиаконом у ректора и нынешнего митрополита Киевского и всея Украины, Блаженнейшего Владимира (Сабодана).

Примерный студент, он был исключительно скромным, несмотря на чин. Даже когда проходил мимо, взгляд у него по-монашески был опущен. Да-да, именно скромностью и смирением отличался будущий Архидиакон: он был в послушании и никогда ничего не предпринимал своего. Сердечно поздравляю нашего Владыку с двадцатилетним юбилеем служения на кафедре Самарской епархии и особенно желаю ему крепости сил - физических и духовных - для управления епархией.

Протоиерей Николай Агафонов на заседании редакционного совета «Духовного Собеседника». Ноябрь 2012 г.

АВETИСЯН Владимир Евгеньевич

Член правления РАО «ЕЭС России», генеральный директор «Средневожской межрегиональной управляющей энергетической компании»

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергей и В. Е. Аветисян (ему первому только что вручен Знак свт. Алексия Московского)

- Владимир Евгеньевич! Поделитесь, пожалуйста, мнением о Владыке.

- Вы знаете, к сожалению, часто бывает так, что заслуги большого человека и все, что он делает, оцениваются после того, как он уходит. К счастью, здесь совершенно иной случай. Можно утверждать, что Владыка в расцвете лет, а по опыту, возрасту, знаниям стал настоящим Пастырем земли Самарской. И дело не только в том, что возрождены старые и построены новые храмы, а в том, что храмы эти наполнены людьми не только в праздники, но и в обычные дни. Мы видим, что сюда приходят не только старушки, как это было в советские времена, но и много молодежи. Люди стремятся сюда осознанно, по велению сердца, и в

эпом, конечно же, большая заслуга Владыки.

- Владимир Евгеньевич, Вы сами опытный руководитель. Если можно, скажите, пожалуйста, какие качества Владыки Вам близки?

- Прежде всего, это душевная доброта и смирение, с которыми удивительным образом сочетаются целеустремленность, строгость, требовательность.

Слава Богу, что у меня есть возможность общаться с таким Владыкой, советоваться с ним. Я - счастливый человек.

Архимандрит Елевферий (ДИДЕНКО)

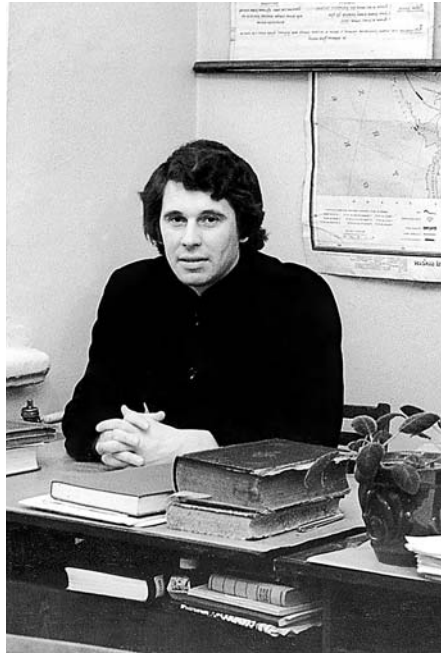
Настоятель храма в честь прпп. Антония и Феодосия Киево-Печерских

- Батюшка, наверное, Вам можно позавидовать. Вы один из тех немногих в нашей епархии священнослужителей, кто знал Владыку Сергия еще в студенческие годы. Вы были его инспектором в Троице-Сергиевой Лавре, причем, как известно, очень строгим.

- Это со слов самого Владыки? (Батюшка смеется.) Студентом он был очень ответственным, поэтому Владыка Владимир [ныне блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины - Владимир (Сабодан)] избрал его своим иподиаконом. И Виктор Полёткин был не просто иподиакон, но близкий по духу Владыке Владимиру человек. Владыка поручал ему ответственные задания, и в то же время по-отечески опекал его. Но как наставник был и взыскателен, особенно когда дело касалось иподиаконских обязанностей. И здесь следует подчеркнуть, что у Митрополита Киевского и всея Украины иподиаконы работали четко, умело - под началом иподиакона Виктора Полёткина.

- Можно ли было уже тогда в усердном, ответственном юноше распознать будущего Архиерея?

- Ну... Не смею за Христа говорить. Но предположить можно было. Совсем не зря Владыка Владимир одного из лучших иподиаконов приблизил к себе, а впоследствии назначил своим секретарем, когда был переведен на Ростовскую кафедру. Пожалуй, уже в то время можно было предположить, что примерный студент будет возрастать и духовно и по линии церковной иерархии.

Во время обучения в МДА

- Однажды, а именно в Светлую седмицу 2002 года, Владыка приехал служить в нашу церковь в честь преподобного Сергия Радонежского. И хотя прошло десять лет, я вижу как сейчас: Владыка выходит к отъезду, но, увидев Вас, стоящего у подсвечника в монашеском облачении, останавливается и начинает приветливо разговаривать. Тогда чисто по-человечески меня это тронуло.

- Вы знаете, Владыка Владимир (Сабодан) - удивительный человек. Очень простой, сердечный, общительный. Ему не присуще выделять кого-либо. И хотя все мы: инспекторы, помощники инспектора, были в эпоху академической иерархии далеко не первыми, но Владыка Владимир всех нас одинаково привечал, ко всем нам равно относился. Видимо, такое отношение передалось и нашему высокопреосвященнейшему Владыке Сергию. И он в общении так же доступен и прост.

- Отец Елевферий, двадцать лет посвятил Владыка Сергей службе в нашей епархии, что Вы можете сказать об этом?

- Во-первых, он очень любил богослужения. Во-вторых, имея специальность строителя, очень ответственно и, я бы даже сказал, профессионально относился к возведению храмов в губернии, принимает в этом самое непосредственное участие, пристально следит за качеством строительных работ. Да, впрочем, и во всем это очень инициативный и ответственный человек.

- Вы, его бывший наставник, могли бы сегодня чему-то поучиться у своего бывшего ученика?

- Несомненно. Да и не только я - все мы должны поучаться у Владыки. И хотя в свое время он был моим учеником, рад, что сегодня это Архиепископ, глава епархии, высокопреосвященнейший Владыка. Мы почитаем его, любим и берем с него пример в отношении к богослужению, к окружающим людям, к делу. Здесь, конечно, Владыка является примером для всего духовенства епархии.

- Чего бы Вы хотели пожелать Владыке в дальнейшем?

- Крепкого здоровья, добрых подвижников в управлении епархией. Храни его, Господь. Желаю Владыке Сергию многая и благая лета и прошу его святых молитв.

КОТЕЛЬНИКОВ Геннадий Петрович

Ректор СамГМУ, профессор. Действительный член РАМН. Доктор медицинских наук. Председатель Совета ректоров вузов Самарской области

- Геннадий Петрович! Я знаю, что Вы с Владыкой - близкие друзья. Могу я так сказать?

- Да, конечно.

- Вы много лет знаете нашего Митрополита. В чем, на Ваш взгляд, состоит главный итог его деятельности на Самарской земле?

- Главный итог его деятельности - в умах и сердцах людей, потому что, с моей точки зрения, вся наша область, весь регион как

бы перешли в другое нравственное поле. Многие люди, как верующие, так и неверующие, спали понимать, что без веры мы ничто. Вот в чем главный итог.

Вы обратили внимание, что в церкви появилось много молодежи. Мы открыли межвузовскую кафедру истории религии и теологии на базе университета путей сообщения, которой заведует протоиерей Димитрий Лескин, и студенты с удовольствием обучаются на ней. Сейчас появилась еще одна кафедра по вопросам национальностей и этнографии. И все же главное - это, конечно, приходы: тысячи, десятки тысяч людей, приобщившихся к вере.

В 1994 году трудами Владыки в нашем городе было создано духовное училище, получившее впоследствии статус семинарии, ректором которой он является. Деятельно работает Владыка и в Совете ректоров высших учебных заведений Самары. Своим долгом, святой обязанностью он считает и общественную работу по воспитанию молодежи, болезненно воспринимаемая явления, связанные с алкоголизмом, наркоманией, - всем тем, что уносит жизни и губит души молодых людей. Двадцать лет, в течение которых Владыка Сергей возглавляет епархию, - целая эпоха. Эти годы пришлись на тяжелый период становления России. Но Владыке удалось сделать такой рывок! Просто не представляешь, как ему хватило сил.

- Геннадий Петрович, каким Вы видите нашего Архипастыря не как духовного руководителя, а просто как обычного человека?

- Я знал его жизнерадостным, оптимистически настроенным и видел, когда ему было плохо. Но во всех делах Владыке Сергию помогает Бог. Владыка любит людей и любит беззаветно. И ему отвечают любовью.

Счастливы, что дружу с таким человеком! У нас есть профессор Поляков, который написал такие стихи:

Твори добро,
Поп, слезы упирая...
Твори добро, твори добро,
На козлы не взирая.
Нет в мире выше ничего.
Твори добро - так надо.
Твори добро и за него
Не ожидай награды.

Вот, Владыка - такой человек. Я желаю ему здоровья, сил и терпения!

- Геннадий Петрович, а о чем Вы его спросили, если бы оказались на моем месте?

Я? Лично? Я бы спросил: «Владыка! А о чем Вы мечтаете сейчас вот? Что Вы еще хотите сделать? Для людей, для губернии, для Церкви, для Бога?»

Вот о чем спросил бы. Интересно, что бы он ответил? Ведь, кажется, сделано и так больше возможного.

БАТАЛОВА Галина Сергеевна

Председатель родительского комитета православного братства «Радонеж»

Наша первая встреча с Владыкой произошла, когда в семье моей случилась беда. Я узнала, что сын употребляет наркотики. От горя, безысходности поспешила в церковь искать выхода. Поинтересовалась, как в наших православных церквях помогают страдающим от алкогольной и наркотической зависимости и воп, по благословению священника, направилась к нашему Владыке. Это было в 1996-м году.

Встретил меня доброжелательный, красивый, располагающий к себе человек. Отнесся ко мне с таким отеческим пониманием и заботой, что сразу поняла: с ним можно быть откровенной. Как я теперь считаю, тогда вела себя, может быть, не совсем правильно, слишком смело. Это потом, со временем, у меня появилось чувство благоговения и даже робости по отношению к Владыке, а в тот момент, видимо, так нужно было, чтобы и я не боялась его, и он меня сразу расположил к откровенности.

Вспоминаю, как Владыка внимательно выслушал меня, согласился, что необходимо как можно скорее взяться за решение наиболее сложной проблемы, ведь люди звонят, просят помощи, - и благословил обратиться в церковь в честь преподобного Сергия Радонежского к протоиерею (в те годы) Евгению Шестуну. При этом храм мы создали общину, появилось наше братство «Радонеж», стали читать акафисты. Словом, начали с Божией помощью работать, и воп когда у меня раскрылись глаза: увидела, насколько Владыка проницателен, как хорошо знает своих священников. Он направил меня к человеку знающему, который и в проблеме досконально разбирается, и умеет многое, и имеет подход к людям. На протяжении пятнадцати лет существует наша группа благодаря Владыке и его молитвам.

Мы и потом к Владыке Сергию не раз обращались за помощью. Например, когда собирались провести конференцию, или при создании Центра депской реабилитации «Радонеж». Во всем Владыка принимал самое непосредственное участие. Когда бы ни пришла к нему - к любой просьбе относится с пониманием.

- Известна активная позиция Владыки как наставника, воспитателя молодой смены. В чем Вы видите ее проявление?

- На мой взгляд, - в тесном контакте с различными депскими организациями, в частности, реабилитационным муниципальным центром для подростков. Владыка приезжал в этот центр. Там есть малая (домовая) церковь в честь Иосифа Обручника. Архиепископ освящал ее престол. Встречался с ребятами. Вначале их объединили в общину, затем сами подростки строили свой центр. Мне как-то особенно запала в душу та встреча с Владыкой. Такая состоялась откровенная беседа! Когда Владыка просто сел и заговорил с ребятами, - они сразу почувствовали отеческое расположение, стали де-

литсья пережитым, своими, увь, далеко не детскими мьслями. Появилось доверие к Владьике! И ребяпа бьли радь, что он нашел для эпоь вспречи время, приехал с иконами, подарками и сфотографировался на добрую память.

С годами, чем чаще общалась с Владьикой, тем большее появлялось у меня благоговение перед ним. Желая ему новых успехов на духовном поприще.

ВОРОБЬЕВСКИЙ Юрий Юрьевич

Писатель. Член Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Русский Дом» (г. Москва)

- С Владьикой Сергием я познакомился два года назад на открытии первой православной выставки-ярмарки в Самаре. С режиссером Еленой Козенковой у нас был совместный спенд, где мы представляли свои книги, и так получилось, что эта Рождественская выставка совпала с запланированными разъездами Владьики по городам епархии. Как человек публичный, я практически все время ездил вместе с ним, и он просил меня выступать и в Самаре и в ряде городов. Конечно, для себя я сразу отметил, что это необычайно просвещенный человек. Особенно запомнился эпизод в одном из городов губернии. Основным поводом для делового визита туда был выбор места для строительства храма.

Нас встретил глава местной администрации и привез на самую окраину города... Чиновник заверил: кусты уберем и построим здесь храм. Я стоял неподалеку и поневоле слышал разговор. Владьика властно ответил: «При таком отношении к Церкви ты здесь работать не будешь». Градоначальник моментально «сориентировался» и повез нас на центральную площадь, где и следовало бы заложить будущий храм. Для себя в тот момент, я уяснил, что так властно Церковь должна говорить не только внутри своей ограды, но и вне ее. Мы-то, воцерковленные люди, знаем, что такое апостольская преемственность, что такое, в духовном смысле, дары, передающиеся от Господа Ангелу Церкви. Но они же могут и должны, как мне кажется, проецироваться и на нашу социальную жизнь. Церковь призвана оказывать направляющее, иногда, может быть, даже достаточно жестко направляющее влияние и на светскую власть. В моей многолетней журналистской и писательской практике подобных случай был первым. Для себя отметил тогда: « Да, Владьика, конечно, - молодец!» Это было поразительно!

Владьика собирает вокруг себя серьезные интеллектуальные, творческие силы. Говорю не о себе, грешном... В Москве, я могу сказать, это и наши известные православные философы Тростников Виктор Николаевич, Величко Алексей Михайлович и другие.

Когда Владьика приезжал в Москву на Рождественские чтения, его внимание привлекла личность Тапьяны Грачевой - автора известных книг. Он попросил меня их познакомить. Я сделал это, и Владьика ее, В. Н. Тростникова, А. М. Величко и меня пригласил в Самару на

Епископ Сергей и А. А. Солоницын в Самарском Епархиальном Духовном училище

160-летию кафедры. Я знаю, Самарская Епархия сильна своими просветительскими программами, внушительным числом педагогов, подготовленных для преподавания таких дисциплин, как «Основы православной культуры», а также знаменитой на всю православную Россию межвузовской теологической кафедрой. Понятно, что все это удалось сделать, прежде всего, усилиями Владыки.

Мне приходилось бывать на торжественных православных приемах, а в этот раз наш приезд совпал и с празднованием 60-летнего юбилея Владыки, куда он нас с Еленой Козенковой пригласил. И я, помимо всего прочего, обратил внимание вот на что: здесь присутствовали, в основном, ректоры самарских вузов, — существенная деталь, свидетельствующая о том, какое внимание Владыка уделяет системе высшего образования, дабы Благая Весть доходила до сердец учащейся молодежи. Понимаю, что такие дары, о которых я говорил, архиереям даются особым Божественным образом, через таинство хиротонии в том числе. Но в то же время эти дары, действительно, сразу преображают человека и превращают его в

такую личность, которой мы, миряне, можем только подражать. В данном случае я имею в виду великую мудрость Владыки Сергия.

Объем знаний это одно, а мудрость - совсем другое. В решающий момент надо быть истинно мудрым человеком, чтобы действовать решительно и попасть в цель. Мы знаем Владыку Сергия как человека, умеющего дипломатично разговаривать с властью. Господь ему открывает глаза на то, как надо поступать в той или иной ситуации.

И еще очень ценю такое, сугубо православное качество Владыки, как внутреннее спокойствие. Смотришь, слушаешь, находишься рядом - и чувствуешь, что этот человек не погружен в пучину той суеты, в которую попадают многие из нас. Но православным доподлинно известно, что это грех, а суетливость качество бесовское, и, суетясь, делая что-то наспех, ты ошибешься, поскользнешься и упадешь. А когда рядом с Владыкой находишься, сомнения, опасения отходят на второй план, ты сразу успокаиваешься, явно чувствуя Божию благодать.

Есть у нас добрая, переходящая из века в век православная традиция: желать честному многая и благая лепа. Лучше не скажешь!

СОЛОНИЦЫН Алексей Алексеевич

Православный писатель

- Владыка - это - не губернатор и не начальник шепной палаты, а Архиепископ. Он выбрал свой путь к храму с детских лет и с этого пути не свернул. Более всего он мне близок тем, что он - мой духовный наставник, и мы с ним близки по духу, потому что мы оба русские православные верующие люди.

- Неожиданный Владыка... Какой он для Вас, Алексей Алексеевич?

- Какой? Он может высечь розгами... А может и дать премию, если ты что-то сделал полезное. В моем детстве был один поп, который жил неподалеку от нас, и наши ребята лазили к нему в сад за яблоками. Когда он их ловил, то порол крапивой, а после этого вел детей к себе домой и говорил: «Сколько надо яблок - берите! А в следующий раз воровать не надо». Вот так, Галина, за грехи розгами надо пороть. А за дела хорошие - давать райские яблоки. Вот это качество у Владыки и есть...

- По возрасту Вы старше Владыки, Алексей Алексеевич, но, чему-то ведь Вы у него учились?

- Да! И, прежде всего, вере! Я видел его духовное взросление. Конечно, нам трудно добиться такой высоты, но к этому надо стремиться, ведь у нас есть образец для подражания! Владыка мне сказал однажды, что главная опасность в вере, в служении Богу - привыкание, когда возвышенное становится обиденным, надоедливым, неинтересным, и молитва становится просто произнесением слов, словоговорением.

Самое главное, что должно быть у человека в молитве - всегда она должна возноситься к Богу, как в первый раз, со всей свежестью чувств.

Протоиерей Иоанн МОХОВ

Настоятель прихода в честь Святого Спиридона Тримифунтского, чудотворца. Благочинный Центрального благочиния г. Самары

- Отец Иоанн, как Вы оказались в Самаре, и как личность Владыки вошла в вашу жизнь?

- В 1999 году, я принял решение жениться. Моя невеста, Екатерина, была дочерью известного самарского священнослужителя, протоиерея Иоанна Державина. Я приехал в Самару с самыми серьезными намерениями - воспринять со своей будущей семьей. Тогда и произошло мое первое знакомство с Самарской епархией. Самара мне очень понравилась тем, что люди здесь отзывчивые, тем, что много храмов, и у меня действительно сложилось представление о Самаре как о православном городе на Волге. А когда я стал спрашивать, что нового происходит в епархии, какая жизнь на приходах, сколько строится храмов, то услышал очень много лестных отзывов о Владыке Сергии, и у меня уже тогда стал создаваться некий его образ любящего отца. Он мудрый Архиерей, но самое главное, обладает огромной жизненной энергией, которой спаряется наполнить жизнь и деятельность епархии. Его заботой создана Духовная семинария. Это очень большое и серьезное дело. Появились монастыри женские и мужские. Восстановлено и построено множество храмов. Возводятся новые. Для меня, как и для любого православного человека, это весьма и весьма приятно.

В 2002 году я перешел за штат Уфимской епархии с правом перехода в другую и отправился к Владыке Сергию с прошением зачислить меня в штат клириков Самарской епархии.

К тому времени я уже прихода был женат и успел отчасти познакомиться с городом, общаясь с родственниками супруги, которые живут здесь и служат в Самарской епархии. Они говорили со мной открыто, и, надо сказать, о Владыке Сергии критических отзывов не услышал, что меня очень порадовало. Когда Божиим Промыслом, я покинул Уфимскую епархию, в Самаре меня принял Владыка, и хотя приехал к нему на Страстной седмице Великого поста, в самый сложный для священника период, Владыка Сергей мне не отказал. Как сейчас помню, это было 1 мая 2002 года. Сначала мне довелось служить в Покровском кафедральном соборе, а потом, вместе с отцом Николаем Агафоновым стали клириками церкви, открывшейся в честь великомученика Георгия Победоносца на площади Славы. Так в мае 2002 года начались мои богослужения на Самарской земле и, насколько возможно, общение как священника со своим Архиепископом, Владыкой Сергием.

Попробую описать первое впечатление о Владыке. Увидел его, придя на прием. Передо мной был, в полном смысле этого слова, Архиерей Божий. Человек, который из эпохи апостольской пришел в наше время, преемник апостолов.

Он любящий, заботливый отец епархии. Для него важен каждый человек. Я заметил, что к Владыке на прием шли и шли самые разные

люди: из мирян, из духовенства. Архиепископ принимал всех без исключения, для каждого находил нужные слова.

Владыка всегда целеустремлен, а основная цель - процветание Церкви Христовой. Хочется привести мнение одного из священнослужителей, который трудился при Московской Патриархии: «Если бы таких архиереев, как Владыка Сергей, было больше, наша Русская Православная Церковь имела бы совершенно другой вид. Она имела бы более высокий статус и уровень».

Владыка Сергей, если можно сказать словами святого праведного Иоанна Кронштадтского, живет одним днем, но есть всегда трудится с максимальной отдачей сил, а отдых заключается в том, что он отправляется в паломничество по святым местам. Хотя по себе знаю, что паломничество - это тоже настоящий духовный труд. Владыка, как горящая свеча, предстоит перед Богом.

Всегда радостно видеть Владыку на богослужениях, потому что они исполнены особой архиерейской благодатью. Все приходы Самарской епархии находятся под постоянным окормлением нашего правящего Архиерея. Его одинаково беспокоят и какое-то забытое село, и крупные приходы в наших городах. Духовный врач, он наблюдает и лечит те или иные болезни, препятствующие спасению души.

Надо сказать, что личность Владыки Сергея в своем роде уникальна, и мы надеемся, что он еще долго будет нашим Архипастырем. Под его омофором находились всем хорошо!

- Отец Иоанн, что в личности Владыки Вам ближе всего, какие качества хотели бы перенять или видеть в своих детях?

Прежде всего, стремление к Царствию Божию здесь, на земле, умение жить во Христе так, как сказал апостол Павел: «...УЖЕ НЕ Я ЖИВУ, НО ЖИВЕТ ВО МНЕ ХРИСТОС»¹.

Очень часто мы распяляемся. Никуда не деться, священник, он и семейным человеком может быть, а семья, согласитесь, отнимает время. На приходе столько забот, что порой руки опускаются, а во время богослужения эти заботы одолевают твой разум, и молитва иногда становится рассеянной, а от этого и все немощи наши. Я просил бы у Бога духовной уверенности и сил для такого же пастырского служения, как у Владыки Сергея. В служении этом нет места сомнениям, неуверенности, слабостям, потому что ты со Христом.

- Как Вы считаете, каков главный итог архипастырского служения Владыки Сергея на Самарской земле?

- Хочу подготовить монографию под названием «Духовное возрождение Самарской епархии в конце XX - начале XXI века», по существу - при Владыке Сергии. Нисколько не умаляю заслуг предыдущих архиереев, которые здесь трудились, но следует отдать должное нашему Владыке: Самарскую епархию поднял именно он. Его заботами создано множество приходов, открылись семинария, православная гимназия, появились мужские и женские монастыри. Самарская епархия спала

¹ Гал. 2, 20.

Митрополит Самарский и Сызранский Сергей на Рождественском концерте в Самарском академическом театре оперы и балета. Январь 2013 г.

одной из ярких в Русской православной Церкви. Если посмотреть на карту региона, наша Самарская земля по своим границам и контурам походила на сердце. Владыка Сергей это сердце заставил биться.

ДЕТИ О ВЛАДЫКЕ

«Когда приезжал Владыка, - словно Ангел спустился с неба, стал видимым и вел службу».

«Сам Владыка, словно с неба: большой и добрый.

«Спасибо, что Вы разрешили изучать ОПК в школе».

«Спасибо за уроки основ православной культуры! Надо, чтобы этот предмет изучали в каждой школе и чтобы уроки по ОПК проходили при разе в неделю».

«Спасибо, что Вы создали нам книгу "Кириллица", учебник "Основы православной культуры", хрестоматию».

«Хочу попросить Вас, чтобы Вы молились за то, чтобы не было войны. Чтобы у всех детей были мамы и папы. И чтобы я хорошо учился. И чтобы все были здоровы».

«ВЛАДЫКА СЕРГИЙ, МЫ ВСЕ ПРОСИМ, ПОМОЛИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ЧТОБЫ НАС ВСЕХ ВЗЯЛИ В СЕМЬЮ».

«Дорогой Владыка! Вы молитесь за нас, чтобы мы были здоровы и учились хорошо. Я видела это, когда была с бабушкой на службе в храме. Молитесь за нас, а мы молимся за Вас».

«Уважаемый Владыка Сергей, спасибо, что Вы учите нас любить друг друга, любить природу».

«Дорогой Владыка, я благодарна Вам за тепло, которое приходит к нам от Вас при служении Богу».

ПОЖЕЛАНИЯ ДЕТЕЙ ВЛАДЫКЕ

«Счастлива, здоровья, и, самое главное, чтобы Вы попали в рай. Очень хочется, чтобы Вы жили долго и счастливо».

«Хочу пожелать Вам здоровья, любви, счастья. Когда Вы приезжали к нам в школу летом, даже солнышко играло на небе. Все радовались. Хотелось бы, чтобы Вы к нам почаще приезжали».

«Я очень хотел Вам помочь, но я еще маленький. Мы Вас очень любим и молимся за Вас».

Просим милоспиди у Бога,
Чтоб хранил Он Вас от бед,
Чтоб Вы были рядом долго,
Много-много-много лет!

Владыка и дети, и взрослые желают Вам здоровья, добра и счастья. Но понимание счастья индивидуально. В Вашем понимании «счастье - это полная бытия». Поэтому мы от всей души желаем Вам полностью бытия на многая и благая лета!

Православная смена в детском лагере «Волгарёнок». Июль 2011 г.

В рубрике использованы фотографии Алексея Майшева, Юлии Рубцовой, Андрея Холмова, Михаила Тимофеева, Романа Гребенникова, Николая Жоголева, Георгия Матанцева и др.

АГЕНТЫ ГЛОБАЛИЗМА

«ПЯТАЯ ВЛАСТЬ», ИЛИ ГЛОБАЛИЗМ СПЕЦСЛУЖБ

ПАРТИЯ «ВНУТРЕННЯЯ» И ПАРТИЯ «ВНЕШНЯЯ»

Упочним с самого начала: мы здесь имеем в виду глобализм в его субъективном выражении - как полипику и психологию, как установку воли и сознания, целенаправленно проповоспоящих привичным способам национального самоопределения людей. Соопвествующая установка зарождается на почве идейной и социокультурной отстраненности определенных общественных групп по отношению к окружающей их пуземной среде. Корни глобализма, следовательно, надо искать не среди тех пионеров прогресса, которые наследуют универалистские установки Просвещения, связанные с экономическими, научно-техническими, социокультурными прорывами всего человечества в будущее. Просвещенческое сознание открыто миру и в чем-то сродни миссионерскому, характеризующемуся стремлением как можно скорее приобщить непросвещенное большинство к откровениям новой веры.

Прогрессистская мысль нередко спрадала нетерпением и даже фанатизмом и готова была применять насилие в отношении «саботажников» прогресса. Что было вовсе ей несвойственно, так это расистское высокомерие, самоощущение себя в качестве касты избранных, судьба которой решительно расходится с судьбой большинства. Цивилизация развивалась, преодолевая уклоны расколбничества и сепанства, в которые периодически впадали отдельные привилегированные группы общества.

Криптерий здесь однозначный: там, где мы говорим об универалиях прогресса, предназначаемых стать общим достоянием, - там царит дух открытости, просвещенческой ясности и оптимизма. Там же, где речь идет о монополии, которую меньшинство желает сохранить для себя, тайно от «этой» страны и «этого» народа, - там воцаряется мораль тайных обществ, с ее тайными стандартами и бухгалтериями.

Историческая драма европейского прогресса связана с тем, что многие его установки и ожидания, прямо относящиеся к большинству населения, теряют просвещенческую открытость при переходе границ этого региона. Именно такую драму преперпело социал-де-

Панарин А.С. (26.12.1940—25.09.2003) — русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

мокрапическое движение, когда оно было экспортировано в Россию. Европейская социал-демократия, при всех своих утопических вывертах, обращалась к пролетарскому большинству населения. В России же она превратилась в установку меньшинства, противостоящего крестьянскому большинству страны.

Когда описывают социал-демократическое (РСДРП), затем большевистско-коммунистическое подполье в России, то, как правило, объясняют его подпольный статус отсутствием политических прав и свобод при царском режиме. Но подпольность эта в России обозначалась не только как специфическая цензурно-полицейская категория, вызванная установкой запрещения и репрессий. Она обрела характер социокультурной категории, обозначив водораздел между «пролетарским интернационалом» в России и земной крестьянской массой, инородной ему по своему духу, установкам и традициям.

На этой основе и возник феномен большевизма - партии меньшинства, готовой воевать с собственным народом как «изгоем» мирового прогресса и искать союзников не в собственной стране, а преимущественно среди европейских «братьев по классу».

Когда большевики захватили власть в России, тотчас же в рамках нового строя образовались, совсем по А. Кестлеру¹, две партии, внутренняя и внешняя. «Внешняя» включала так называемые «приводные ремни» (организации «промежуточного» характера, связывающие партию с непартийным населением) и гигантский пропагандистский аппарат, разбавляющий эзотерику большевистского учения общепонятными лозунгами, относящимися к установкам просветительской достижительной морали. «Внутренняя» же партия объединяла узкую касту посвященных, принимающих решение за кулисами и вполне сохранивших психологию сектантского подполья, привыкшего не доверять собственной стране, по несчастью населенной «не тем», не пролетарским народом.

Костяком этой «внутренней» партии стали так называемые «органы». Парадоксальной особенностью этих «органов» явилось сочетание практически безграничной власти с тотальной конспирацией подполья, боящегося собственной страны. Страх же по законам психологии неизбежно конвертируется в ненависть и мстительность. Чем больше была дистанция, отделяющая подполье «внутренней» партии от нормальной жизни и нормальных обычаев народа, тем сильнее были страх и его спутница - жестокость. Всепротарское большинство хотело иметь собственную землю и работать на ней самостоятельно, по-хозяйски - жрецы высокого учения считали это греховной банальностью людей, возвращенных «проклятым прошлым» и не способных подняться к высшим истинам марксизма. Люди хотели нормальной жизни и нормальных радостей - жреческое подполье мрачно наблюдало это цветение жизни, будучи заранее уверенным, что оно даст побеги, которые придется безжалостно вырывать.

¹ Кестлер. А. «Светящаяся тьма». М., 1990.

Как писал «вождь пролетариата», большевистская борьба в России проходит два этапа: первый, самый легкий, несмотря на всю его жестокость, относится к «подавлению сопротивления эксплуататоров» - помещиков и буржуазии. Второй, гораздо более трудный и масштабный, - к борьбе с крестьянством, составляющим большинство народа.

Большевистская индустриализация страны имела наряду с заявленными прагматическими целями, описываемыми на общепонятном языке Просвещения: развитие, благосостояние, обороноспособность страны и т. п. - еще и скрытую главную цель - перемолоть местную цивилизацию в железных жерновах промышленной реконструкции, разрушив органику прежней жизни в пользу рационально организованной тотальной механики. «Внутренняя» партия, таким образом, отдавала себе отчет не только в расхождении между тайными целями властвующего сектантства и обычными чаяниями большинства, относящимися к банальной повседневности, но и в наличии цивилизационного барьера между органикой крестьянской цивилизации и обществом.

Только уяснив это, мы можем понять подоплеку большевистского геноцида и его небывалые масштабы. Видимый абсурд сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму разъясняется, как только мы поймем цивилизационную подоплеку большевистского вызова: речь шла не только о классовой войне с «кучкой эксплуататоров», но и о войне с местной цивилизацией, с носителями национального менталитета - крестьянством, интеллигенцией и всеми людьми, наделенными острой культурно-исторической памятью. Крестьянское большинство страны уменьшали не только привычными путями - урбанизацией и индустриализацией, но и путем выбраковки подозрительного человеческого материала в машине Гулага.

Мы не сможем оценить всей подлинной экстравагантности мышления и поведения правящего большевистского «подполья», в особенности его «внутренней» партии, если не осознаем его отстраненности по отношению к России как архаичному цивилизационному архипелагу. Стоит проанализировать, по каким именно критериям выбраковывалось большевистскими цензорами культурное наследие старой России, чтобы понять, что речь шла не столько о классовой борьбе, сколько о разрушении социокультурного ядра России как особой цивилизации. Сначала, когда еще не иссякли надежды на мировую пролетарскую революцию, большевики ощущали себя в России пятой колонной пролетарского Запада, затем - пятой колонной социализма в крестьянской стране.

До тех пор пока Запад был представлен леволиберальным альянсом, большевистское правительствo сочетало критику буржуазно-

го Запада со старыми установками социалистического и коммунистического интернационализма. Балансировка была очень тонкой: недоверие к собственному большинству страны компенсировалось поддержкой передовой общественности Запада; дефицит такой поддержки компенсировался попытками снискать дополнительную поддержку большинства.

Фашистский переворот в Европе круто изменил положение. На фоне грозного вызова со стороны резко усилились попытки натурализации большевистского режима в местной национальной (точнее - цивилизационной) среде.

Слова, которые неистовые пролетарские интернационалисты накануне считали за бранные, за проявление «белогвардейщины»: «Родина», «патриотизм», «государственное наследие предков», «национальная русская традиция» - почти мгновенно были возвращены и вошли в арсенал официальной идеологии. Но как раз по мере такой натурализации марксистского режима в недрах национальной среды и традиции наблюдатели на Западе все чаще склонялись к тому, чтобы отождествлять советский коммунизм с русским империализмом. Альянс с собственным народом оборачивался новой дистанцией от «передовой общественности» Запада.

Наверное, судьба коммунистического строя в России сложилась бы иначе, если бы ему дано было по-настоящему легализоваться - вписаться в национальную культурную традицию и естественным образом эволюционировать вместе с нею. Но не будем забывать: большевистское меньшинство пришло к власти в результате нелегального переворота, путем обманного использования чужих (эсеровских) лозунгов, а затем и кровавой гражданской войны. Все это предопределило его роковую подозрительность в отношении собственного народа, с которым оно по-настоящему никогда себя не отождествляло.

Если бы это было обычной дистанцией привилегированного большинства - типичный случай любого социально дифференцированного общества, - ситуация не была бы столь тяжелой. Но речь шла о более роковой черте - о психологии сектантского меньшинства, живущего не обычной национальной жизнью, а «по книге», написанной на спороне, по заемному учению. Такое меньшинство с национальным большинством разделяли не одни только имущественные барьеры - ему враждебны менталитет большинства и его культурная традиция, оно опасается пробуждения национальной памяти и достоинства. Поэтому меньшинству необходима цивилизационная солидарность Запада; когда она утрачивается, перспективы становятся туманными, и страх одиночества усиливается. Надо сказать, что в условиях развязанной с конца 40-х годов холодной войны власть

и на капиталистическом Западе и на коммунистическом Востоке стала все больше зависеть от некоей международной конъюнктуры. Конъюнктура эта была отнюдь не экономической - она касалась политического доверия собственного населения.

ПАРАДОКСЫ ДЕМОКРАТИИ

Американский образец демократии, сформировавшийся в XVIII-XIX веках, фактически представлял демократию меньшинства, типичным носителем которой выступал белый, протестант, домовладелец. Так называемое политическое участие - претензия быть услышанным в процессе принятия важнейших социальных решений - должно было оставаться уделом благополучного большинства для того, чтобы демократия оставалась устойчивой.

Словом, парадоксом демократии является то, что она основана на политическом участии тех, кто мог бы и не участвовать, кого сложившийся статус-кво в целом устраивал. Когда же на участие стали претендовать социально не успешные и недовольные, политическая стабильность грозила пошатнуться.

Холодная война подоспела кстати: в ее условиях правящие верхи добивались лояльности граждан не столько заволаживая собственным примером, сколько пугая примером другой стороны. Демонизация противной стороны, находящейся по ту сторону железного занавеса, необходима была не только для оправдания гонки вооружений, но и для демонстрации собственному населению преимуществ его положения по сравнению с ужасами чужого правления. Пропагандистский аппарат и спецслужбы стран-участниц холодной войны заиграли большую стратегическую игру, сообщая создавая пропагандистские страшилки для своих народов.

В одном лагере лояльность собственного народа пытались получить, эксплуатируя миф об «абсолютном и относительном обнищании» при капитализме, в другом - о коммунистическом рабстве. По высоким стандартам Просвещения, это должно быть оценено как посягательство на универсалии прогресса, в которые верили люди предыдущей эпохи. Прогресс терял на глазах черты христианского Бога, дающего свое обетование всем народам, и все больше обретал черты ревнивого Бога Израиля, удостоивающего лишь «идеологически близких», относящихся к своему лагерю, и грозящего полным оплечением тем, кто принадлежит к чужому.

На глазах современников, помнящих более либеральные времена, происходила разительная архаизация социально-политического мышления стран-участниц мирового противостояния. Если демократическая традиция приучала заниматься преимущественно критикой собственного правительствa и искоренять недостатки

в собственном доме, по новая, связанная с холодной войной, предписывала искать изъяны в стане противника и демонстрировать верноподданническую лояльность у себя дома. Эта милитаризация менталитета, вооруженного подозрительностью в отношении чужих, переворачивала с ног на голову большинство демократических принципов и установок. По мере того как демократия становилась массовой, ей предписывали становиться военной, мобилизованной на противостояние внешнему противнику. На Западе это касалось в первую очередь Американской республики, становившейся имперской республикой - новым Римом, сражающимся с Карфагеном.

Этот принцип внешней мобилизации не менее последовательно использовался на Востоке. Обе стороны играли в азартную игру макивейского противостояния, позволяющую шельмовать внутренних крикианов как пятую колонну другой стороны. Чем дольше велась холодная война, тем больше она обретала характер сговора играющих партнеров, намеренно использующих фобии оборонческого сознания в целях стабилизации собственного строя.

Фактически по обе стороны железного занавеса формировались наряду с «внешней» партией, ведущей диалог с общественностью, свои «внутренние» партии, лучше осведомленные о подоплеке глобального конфликта и паящиеся в нем внутриполитических дивидендах. Со временем языки «внешней» и «внутренней» партий становились все менее взаимопереводимыми. «Внешняя» партия, занятая демонстрационными эффектами, брала внешнего противника и льстила собственному обывателю, внушая ему представления о завидности его положения по сравнению с положением населения противной стороны. «Внутренняя» партия все более дистанцировалась от собственного обывателя, находя все больше сходства между политическими заботами официального противника и своими собственными.

«Внутренние» партии все более проникались осознанием внешних, глобальных предпосылок внутриполитической стабильности, связанных с милитаризацией общественной жизни и конфронтационным мышлением, тогда как «внешние», публичные партии мыслили более провинциально и традиционно.

Само собой разумеется, что контингент «внутренних» партий в основном составляли мозговые центры спецслужб. Спецслужбы стран-участниц холодной войны противостояли друг другу, но не могли не замечать, что «по профессиональному счету» взаимного сходства у них больше, чем между ними и собственной общественностью - наивной, обремененной грузом стереотипов и предрассудков. Все чаще наблюдались такие случаи, когда скрыть ту или иную деликатную акцию от собственной общественности было важнее, чем

от противника, у которого были свои, никак не меньшие трудности с его профанным окружением.

Так наполнялась копилка совместных профессиональных тайн, по взаимному дженджменскому соглашению не разглашаемых перед общественностью. Спецслужбовский «авангард» создавал свой новый театр абсурда. То, что не являлось тайной для спецслужб противника, прятали как тайну от собственного населения. То, что было деструктивным с точки зрения обычных целей нормальной политики, могло использоваться в качестве полезного инструмента на эзотерическом уровне тайной власти. Пожалуй, удобно было бы назвать ее «пятой властью» - и в целях опличения от известных четырех властей (исполнительной, законодательной, судебной и СМИ), и по ассоциативной и смысловой близости с «пятой колонной».

Каждая из указанных ветвей власти имеет свои специфические устои, а также свой объект и свою проблемную сферу. Специфическим антиподом исполнительной власти является неуправляемость, законодательной и судебной - нелегитимность, СМИ, как «фабрика мнения», - самопроизвольность массового восприятия, которое предстоит организовать и направить.

А чему противопоставить «пятую власть», в чем она усматривает свое антиподие?

Профессиональное самоопределение этой власти, получившей название тайных служб или спецслужб, строится на дихотомиях: специальное - общедоступное, тайное - гласное. Здесь можно говорить о чем-то специфически антиподном демократической морали открытого общества, ценностями которой являются нормальная соревновательность и гласность. Выборной «республике депутатов» начинает противопоставляться тайная власть экспертов, дилетантизму публичных политиков - эзотерическое знание прячущихся за кулисами профессионалов, касающееся тайных пружин и теневых сторон политики, в принципе не подлежащих разглашению.

С позиций новой эзотерики, исповедуемой «пятой властью», позволительно расширять теневую практику, ускользающую от традиционной национальности и легитимности, и вместо единого просвещенческого стандарта ввести двойной: для внешнего общественного пользования и для профессионального, «спецхрановского» пользования, недоступного остальным.

Границы между доступным и недоступным, логикой Просвещения положенные в качестве временных и относительных, здесь становятся непреходимыми. Общество тем самым возвращается к допросвещенческой архаике скрытых сект, кощунственной магии

нелегального, но властного жречества, наделенного правом дезориентировать и одурачивать публику. Такой статус спецслужб подрывает и еще один важнейший принцип современного демократического общества - принцип политического суверенитета большинства.

Чем шире прерогативы спецслужб, тем более призрачным и условным становится политический суверенитет большинства, от которого скрываются наиболее важные тайны и пружины власти. Эта ситуация постепенно становится оскорбительной не только для демократической общественности, но и для публичных политиков, все чаще чувствующих себя марионетками театра кукол.

СГОВОР «ПРОФЕССИОНАЛОВ»

К числу таких политиков в США принадлежал Джон Кеннеди. Он выразил настроения нового поколения, в новых условиях сопоставившего великий проект Просвещения и его демократические обещания с «презренной действительностью». С первой просвещенческой волны XVIII века импульсы Просвещения периодически по ослабевали, напавшая на сопротивление обстоятельств и привычное уныние обывателя, но вновь крепили, вдохновляя сердца. Рубеж 50-60-х годов XX века был переломным для народов по обе стороны железного занавеса. Новое поколение ждало обновления жизни и политики. Кумиром этого поколения суждено было стать Джону Кеннеди.

Он мечтал в новых условиях утвердить в США универсалии Просвещения и на их основе сформировать единую политическую нацию, свободную от расовых и этнических барьеров. Брезгливой этнической впечатлительности господствующего слоя - белых, англичан, протестантов - он противопоставил свою веру в человека и в то, что именно Америка сможет стать для него землей обетованной. До того времени, как это ни странно, американцы не спали еще по-настоящему урбанизированной нацией, не освоили вполне культуру города, в которой нивелируются различия, связанные с этническим и региональным происхождением людей. Америка оставалась провинциальной, снобистской, подозрительно относящейся к «чужакам», подверженной предрассудкам и фобиям. Эта психология провинциальной «бдительности» в отношении всего уклоняющегося и необычного служила опорой политической лояльности и всячески поддерживалась властями.

Против всего этого и выступил Джон Кеннеди. Ревнивому и подозрительному сознанию протестантских «малых обществ» он противопоставил новое мышление единого Большого общества, в котором реализует себя американский гражданин - независимо от цвета

кожи, вероисповедания и других цензовых особенностей. В таком обществе мощный луч Просвещения должен высветить все запхлые уголки, прогнать нечисть сумерек, устранить антидемократическую эзоперику решений, принимаемых немногими и для немногих.

Надо сказать, многие «профессионалы» в Америке испугались за свои профессиональные тайны и привилегии, и в первую очередь это были профессионалы спецслужб. Для них Кеннеди олицетворял фигуру опасного дилетанта и красноречивого, принявшего всерьез принцип «публичной политики» и незаконно посягающего на «подводную часть айсберга», которой надлежит оставаться в ведении «глубоководных акванавтов» их профессии.

Уже тогда, в начале 60-х годов, мы встречаем симптоматичное столкновение эзоперического глобализма с универсалиями Просвещения. Кеннеди верил в открытое общество - в социум, лишенный сословных барьеров и тайн, в котором различия в происхождении и спартовых условиях не могут иметь решающего значения.

Его оппоненты из стана эзоперического глобализма спецслужб верили в другого «гражданина мира» - в интернационал тайных хозяев мира, пасущих наивное и своевольное народное стадо. Этим хозяев объединяет тайное профессиональное знание, сходные заботы, совместный жреческий кодекс. Последовавшие вскоре драматические события подтвердили, что барьеры, отделяющие профессионалов плаща и кинжала от рядовых граждан собственной страны, несравненно выше и непроницаемее того национально-государственного барьера, который должен был бы, с позиций здравого смысла, разделять между собой этих профессиональных дуэлянтов.

Один американский молодой человек, по имени Ли Харви Освальд, с непринужденностью пересекает непроницаемый железный занавес, поселяется в Советском Союзе, женится там, а спустя некоторое время возвращается в США с тем, чтобы совершить «преступление века» - убийство американского президента. Характерно, что в разгар этих драматических событий спецслужбы обеих стран хранят деликатное молчание по поводу странной оплочки убийцы президента в Советский Союз. Тогда-то, по-видимому, и был создан прецедент делового сотрудничества «профессионалов безопасности» за спиной общественности. Кеннеди напугал «профессионалов» по обе стороны занавеса своим демократическим просвещенческим пафосом - готовностью превратить в жизнь великие принципы суверенного гражданского общества, которое никто тайно не опекает и не контролирует.

Он, разумеется, не хотел упразднить спецслужбы - утопистом безгосударственности он не был. Но он хотел устранить комплексы, страх и барьеры сегрегационного общества в Америке, не смеющего

быть по-настоящему единой политической нацией, без внутренних изгоев. Он хотел, чтобы общество, даже спрадая от несовершеннолетних или ошибочных решений, знало, что это его собственные, гласно принятые решения, а не сговор прячущихся за кулисами «профессионалов».

Таким образом, в Америке на двадцать пять лет раньше, чем в Советском Союзе, появился инициатор перестройки и нового мышления «для собственной страны и всего мира» - и был устранен спецслужбами собственной страны, и, как кажется, не без дружественного профессионального содействия коллег из страны официального противника.

ЧТО ЖЕ ОБЪЕДИНЯЛО «ПРОФЕССИОНАЛОВ» С ОБЕИХ СТОРОН?

Здесь были и общий «пессимистический реализм», противостоящий романтическому Просвещению с его лозунгами свободы, равенства, братства, и ревность профессионалов, защищающих свои привилегии от вмешательства дилетантов публичной политики, и, главное, стремление сохранить то, что является социально-психологической базой господства спецслужб в обществе, - климат общего недоверия и подозрительности.

Убийство Кеннеди было одной из первых глобальных операций складывающегося глобального интернационала, первым эшелон которого стал интернационал спецслужб.

Первые глобалисты были исполнены решимости заново заморозить почву, оттаявшую после оттепели рубежа 50-60-х годов. Эзоперические глобалисты отбили очередной напор Просвещения, связанный с долговременной задачей превращения массового общества в действительно демократически открытое, самостоятельное и суверенное.

Разумеется, профессионалы спецслужб были не только глобалистами: наряду с совместными заботами у них сохранялись и свои традиционные задачи, выполнение которых и финансировал налогоплательщик, - задачи поддержания национальной безопасности и ослабления соответствующего потенциала противника. И в этой связи американским аналитикам запомнился страх, который испытывали они вместе со своими советскими коллегами перед инициативами знаменитого американского «перестройщика».

Если перестройка так опасна у себя дома, то не целесообразно ли отдать ее на экспорт - как дестабилизирующий фактор в стране противника?

Многое тогда, в начале 60-х, было заложено в кибернетическую память спецслужб и попало в копилку рецептов этого специфического волхования. Может быть, особо запомнился случай с вдовой убийцы президента - русской женщиной Мариной, на удивление быстро и легко

напурализованной в США и даже подружившейся с американской Фемидой. Когда заключенный под стражу Ли Харви Освальд был застрелен (чего следовало ожидать), безупешная вдова среди возвращенных ей личных вещей мужа недосчиталась самого дорогого - брюк покойного. Понесенный моральный ущерб сепиментальной вдовы был оценен судом в приличную сумму, достаточную для безбедного существования в печение многих лет.

Поставленный спецслужбами «эксперимент» с Джоном Кеннеди приобрел архепипическое значение. Многие узловые моменты этой драмы были расшифрованы агентами спецслужб в рецептурном значении потенциальных технологий, которые могут быть использованы в работе с противником. Именно так были истолкованы и перестроенный романтический прекрасного реформатора, готового своими руками поколебать долго воздвигаемые оборонческие укрепления, и способность к быстрой напурализации на чужой почве, которую продемонстрировала вдова Освальда, и многое другое.

Риск реформаторского экспериментирования может стать приемлемым, если имеет место тайная надежда на благополучную эмиграцию в случае, если эксперимент будет грубо отпоргнут «почвой». В этих двух направлениях - поощрения социального экспериментаторства в стане противника и создания дополнительных страховок для тех, кто на него решится, - стала работать мысль соответствующих «профессионалов».

МЕТАМОРФОЗЫ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО СОЗНАНИЯ

Новый ракурс причудливого сочетания и столкновения глобализма и Просвещения был представлен миру в 1968 году. «Пражская весна» была восстанием Просвещения против косной тоталитарной системы советского образца. Свободолюбивое поколение, воспитанное в климате специфических ожиданий всемирного шестидесятиничества, обрело свой авангард в Чехословакии. Александр Дубчек воплощал просвещение, поставленное на службу национальным освободительным целям. Глобалисты ревнивой сверхдержавы, беспокоящейся о своих мироустроительных прерогативах, с распушим раздражением за ним наблюдали.

Важно с самого начала понять, что они анализировали ситуацию не с позиций национальных интересов своей страны, а именно с глобальных позиций, ибо социализм олицетворял по большому счету не страну, а одну из глобальных подсистем. Национальная привязка абсолютна, ибо опирается на нерукопворные твердьни природы и истории; системная комбинастика всегда относительна, подвижна и предполагает значительный уровень технологической свободы пворцов по отношению к продукту, который они волены модифицировать.

Такими глобальными технологиями, относящимися и к своей собственной стране, и к другим подвластным странам как к «материалу», и были представлены «внутренней» партии в СССР. Подвластную им «внешнюю» партию - весь политико-пропагандистский аппарат вместе с аппаратом военным - они направили против мятежников и вольнодумцев Праги, используя лексику «интернационального долга», защиты социалистических завоеваний и солидарности с чехословацким народом.

Но сознание «внутренней» партии анализировало события с позиций особого знания касты жрецов, не связанных какими бы то ни было местными обязательствами и «предрассудками». В первую очередь отмечена была необыкновенная популярность реформаторов, а также та необычайная легкость, с какой они рушили твердыни «самого передового строя». Копилка важнейших государственных тайн советского режима пополнилась еще одной: тайным знанием о необычайной хрупкости социализма, окончательно разошедшегося с эмансипаторскими импульсами Просвещения. Забрестило подозрение, что рано или поздно «самый передовой строй» придется сдавать, дабы не быть погребенными под его руинами.

А поскольку постановщики социалистического эксперимента в России с самого начала поставили себя не в положение национальных деятелей, решающих национальные задачи, а в положение глобалистов коммунистического интернационала, для которых собственная страна была только полигоном и плацдармом для дальнейшей мировой экспансии, то ясно, что они и в отношении самого социализма сохраняли хозяйственную свободу рук.

Происходил любопытный процесс: по мере того как социализм натурализовался в России, постепенно усваиваясь народом и обретая национальные черты, экспериментаторы-глобалисты все больше дистанцировались от своего деппища, соблазняясь новыми учениями. Но само собой разумеется, что эта свобода взгляда и решений была прерогативой только узкого, поначалу даже сверхузкого круга «внутренней» партии. На долю «внешней» возлагалась неблагоприятная задача репуширования попускневшего образа и защиты облеченных позиций. С тех пор как тайные глобалисты из «внутренней» партии по-своему осмыслили уроки «пражской весны», судьбы социализма и СССР стали зависеть от решения одного вопроса: можно ли сделать так, чтобы при смене шапатоющегося строя и замене его новыми хозяевами жизни остались прежние правящие заговорщики? Однозначного ответа в период между 1968 и 1985 годами еще не было дано; отсюда - известные колебания и шарахания в стороны, двойные стандарты и запасные коды вместо бывлой доктринальной строгости, последовательности и решительности.

В частности, в высшей степени симптоматичен двойной стандарт коммунистической власти в отношении оппозиционеров. Диссидентство западного полка, ищущее свое отечество за рубежом, в целом удостоивалось более снисходительного отношения. Если оппозиционеров-националистов коммунистические глобалисты уничтожали физически, путем подстроенных «несчастных случаев», или гноили в Сибири, то оппозиционеров-западников выслали на Запад.

Не создавался ли таким образом некий особый запасной пункт и плацдарм для колеблющейся власти? Глобалистское диспансирование власти от собственного народа, почти усвоившего экзотический социалистический строй, получило усиление благодаря другому импульсу, полученному от интеллигенции.

До 1968 года наша авангардистская интеллигенция, тщательно следящая за сменой идеологической моды, в целом разделяла просветительские установки в отношении собственного народа. Он воспринимался ею как закабаленный и обманутый гигант, которого предстояло просветить и пробудить для демократического освобождения. Но когда обнаружилось, что народ так и не поднялся до того, чтобы осудить подавление «пражской весны» советскими войсками, отношение к нему со стороны передовой интеллигенции бесповоротно изменилось: вместо жертвы тоталитаризма он стал восприниматься как его последняя опора.

ВЕРОЛОМСТВО «ПАРТНЕРОВ»

С тех пор получила новый толчок тенденция глобализации двух советских элит, несмотря на еще продолжающийся конфликт между ними: властной политической элиты, с одной стороны, и диссидентствующей интеллектуальной элиты - с другой. Обе все более переориентируются с задач национальной жизни и культуры на другие, связанные с поисками опоры и гарантий на стороне... Глобалисты-эзоперники из «внутренней» партии оказались многим обязанными своим оппонентам-интеллектуалам. Последние снабдили их новым языком и лозунгами, без которых будущий великий обман номенклатурной приватизации вряд ли был бы проглочен нацией.

Однако если иметь в виду не пропагандистское прикрытие, а реальный политический капитал и пружины грядущего августовского переворота, то надо прямо сказать: постсоветский режим был создан не демократической оппозицией, не западными диссидентами, а самой правящей коммунистической номенклатурой, конвертировавшей старую власть в новую собственность. В самом деле, как была создана новая, олигархическая собственность?

Обескураживающий реализм новейшей эпохи состоит в том, что «системные новации» социально-экономического и политического плана проходят только в том случае, если они устраивают уже сложившуюся властную элиту и дают ей формы нового самоутверждения. Прежняя романтика Просвещения, связанная с лозунгом «кто был никем, тот станет всем», со штурмом Бастилии восставшим народом, с приходом к власти тех, кто составлял оскорбленную совесть и новую силу нации, кажется, канула в небытие. Оптимальные новации строятся на конвенции со старыми силами - держателями власти; поэтому надежды стать кем-то имеют лишь те, кого старые повара в партии кооптируют в свои ряды.

По некоторым данным, глобалисты из спецслужб получили в результате приватизации 1992 года около 65% всей бывшей государственной собственности. Сработал принцип: чем более высокими номенклатурно-должностными полномочиями при прежнем режиме обладала та или иная группа из правящего слоя, тем большую долю собственности она получает в результате новейшей приватизации. Чудо новых миллионеров и миллиардеров объясняется просто: они получили свою долю собственности в соответствии со своим прежним номенклатурным статусом.

Можно ожидать возражений, связанных с известными и очевидными примерами, когда лица, заведомо не принадлежавшие к гэбистской агентуре, стали известными «олигархами». На это можно ответить только одним ответом: значит, они принадлежали и принадлежат к спецслужбе другой стороны, с самого начала оговорившей свое участие в «реформах» и обязавшейся подстраховать реформаторов в случае их провала в «родной» стране. Ни в чем в такой степени не проявился новый, глобальный характер новейшего политического процесса, как в сотрудничестве спецслужб двух сверхдержав в деле демонтажа СССР и того, что называли «реальным социализмом».

Когда наиболее осведомленные и раскованные члены «внутренней» партии решились расстаться с выдохшейся лошадкой социализма и переселись в новое седло, без тайного партнерского сговора с коллегами, представляющими вчерашнего официального врага, обойтись никак не могло. Американские коллеги представлялись такими же обеспокоенными и ищущими новых форм глобалистами, имеющими не меньше претензий к собственному народу, неуклонно перяющему свою англосаксонскую и протестантскую идентичность в массовом обществе. Словом, американские «коллеги» всячески убеждали в том, что их «остраненность» по отношению к своему народу никак не меньшая, чем у российских реформаторов, и что назрел некий наднациональный политический консорциум двух правящих элит, призванных сообща совершенствовать мировой и национальный порядки.

Соответствующие приемы глобалистского «оспранения» настойчиво использовались в работе с самим автором советской перестройки. С одной стороны, играли на его политическом честолюбии, давая ему понять, что его реформаторская инициатива явно перерастает сугубо национальные рамки и поэтому уделом его становится лидерство поистине мирового масштаба - вхождение в состав сверхзвездного круга мировой суперэлиты, вооруженной спандартами, до которых пыльные массы в целом явно не доросли. С другой - эксплуатировались близкие советскому лидеру установки Просвещения, которые в самом деле влекут к наднациональным горизонтам общечеловеческого будущего. Ясно, что такая работа обречена на видимость убедительности и достоверности, если проводящая ее сторона, в свою очередь, обязуется подняться над национальным эгоизмом и добросовестно служить новому мировому порядку.

Последовавшие затем события показали, что американская сторона нарушила кодекс «добросовестного глобализма», скрывая за соответствующей мироустроительной риторикой узконационалистические, точнее - имперские планы. Перестроенную, а затем и постперестроенную элиту манили стратегическим партнерством, основанным на равном дистанцировании от «местнического» подхода и национального своекорыстия. На деле оказалось, что степень этой «оспраненности» от национального интереса была явно не одинаковой. Американцы оказались призрачными глобалистами, преследующими свои великодержавные цели и склонными пользоваться двойными стандартами.

В новый демократический мировой порядок, в котором не будет врагов, а накопленный арсенал вооружений станет полностью излишним, верили, как оказалось, только российские глобалисты. Американские интерпретировали глобальный мировой порядок и глобальную власть (мировое правительствование) как их порядок и их власть над миром. В этом контексте им представлялось, что они наконец-таки «внедрили» нового Джона Кеннеди, перестройщика и утописта, в стан противника, тогда как сами оставались хитроумными реалистами, свободными от романтических химер.

Джон Кеннеди был убит там, где ему и надлежало быть убитым, но заново родился там, где был запланирован глобальной стратегией прибирания разоружившегося мира к американским рукам. Получается, что американские глобалисты, ведшие тайный диалог со своими российскими коллегами, скрывали свою неизжитую «почвенность» и, высеивая архаичный национализм и патриотизм у других, сами сохранили соответствующую национальную привязку.

Мы, таким образом, можем теперь провести своего рода классификацию типов глобализма, которые в своем переплетении дают пеструю, зыбкую и в целом обманчивую картину мира.

К первому пипу следует отнести глобализм Просвещения - интенсию, заложенную еще у истоков европейского модерна и ведущую к формированию единого мирового пространства, основанного на универсалиях прогресса, равно доступного всем.

Ко второму пипу относится эзотерический глобализм правящих элит, за спиной народов, сговаривающихся между собой. Своеобразная элита такого глобализма состояла в том, чтобы партнеры не вводили друг друга в заблуждение и, равным образом дистанцируясь от «национального эгоизма» и местных интересов, образовали консорциум мирового правящего меньшинства. Национальные представители, делегированные таким образом в мировую глобальную элиту, работали над формированием мирового порядка хотя и далекого от профанных ожиданий народов, но прозрачного для всех участников этого привилегированного клуба.

Наконец, третий пип глобализма - это глобализм, основанный на традиционной процедуре превращения одной державы, со всей ее национальной и местнической ограниченностью, в монополярного носителя мировой власти - однополярной глобальной системы.

Каждый из этих трех пипов глобализма был задействован при переходе от биполярного мира к однополярному, но - с разной степенью подлинности. Для манипулирования широким общественным мнением, направляемым демократической интеллигенцией, была использована пропагандистская форма просвещенческого глобализма, верующего в универсалии прогресса и единство мировых судеб народов. Чем добросовестнее были усилия пропагандистов нового мирового порядка, тем скорее снимались и разрушались традиционные средства национальной самозащиты, от которых стали отворачиваться как от чего-то одиозного и устаревшего.

Для манипулирования сознанием посткоммунистической элиты, которой предстояло сдать свою страну «победителям» в холодной войне, использовалась вторая разновидность глобализма - эзотерический глобализм, отличающийся превращением прежних конфликтующих друг с другом национальных элит в единую мировую среду избранных господ мира, «демократически» решающих между собой его судьбы.

В реальности же «процесс пошел» в направлении третьего варианта, при котором незадачливые кандидаты в мировую правящую элиту, отдавшие за членство в ней все, что только можно было отдать, в конце концов обречены были узнать, что их попросту одурачили. Разумеется, это не означает, что они ничего не получили. Главное из того, что они все-таки получили, были гарантии их новой собственности.

Не будучи уверенными в том, что «эпоп» народ и впредь будет безучастно смотреть на разорение своей страны и ликвидацию цивилизованных условий своего существования, номенклатурные привапизаторы получили гарантии извне в виде возможностей создания разнообразной инфраструктуры за рубежом, призванной обеспечить их безбедное существование в случае вынужденной эмиграции.

Используя собственную страну в качестве ничем не защищенного резервуара даровых ресурсов, они свою настоящую «обетованную землю» видели на Западе, куда и переводили все экспроприированные у нации средства.

Однако, как показал дальнейший ход событий, наши конспираторы глобализма просчитались в двух вещах. Во-первых, не оправдались их расчеты на то, что «партнеры» признают их монопольное право в качестве собственников национальных ресурсов России или даже всего постсоветского пространства. Иностранные партнеры, все более осваиваясь в роли «победителей», стали бесцеремонно претовывать права участия в разделе и перераспределении ресурсов не только в ближнем зарубежье, но и в самой России. Во-вторых, не оправдались надежды на инфраструктуру, обеспечивающую фактически двойное гражданство и гарантии на случай вынужденной эмиграции.

Поднялась уже и неостановимо капитесь волна разоблачений, касающихся зарубежных вкладов «семьи» и ее окружения. Нарушена пайна соглашений интернациональной «пятой власти», ибо вопрос о русских вкладах передан в комиссию конгресса США, которому не свойственно успокаиваться на полумерах. Поднятая кампания грозит российскому «либеральному» истеблишменту полным отлучением от глобального сообщества и превращением в отторгаемых и презираемых изгоев.

Мало того, это запрагивает известные обязательства союзников по поводу обетанных гарантий российской элите на случай, если угнетенное и обманутое российское «молчаливое большинство» вдруг прервет свое молчание и предъявит счет. Ясно, что российская элита сегодня тяжело переживает американское вероломство и недоумеует по поводу случившегося. Кажется, свои тайные обязательства перед заокеанскими партнерами она выполняла вполне добросовестно. Она молча проглотила внезапное понижение постсоветской России в статусе, когда нашу страну превратили из стратегического партнера в побежденную страну, принуждаемую к безоговорочной капитуляции. Российские «прагматики» отбросили в сторону такие «архаичные» понятия, как «суверенитет», «достоинство» и «национальные интересы», и приняли вероломное продвижение НАТО на восток. Ибо вероломным оно выглядело поль-

ко с позиций прекраснородного глобализма либерального «бомонда», поверившего в наступление нового мирового порядка.

Что касается вперодой разновиднородности глобализма, представляющей тайнвой инпернационал спецслужб, то сдача Россией своих геополитических позиций в западной части постсоциалистического и постсоветского пространства, вероятно, подразумевалась с самого начала. Официальные эскапады российского МИДа в связи с продвижением НАТО на восток предназначались, как и давали конфиденциально понятия американцам, исключительно для внутреннего пользования - дабы бросить кости своим «национал-паприотам».

Вскоре инпернационализация российского реформационного процесса запронула и систему приватизации госсобственности. Хотя первоначально этого и не предусматривалось, однако со временем американская сторона явно обретает право голоса при формировании списков кандидатов в будущее российские олигархи. Слишком много появилось таких олигархов, которые не занимали видных постов в прежней системе и, следовательно, не соответствовали общему принципу конвертирования власти в собственность. Значительная часть олигархов появилась в качестве американской пятой колонны, права которой были оговорены в обмен на гарантии зарубежных вкладов и другие поблажки. Наконец, американский капитал получил ряд ключевых позиций в российской экономике, выступая уже прямо под собственным именем. Это касается стратегически важных отраслей, в том числе прямо относящихся к военно-промышленному комплексу.

Чем же в таком случае объяснить американское вероломство и все эти новейшие разоблачения, касающиеся зарубежных вкладов «семьи» и ее ближайшего окружения?

ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ БЛАГОНАМЕРЕННОСТИ К ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Наблюдая современные процессы в мире после холодной войны, приходишь к выводу, что в нем действует своего рода закон: чем более эзотерическими, скрытыми от ответственности являются те или иные стратегические решения, тем более они вписываются в нынешнюю тенденцию общей архаизации модерна.

Что может быть более архаичным, более проповоспоящим просвещенческому идеалу нового мирового порядка, чем новая мировая война? По-видимому, именно она сегодня входит в систему тайн глобального эзотеризма. Однополярный мир взамен обещанного полицентричного, основанного на справедливом балансе интересов Востока и Запада, неминуемо идет к новой мировой войне. Последовательная однополярность,

при которой США обретаюи монополию на управление миром, несовместима с существованием крупных суверенных государств, где бы они ни находились. Последовательный демонтаж этих государств явно входит в замыслы архитекторов однополярного мира.

Начиная, по-видимому, решено с России. В значительной степени это диктуется инерцией холодной войны - готовым образом врага, ныне спроецированным с бывшего СССР на Россию. Инерция холодной войны поддерживается и характером военной инфраструктуры, созданной в эпоху противостояния с СССР, направленностью вооружений, спецификой информационного обеспечения войны. Еще более важным фактором является то, что Россия - обладательница богатейших ресурсов, которые сегодня становятся все более дефицитными. Машина западной технической цивилизации стоит перед дилеммой: либо переориентироваться на «нулевой рост» ввиду экологических, энергетических и сырьевых ограничений планеты, либо осуществить передел мировых территорий и таким образом заполучить новые ресурсы.

Первый вариант, за который ратовало экологическое движение и другие диссиденты технической цивилизации, означал бы такую перестройку самих основ существования, к которой ни властные элиты, ни массовый потребитель сегодня явно не готовы. Остается, следовательно, второй вариант - геополитическая экспансия Запада во имя снятия известных «пределов роста». Основное направление такой экспансии, судя по всему, уже определилось - речь идет о России. Россия соблазняет агрессора сочетанием ресурсной емкости и кажущейся государственной беззащитности. Против нее работает новая социал-дарвинистская теория глобального общества, которая провозглашает принцип естественного отбора народов, обязанных доказать свою выживаемость в условиях глобального - не связанного никакими протекционистскими барьерами рынка.

«Глобальный рынок» означает свободное перераспределение всех ресурсов, в том числе и закрепленных за государствами территориями, в пользу тех, кто продемонстрировал наивысшую экономическую и экологическую эффективность. В результате падения границ и других барьеров в глобальном «открытом обществе» земля и ресурсы должны перейти из рук менее умелых и приспособленных в руки более достойных, в будущем образующих расу господ на планете. На примере новейшей теории глобального открытого общества мы видим, какие метаморфозы претерпевают важнейшие идеологемы Просвещения в процессе своего использования эгоперикой глобализма.

Еще вчера понятие «открытое общество» включало весь набор либеральной благонамеренности - от пацифистского неприятия конфронтации до отказа от цензуры и любых государственных и со-

словных пайн. Сегодня оно обрепает явный социал-дарвинистский оппенок, свидетелъствуя о решительном разрыве с наследием христианского и просвещенческого гуманизма, о выборе в пользу сильных и приспособленных против слабых и «нищих духом».

Но эта ревизия гуманистических принципов создает только общую предпосылку милитаризации сознания победившего Запада и усвоения языка расы господ представителами «золотого миллиарда». Стратегический отказ от просвещенческого наследия - фактор долговременного порядка. Однако победители в холодной войне хотели бы сполна использовать и тактические преимущества, связанные с сегодняшним крайним ослаблением России и общей деморализацией главных мировых оппонентов Запада.

Поэтому наряду со стратегическим мифом, связанным с новым делением человечества на приспособленных и неприспособленных, пребудется оперативный миф, специально предназначенный обслуживать политику конфронтации с Россией. Этому-то мифу и служит волна разоблачений русской мафии и мафиозности самой правящей «семьи» с ее тайными зарубежными вкладами.

Структура этого мифа известна рядовым гражданам России, ибо посредством его обосновывается операция российских войск в Чечне. Первый постулат: Чечня является источником терроризма, грозящего захватить все российское пространство. Второй: президент Масхадов реально не контролирует ситуацию в Чечне, поэтому решение проблемы терроризма путем переговоров с ним заведомо бесперспективно. Вывод: необходима прямая военная интервенция для наведения правового порядка и восстановления основ цивилизованного существования на этой территории. Именно эту структуру суждений мы видим воспроизведенной на уровне глобальной американской стратегии завоевания мирового господства.

Первый тезис: Россия является сегодня эпицентром мирового беспорядка, источником распространения мафиозных структур по всему миру. Второй тезис: власть в России, кроме того, что и сама подвержена давлению мафиозного окружения, реально не контролирует положение в стране, отданной на откуп мафиозным кланам. Вывод: необходимо прямое вмешательство объединенных сил Запада во главе с США для ликвидации этого очага мировой криминальной революции и установления протектората над страной, которая периодически бросает вызов цивилизации то в форме мировой тоталитарной угрозы, то в форме мировой криминально-мафиозной угрозы.

Таким образом, мир не только опныне поделен на приспособленных и не приспособленных к рынку как механизму естественного отбора лучших. Мир также поделен на тех, которые способны самостоятельно устанавливать у себя цивилизованный порядок, и тех,

кто на это в принципе не способен и потому нуждается в установлении внешнего протектората. Это давно уже говорят об Африке, которая, как кажется, созрела для «реколонизации». Сегодня это более или менее открыто говорят и о России.

МОМЕНТ ИСТИНЫ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ

Какая же судьба в этом случае ждет российскую правящую олигархию, еще недавно мнившую себя в роли стратегического партнера Америки? На этот счет я высказал свое предвидение пять лет назад, используя прием исторической аналогии¹.

В свое время большевики заехали свою авантюру социалистического переворота в разгар мировой войны в твердом расчете на мировую пролетарскую революцию. В ситуации наступления внешнего врага на Россию они не нашли ничего лучшего, как объявить, что главный враг - в своей собственной стране, и превратили «империалистическую войну» в войну гражданскую. Оправдывали они все это тем, что «пролетариат не имеет Отечества», а патриотизм и защита Родины - фальшивые лозунги белогвардейщины.

Но когда совершилось известное «предательство» западной социал-демократии и мировая пролетарская революция так и не состоялась на Западе, большевики встали перед дилеммой: либо уйти с позором, признав свою ответственность и за униженный и кабальный Брестский мир, и за развязанную гражданскую войну, и за торговлю государственными интересами России, либо - совершив крупный поворот в политике и превратившись в неистовых советских патриотов и бдительных борцов с западным империализмом.

Как известно, правящая большевистская верхушка выбрала второй путь. Для этого ей пришлось устроить кровавую внутреннюю чистку, избавившись от пролетарских интернационалистов, по-прежнему испытывавших отвращение к российскому отечеству и упрямо ждавших пролетарской революции на Западе. Троцкий, как догматический адепт мировой революции, был выслан на Запад, где организовал беспомощный и декоративный «четвертый интернационал», а его единомышленники в России были физически истреблены Сталиным.

Сегодня история повторяется. Взявшие власть в России подпольщики либерализма изъявили готовность превратить внешнюю холодную войну в холодную внутреннюю, а если потребуется, то и в горячую гражданскую войну, объявив, что и на этот раз главный враг - в своей собственной стране. Для того, чтобы поскорее покончить с ним, используя поддержку Запада, наши либералы подписали свой

¹ Панарин А.С. «После юбилея» // Новый мир. 1995.

«Брестский мир», только еще более кабальный и разрушительный в стратегическом отношении. И все это делалось в расчете на новый мировой порядок и мировую либеральную революцию на Западе, призванную навсегда покончить с самими понятиями войны, отечества, национального соперничества и конфронтации.

И вот сегодня наших либералов настиг момент истины. Оказалось, что мировая либеральная революция на Западе не состоялась и вместо всеобщего разоружения во имя поопального мира и демократического мирового порядка Запад продолжает вооружаться, все более откровенно демонстрируя готовность подчинить планету своему владычеству. Что же касается заговорщиков либерального переворота в России, то их вместо заслуженной благодарности от Запада, скорее всего, ожидает участь отверженных и приговоренных. Мы здесь не говорим о «простых» жуликах и шпионах - эти-то и тогда, в 1917-м, и сегодня свою «законную» лапу от зарубежных хозяев получили.

Мы говорим о тех, кто безоглядно опдался новейшей утопии и во имя ее пошел на разрушение собственной страны. Разумеется, утопизм подкреплялся в данном случае и вполне реальными благами, связанными с разделом государственной собственности, с проекциями и поощрениями со стороны западных центров и фондов. Но сегодня речь идет о последних, высших гарантиях новому слою правителей и собственников - вот в них-то Запад сегодня, кажется, окончательно отказал. Последовавшая после победоносного завершения холодной войны волна нового милитаризма и контрпросвещения на Западе означает крах либеральной партии в России, все поставившей на Америку и обманутой ею.

Перед лицом этого факта неминуемо превращения либеральной партии, аналогичные превращениям большевизма. Уходить нашим либералам нельзя - на них «висит» приобретенная собственность, которую они не готовы потерять, да и куда идти, как это стало ясным после вероломства американцев, начавших свои разоблачения российской олигархии и готовых закрыть перед нею двери. Все это указывает только на одну перспективу: перспективу превращения партии либеральных компрадоров в партию патриотов, решившихся более не терпеть «вмешательства Запада в наши внутренние дела». Завязку этого процесса мы уже наблюдаем сегодня. Партия президента могла пойти по конституционному пути, на котором ее ожидало поражение на выборах и уход от власти.

Судя по всему, это был бы не такой уж плохой выход: нынешняя системная оппозиция готова обеспечить достаточно полную преемственность реформационного процесса, обрубив его грубые и вредные

крайности. Однако нынешняя партия власти, кажется, не способна к компромиссам и исповедует принцип «победитель получает все». Но те, кто не готов уступить дорогу оппозиции, обречены заполучить оппозицию в собственном лагере. Точнее - не обычную оппозицию, а новый курс, полученный по законам превращения. Если уж время компрадорского либерализма миновало, то одно из двух: либо компрадоров сменил нынешняя оппозиция, либо они родят будущего могильщика в своих собственных рядах.

Могильщиком революционных компрадоров-процкистпов спал И. В. Сталин. Большевики, ликвидировавшие демократическую многопартийность в России, обречены были заполучить свой термидор из собственных рядов. Сегодня папологически ревнивая «семья», неспособная терпеть подлинную оппозицию и подлинный плюрализм, обречена, как кажется, заполучить своего могильщика в собственном окружении. Тот, кто официально объявлен «преемником президента», кажется, годится на эту роль. Кроме того, что он числится свободен от «санпинетов», помешавших его предшественнику взять на себя осуществление экстравагантных планов «семьи», продиктованных смертельным страхом, ему еще и свойственно по упрямству педантичного фанатизма, которому политическая история обязана самыми большими сюрпризами. Я готов поверить, что «преемник» спанет могильщиком, причем в столь непредсказуемой форме, какой никак не приходилось бы ожидать от ненавистной президенту оппозиции, даже коммунистической.

Свой поход за упреченным либералами патриотизмом «преемник» уже начал в виде кампании в Чечне. Оттуда ему суждено либо уйти в политическое небытие, либо вернуться диктатором.

Но диктатор латиноамериканского типа в России невозможен. У нас ему необходима глобальная мироустроительная концепция - великая идея. То, что эта идея может быть только антилиберальной и антизападной, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений. Сегодня либерализм всюду - и на Западе, и в России, - кажется, утратил путеводную нить Просвещения и способен поражать только эффекты конформизма и конформизма. Судьбу идеологии реально определяют люди, которых она оказалась способной привлечь. Надо сказать, что либерализм новейшей, вырожденческой формации привлекает преимущественно сомнительных личностей. Ни одного яркого политического характера, ни одной ясной и честной позиции он сегодня так и не дал. Следовательно, великий освободительный импульс Просвещения, если ему не суждено иссякнуть вовсе в нашу сумеречную эпоху, найдет иную идею носителя, иное знамя.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Характернейшей особенностью глобализации на нынешнем ее этапе является ярко выраженная социальная асимметричность. Все ныне воспеваемые возможности глобализации обращены к элитам, которые уже успели ими воспользоваться. Что глобализация способна дать народам, до сих пор остается тайной будущего. Сегодня глобализация порождает многочисленные соблазны для элит, действительным образом преобразуя их сознание и поведение.

Непредсказуемой метаморфозе подвергаются основные политические понятия новоевропейской классики. Это касается, как уже отмечалось, даже смены общественного строя. В привычных воззрениях эта смена выступает как результат давления народных масс, направляемых и организуемых контрэлитами. Общественный строй выступает здесь не как продукт субъективного выбора, а как продукт самой истории, подчиняющейся не замыслу, а объективным закономерностям прогресса.

В современном глобальном мире смена строя происходит на другой основе. Здесь не история играет роль рока, нависшего над расперятыми элитами, сросшимися со старым порядком, а производ элит, творимый над самой историей. Строй может становиться продуктом международного обмена: элита способна сменить его под влиянием примера или подспрекапелства со стороны зарубежных элит, которые снабжают ее своими гарантиями. Народное недовольство прежним строем здесь выступает не как первоначальная предпосылка переворота, а как благоприятствующее условие, не более.

Глобализация, таким образом, сообщает прежним понятиям исторического «напурализма», уподобляющего общественные процессы непреложностям природных законов, статус избираемых, манипулируемых, обмениваемых ценностей.

Речь идет о невиданном прежде уровне свободы, предоставляемой правящим элитам и ускользающей от привычных форм народного контроля.

В этом смысле постсоветский режим в России должен быть оценен как новелла глобализма, за которой может последовать множество других. С самого начала чувствовалось, что российских реформаторов кто-то спрахует со стороны, и, как выяснилось впоследствии, совсем не бескорыстно. Многозначительны и те подвиги в соотношении исполнительной власти и законодательной, которыми был отмечен октябрьский (1993 года) переворот в России.

Чрезмерное усиление власти президента в ущерб прерогативам парламента (Государственной Думы) по прежним стандартам следовало бы оценить как проявление диктаторских, цезаристских тенденций. Сегодня эти тенденции следует оценить не просто как диктаторские, а как выражение диктатуры глобализма.

В самом деле, власть законодательного собрания в данном контексте выступает в провинциальном значении местной власти, созданной представителями «этого» народа. Наказы избирателей и их социальное давление по критериям глобализма рассматриваются как политическая архаика, сковывающая свободу рук глобалистов, обязанных считаться не с провинциальными интересами «этой» страны и «этого» народа, а с высоко прогрессивными решениями глобального сообщества, открывающего заворающий день истории.

Отсюда - шельмование Государственной Думы как прибежища реакционных пипов - представителей «красно-коричневого большинства».

Является ли эта тенденция только «экзотической» особенностью России? Ни в коей мере. События, связанные с наповской агрессией в Югославии, это подтверждают. С самого начала всем было ясно, что наповская акция губительна для Европы и отвечает только гегемонистским замыслам США. Собственно, она прежде всего (у нее есть и более дальние прицелы) направлена именно против Западной Европы как конкурента США, против евровалюты, против авторитета старого континента как самостоятельного мирового центра. Следовательно, если бы правящие элиты Европы действительно выражали и защищали интересы своих стран и своего континента, они постарались бы оставить Америку в одиночестве и бойкотировать балканскую авантюру. Но они повели себя как глобалисты, имеющие свои интересы, отличные от национальных интересов представляемых ими народов. Причем речь идет именно об американоцентричном глобализме, если угодно - о софизме глобализма, когда глобальные цели отождествляются с американскими.

Особенность России лишь в том, что в ней эта глобалистская «оспраненность» правящей элиты от национальных интересов проявляется в наиболее чистом и откровенном виде. С одной стороны, это связано с историей российской правящей элиты, большинство которой состоит не из публичных политиков, обязанных договариваться с избирателями, а из делегированных спецслужбами; с другой - с необыкновенной зависимостью постсоветской элиты от поддержки извне. И чем более оппортунистской и ненавистной для собственного народа является данная элита, тем сильнее ее зависимость от внешних покровителей и на тем большие уступки им она готова.

Так раскручивается спираль глобализма. Закон глобальной «оспраненности» от местных интересов в корне меняет и привычные горизонты внутренней политики. Классическая картина рисует нам действие элит, так или иначе связанных со своим народом, зависящих от него и учитывающих его запросы. С этой точки зрения социальная политика нынешней элиты кажется театром абсурда. Из разоренной страны ежегодно вывозятся десятки миллиардов долларов, тогда как учителям годами не выплачивают зарплату, дети

подвержены голодным обморокам прямо на уроках, половина населения имеет доходы, не дотягивающие до официального прожиточного минимума (заниженного по меньшей мере втрое).

Абсурд всех этих «реформ» сразу же разъяснится, как только мы уясним, что страной правит глобальная элита, которая уже совершила свое пайное расставание с нацией и не считает «эпоп» народ своим. Если на каких-то закрытых глобальных форумах принято решение о резком сокращении экономических, военных и даже демографических потенциалов данной страны, то наши законопослушные глобалисты будут его выполнять - к этому их обязывают их глобальное самосознание и их интересы.

Ясно, что такой политический глобализм - папология. Будущие глобальные процессы предстоит осмыслить с точки зрения возможностей их поворота в сторону массовых интересов и демократического контроля за действиями опорвавшихся от общественности и своекорыстных элит. Великая книга новоевропейской демократии до сих пор читалась на национальном уровне. Ее предстоит теперь прочесть на глобальном уровне - с позиций восстановленного суверенитета большинства, призванного демократически контролировать действия элит, подвизающихся на мировом уровне.

Что касается российских (да и любых других) национальных спецслужб, то и для них поставленный в ходе холодной войны глобалистический эксперимент весьма поучителен. Американские «игроки» обыграли своих незадачливых партнеров по глобализации именно потому, что сохранили приверженность своей стране. Оказывается, в глобальных играх уверенно себя чувствуют те, кто умело пользуется двойными стандартами: партнерам предлагают играть исключительно по правилам «последовательного глобализма», а себе позволяют архаику служения собственному отечеству. В самом деле, те, кто опирается на живую наличность державного потенциала и авторитета, имеют несомненные преимущества перед теми, у кого за спиной одни только туманности глобализма. Последние, «оспраняясь» от собственного Отечества, неминуемо превращаются в конце концов в не имеющую отечества «спецдиаспору», живущую продажей устаревающих государственных секретов. Их удел - скитаться по миру в поисках разных хозяев с волчьим паспортом планетарных опщепенцев.

И подобная диаспора представляет опасность уже не столько для страны, которую предали эти двурушники, а для цивилизации в целом. Ибо ее профессиональные услуги и навыки очень часто становятся достоянием разного рода террористических и мафиозных кланов, криминальный «профессионализм» которых возрастает от этого в невиданной степени.

Волна контрмодерна, питаемая этими опщепенцами, достигает такой мощи, о которой прежде нельзя было и помыслить.

ТРИ СЛОВА О ЛЮБВИ

О ЛЮБВИ БОГА

Любовь! Это божественное свойство, ибо Бог Сам есть любовь, а попому и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём. Любовь есть благое расположение души, когда она ничего из сущего не предпочитает познанию Бога. Любовь научает соблюдению Божественных повелений. Ясное доказательство любви к Богу - хранение Его заповедей. Любовь к Богу ведёт к соблюдению заповедей, возводящих к богопознанию. Тот, кто преисполнен Божественной любви, презирает всё земное и попирает всякое мирское удовольствие, вменяет ни во что богатство, славу и людские почести, не находит никакого различия между паупиной и царской порфирой и уравнивает драгоценные камни с речной галькой. Он не считает телесное здоровье блаженством, а болезнь бедствием, и не называет бедность несчастьем, а богатство и роскошь - счастьем, но всё это справедливо уподобляет речным волнам, которые плещутся у деревьев, распутих вдоль берегов, но не останавливаются надолго ни у одного из них.

Действительно, духовная любовь подобна крепкому городу, который не может быть взят или осаждён диаволом ни подземными, ни наземными путями, она неприсупна для осадных орудий саваны, попому что охраняется Владыкой - Христом.

Когда человека венчает диадема любви, одного её свидетельствва достапочно, чтобы не только нам, но и неверующим показать, что он - верный ученик Христов. В Священном Писании говорится: по пому узнают, что вы Мои ученики, если вы любите друг друга (ср.: Ин. 13, 35). Значит, это свидетельствво превосходит другие, раз по нему узнаётся ученик. И если поп, кто творит множество чудес, но восстаёт на ближних, становится посмешищем для неверующих, то тех, которые, хотя и не творят чудес, но по-настоящему любят друг друга, напротив, уважают все.

Любовь есть свойство учеников Господа, характерная особенность рабов Божиих, признак апостолов, по которому познаются все люди. Любовь - исключительное благо, она наивысший признак Христовых учеников. Любовь отличает христианство и стоит выше всех знамений, поскольку она есть хранилище и соупруница всех других заповедей. И так же, как все постройки держатся на краеугольных камнях, так и она приводит к совершенству и соединяет добродетели воедино, словно части тела в один организм. При её отсутствии остальные заповеди устраниются или обнаруживаются,

что они - всего лишь лицемерие и ничего более. Любовь никогда не оппадает, то есть не терпит неудач, но всегда достигает всего. Или, лучше сказать, она не исчезает, не прекращается, не престаёт, но пребывает даже в будущем веке, когда упразднится всё остальное, - она не упраздняется, но пребывает вечно, твёрдая и непоколебимая, всегда одна и та же. Любовь никогда не оппадает: даже если другие будут враждовать, радоваться распрям, искать первенства, если в них разгорится зависть, и они начнут поступать несправедливо, если всё перевернут с ног на голову - любовь никогда не лишится своей высоты и своей доброты.

Бог, называемый Любовью, не есть настроение, но Существо, любящее тех, кого творит и о ком промышляет. Любовь Божия несравненно превосходит всякую другую любовь. Он не просто промышляет о нас, а любит нас и весьма желает от нас какой-то необыкновенной любви, с одной стороны бесстрастной, а с другой - наиплеишей и наиярчайшей, и подлинной, и твёрдой, и неугасающей.

Чего Бог не сделал ради нас? Ради нас Он сделал мир пленным, и ради нас сотворил его непленным; попустил спрадания пророков ради нас, отправил их в пленение ради нас, допустил их попасть в печь ради нас, чтобы они перенесли тысячи спраданий. И пророки для нас сотворены, и апостолы, ради нас Он дал Сына Своего Единородного, из-за нас наказывает диавола.

Ради нас Бог среди людей; ради исплевшей плоти Слово стало плотью и обитало с нами; к неблагодарным пришёл Благодетель, к пленникам - Освободитель, к сидящим во тьме - Солнце правды, ко кресту - Бесстрашный, к смерти - Жизнь, к аду - Свет, Восстание падшим, дух усыновления, раздавание дарований, обетование венцов и многое другое, что даже перечислить нелегко.

(Ср.: «Нас ради Бог в человецех, за исплевшее естество Слово плоть бысть, и вселися в ны, к неблагодарным, Благодетель: к пленником, Свободитель: ко иже во тьме сидящим, Солнце правды:

на Кресте - Безспрастный: во аде, Свет: в смерти, Живо: воскресение, падших ради» - воскресная стихира на хвалилах 7 гласа).

Ради нас Бог среди людей: раздаяние Духа Святого, упразднение смерти, надежда воскресения, божественные повеления, совершенствующие нашу жизнь, путь к Богу через заповеди, угованное Царствие Небесное, венец правды для того, кто не уклоняется от трудов ради добродетели.

Божественная любовь явила Бога на земле; Божественная любовь сделала из Владыки раба; Божественная любовь сделала так, что за врагов был предан Возлюбленный, за ненавистников - Сын, за рабов - Владыка, за людей - Бог, за слуг - Свободный. И даже на этом она не остановилась, но призвала нас к чему-то ещё большему; она не только избавила нас от прежних зол, но и пообещала нам нечто превосходнейшее.

Божественная любовь - это прославленная премудрость, и она даёт тем, кто возлюбил Бога. Кто любит Меня, - говорит Господь, - тот соблюдёт слово Мое; и Отец Мой возлюбил его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).

Любящим Бога всё споспешествует ко благу.

Если кто любит Бога, то Бог познал его.

Бог дарует Свое общение тем, кто хранит любовь к Нему, общение же с Богом - это жизнь и свет, и наслаждение Его благами.

Бог не есть Бог всех, но только тех, кто сроднился с Ним через любовь; любовь - это союз совершенства, любовь - создательница всякой добродетели.

Любовь к Богу рождается из искренней веры; тот, кто действительно верит в Бога, никогда не утратит любовь.

Скорее права устоит перед вещественным огнём, чем диавол выдержит огонь любви; она крепче стеной, она тверже алмаза.

Любовь - это не высокие слова и не благие пожелания, но предстательство и свидетельствование через дела: спасение кого-либо от нищеты, помощь в борьбе с болезнью, избавление от опасности, участие в затруднениях, плач с плачущими, радость с радующимися.

Любящий Бога, имея сердце, преисполненное Божественной любовью, любит своих врагов, благословляет проклинающих его, делает добро своим ненавистникам, молится за припесняющих и изгоняющих его.

Действие и доказательство совершенной любви к Богу есть искреннее расположение к ближнему - не любящий брата своего, которого он видел, как может любить Бога, которого не видел? Мы познали любовь Бога в том, что Он положил душу Свою за нас, поэтому и мы сами обязаны полагать наши души за братьев наших.

Любовь покрывает множество грехов.

Любовь даёт дерзновение в день Судный.

ГИМН БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

О, любовь, истинная и подлинная! О, любовь, божественного образа подобие! О, любовь, души моей сладчайшее наслаждение! О, любовь, сердца моего божественное исполнение! О, любовь, крепости души моей охранение! О, любовь, помышления моего непрестанное поучение! Ты, душой моей всегда обладающая, заботишься о ней и её возгреваешь. Ты её животворишь и к люблению Бога возводишь. Ты, наполняя моё сердце огнём Божественной любви, воспаляешь его и возрождаешь в нём неудержимое желание высшего блага. Ты, умножая крепость моей души твоей животворящей силой, делаешь её способной приносить подобающее поклонение Божественной любви. Ты, обладая моим помышлением, освобождаешь его от уз земного и даруешь ему свободу беспрепятственно восходить к небесной Божественной любви. Ты - драгоценнейшее сокровище верных, поскольку ты - самое дорогое из всех божественных дарований. Ты - боговидное украшение души и сердца, поскольку делаешь верных сынами Божиими. Ты - украшение верных, поскольку делаешь скромными своих друзей. Ты - единственное непрестающее благо, поскольку ты вечна. Ты - прекраснейшее облачение друзей Божиих, поскольку облечённые в тебя верные предстают пред Божественной любовью. Ты - самое высшее наслаждение верных, поскольку ты - плод Святого Духа. Ты вводишь освящённых тобой верных в Царство Небесное. Ты - благоухание верных. Благодаря тебе верные причащаются райского блаженства. Благодаря тебе в душе верных восходит свет мысленного солнца. Благодаря тебе озаряются мысленные очи верных. Благодаря тебе верные спановятся причастниками божественной славы и вечной жизни. Благодаря тебе в нас зарождается стремление к горнему. Ты устанавливаешь Царствие Божие на земле. Ты даруешь людям мир. Ты уподобляешь землю Небесам. Ты сопричисляешь людей ангелам и воссылаешь Богу согласное пение. Ты во всём побеждаешь. Ты во всём оказываешься превосходной. Ты управляешь всем по истине. Ты правишь всем по мудрости. Ты всё содержишь и всем господствуешь. Ты никогда не опадаешь и не знаешь поражений.

О, любовь, исполнение моего сердца! О, любовь, сладчайшее подобие Сладчайшего Иисуса! О, любовь, учеников Господних священнейшее знамя! О, любовь Сладчайшего Иисуса, уязви своим желанием моё сердце, исполни его благостью и добротой, приумножь в нём радость, яви его вместилищем благодати Пресвятого Духа. Воспламени моё сердце своим Божественным огнём, чтобы попалить его низменные страсти, освятив и привлечь его к непрестанному песнопению. Исполни моё сердце сладостью твоей любви, чтобы

любить мне только Сладчайшего Иисуса, моего Господа и Бога, и Ему непрестанно воссылать песнословие от всей души, от всего сердца, от всей крепости и от всегомышления! Аминь.

О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

Божественная любовь - это совершенная любовь Бога, выражаемая как непрекращающееся желание Бога. Божественная любовь зарождается в очищенном сердце, поскольку только в нём пребывает Божественная Благодать. Божественная любовь - это Божественный дар, данный девствующей душе посетившей её и открывшейся ей Божественной Благодатью. Божественная любовь ни в ком не рождается без Божественного откровения, поскольку без него душа не имеет в себе действия Благодати и остаётся нечувствительной к Божественной любви; невозможно, чтобы любовь зародилась в душе без воздействия на неё Божественной или человеческой силы.

Любящие Бога привлечены к Божественной любви воздействием на их сердца Божественной Благодати, открывшейся их душе и влекущей её к Создателю. Тот, кто любит Бога, сам сначала был возлюблен Богом, и затем возлюбил Его, сам прежде сделался чадом любви, и потом возлюбил Небесного Отца.

Сердце того, кто любит Господа, никогда не спит, но всегда бодрствует от избытка любви. Человек спит по требованию природы, а бодрствующее сердце воспевает Бога.

По слову святого Иоханна Златоуста духовная любовь настолько повелевательная, что не опускается ни на мгновение, но всегда обладает душой любящего и никакой нужде или печали не позволяет возобладать над ней.

Любящая Бога душа крепко прилепляется к Богу и на Него уповает, в Нём полагая всю свою надежду. Божественная любовь возводит её к Богу, и с Ним она беседует день и ночь.

Душа, уязвлённая Божественной любовью, ничего другого не желает, кроме крайнего блага, всем остальным пренебрегает и всего отвращается.

Любящая Бога душамышляет о словах Божиих, и её занятие - место пребывания Его. Она громкогласно возвещает чудеса Божии и в беседах говорит о славе и величии Его. Она непрестанно воссылает Богу хвалу и пение и с божественным рвением совершает Ему служение. Так Божественная любовь преобразила душусообразно себе, позаботилась о ней и приобрела её себе.

Душа, возлюбившая Бога, познала Божество, и это познание воспламенило её ответную любовь. Возлюбившая Бога душа получила блаженство, поскольку достигла божественного предела стремлений, исполнившего все её желания: всякое похотение, всякое вожеление,

всякое усремление, чуждое Божественной любви, отвергается ею как низменное и недоспойное.

Сколь высоко любовь к Богу, вознаграждённая Божественной любовью, возносит полюбившую Бога душу! Эта Божественная любовь, подобно лёгкому облаку, возносит душу к вечному Источнику бесконечной любви и исполняет её Божественным светом.

Уязвлённая Божественной любовью душа всегда радуется и веселится, и торжествует, и ликует, поскольку пребывает в любви Господа, как на воде упокоения; ничто из земных печалей не в состоянии попретожить её пищу и мир, и никакое горе не может опныть у неё радость и веселье.

Любящая Бога душа, возвышаемая любовью, неким образом опрешается от телесных чувств и опускает от самого пела, и забывает саму себя из-за всецелой приверженности Богу.

Неизьясная сладость Божественной любви пленяет и захватывает сердце, а ум усремляет к Божеству, чтобы насладиться Богом в радости.

Божественная любовь порождает сродство с Богом, сродство с Богом порождает дерзновение, дерзновение порождает вкус, вкус порождает голод.

Душа, охваченная Божественной любовью, ни о чём другом не может помышлять, и ничего другого не может желать, но, постоянно спеная, взывает: «Господи! Когда приду и явлюсь лицу Твоему? Желает душа моя прийти к Тебе, Боже, как желает олень на источники водные!» (ср.: Пс. 41, 2-3).

Такова Божественная любовь, господствующая в душе.

ПЕРЕВОД ИЕРОМОНАХА АНТОНИЯ (ПОДОРОВСКОГО)

Свт. Нектарий, Эгинский чудотворец (1.10.1846—9.11.1920 гг., †9 ноября ст. ст.). Родился в благочестивой многодетной семье в селе Силиврия Фракийская недалеко от Константинополя и был крещен с именем Анастасий.

В 1876 г. стал насельником монастыря Нео Мони на о. Хиос и принял иноческий постриг с именем Лазарь. В 1877 г. пострижен в мантию с именем Нектарий и рукоположен в сан диакона. Получив богословское образование в Афинском университете, переехал в Александрию, где стал секретарем Патриарха Александрийского Софрония IV. В 1886 г. принял священнический сан и получил назначение в Свято-Никольский храм г. Каира. В 1889 г. рукоположен во архиерея и назначен митрополитом Пентапольским. В 1890 г. по ложному обвинению освобожден от всех должностей и изгнан без объяснения причин. В 1894 г. возглавил Духовную школу имени братьев Ризари.

В сентябре 1920 г. у свт. Нектария был обнаружен рак, и 9 ноября того же года он отошел ко Господу в возрасте 74 лет. Сразу после кончины тело святого начало обильно мироточить. Канонизация состоялась в 1961 г. Мощи свт. Нектария находятся на о. Эгина в основанном им Свято-Троицком женском монастыре.

О МОЛИТВЕ СЛОВЕСНОЙ

Приступая к деланию молитвы Иисусовой, как и всякой другой молитвы, человек прудится над молитвою словесною: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Так взывает человек к Богу по несколько раз в правиле упреннем и вечернем или просто всегда, во всяком положении и на всяком месте, как укажет отец духовный; если же не отца, то можно везде и всегда пребывать с молитвой.

В правило можно прибавлять сотен пять молитв Иисусовых к читаемому по Молитвеннику утром, а также и вечером после правила, по возможности со вниманием, делай так: перед правилом клади двадцать при поклоне земных, а когда будешь читать молитву Иисусову, то после каждой сотни клади по при поклоне земных, а после каждого десятка - один поясной. По окончании же всего правила - снова двадцать при поклоне земных.

Когда силы слабые, можно земных поклонов не класть: или заменять их поясными, или просто перекреститься и, внимая молитве, без смущения продолжать её. Перед праздниками и в праздники можно земные поклоны заменять поясными.

Когда же будет потребность к пятистам молитвам прибавить еще сотню, две, три, четыре, пять, - можно прибавлять, а из читаемого по книге уменьшать. Тогда ты можешь читать по тысяче и утром, и вечером; когда же и еще больше возникает нужда в молитве Иисусовой, тогда и ещё прибавляй, а из читаемого по книге убавляй. В случае же усиленного желания и внутренней потребности чтения молитвы Иисусовой в упреннем и вечернем правиле, не перебивай сего; от правила, читаемого по Молитвеннику, можешь оставить молитвы упренние и вечерние, а все остальное на время отложи, дабы усовершенсался навык в молитве Иисусовой, начинающей собирать ум и увлекать его в молитвенное чувство. Между правилами всяко заботься быть с молитвой Иисусовой, для сего приспособляйся, изыскивая возможности не многословить, благоусправная соответственно все свои внешние дела и жизнь. Дело сие на первый взгляд непрудное: что может быть легче, чем читать, повторяя одни и те же слова коротенькой молитвы? Но на деле оно бывает не так-то просто, и не всем одинаково дается.

Архиепископ Антоний (Михайловский) — подвижник благочестия, исповедник, старец, богослов. Родился в 1889 году. В годы гонений многократно подвергался арестам и ссылкам. Выйдя из заключения в 1956 г., он до конца своей жизни сохранял нелегальный статус. Скончался 13.04.1976 г. в возрасте восьмидесяти семи лет. Келейные записки архиепископа Антония и воспоминания о нем см. в кн.: Путь умного делания. Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий//Авт.-сост. Н.М. Новиков. М., 2004. Святитель Антоний имел от Бога высшую степень умного делания — молитву зрительную. Мы публикуем две главы из его труда «О молитве Иисусовой».

Человек, отвыкший помнить о Боге, вместо предстояния пред Богом проводивший время в вещах чувственных, увлекается их разнообразием, входящим чрез все пять внешних чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

Ум следует за памятью подобно рабу, так как все то во внутреннем человеке, что должно быть управляемо умом, включая и пять внешних чувств, - все это восстоподсповало над умом. Посему-то упомянутые внешние чувства соделались проводниками того, что запечатлелось в памяти впечатлением, увлекающим и содержащим в своей власти и ум, и сердце, - драгоценнейшие супи человеческого существа, определенные Богом в жилище Себе.

Когда же человек сходит умом и сердцем во впечатления чувств, тогда ум и душа начинают жить жизнью нижеестественною, спраспною. Не ум господствует, а умом управляют впечатления, и человек, вместо того, чтобы жить своей свободой, которую получил от Бога в великий дар, влачит вместе с душой крайнее подневолье и рабство своим похотям, приводя в полное расстройство своего внутреннего человека. Чувства, не привыкшие бодрствовать и соучаствовать молитве, уловляются всем, что может их привлечь.

Не имея презвостпи, сего духовного поста, человек при всём желании во время внутреннего беспорядка не волен обуздать ни чувств, ни памяти, - ничего из того, что в нём пришло в негодность и расстройство от безвнимательной к себе и непрезвенной жизни. Посему-то человек начинает вести борьбу со всем строем его доселе бывшего жительства, чтобы благодатью переродиться свыше, избавившись от неестественного в себе.

Читает человек молитву и развлекается, снова читает и отвлекается, и опять вспоминает о молитве и читает вновь, и вновь упрачивает её, увлекаясь старыми и новыми впечатлениями, воспринимаемыми памятью чрез чувства извне.

Хранимое сердцем воспроизводится памятью чрез помыслы, воспоминания, а ко всему сему не замедляет подоспевать диавол с чем-либо своим. Но как скоро человек решается внимать себе, он сейчас же обнаруживает, что творится в его внутреннем мире. И по мере внимательности, по мере молитвенного делания ума, человек начинает чувства свои держать в большей неразвлеченности, и всё больше и больше усмапривает через помыслы исходящую из его сердца злобу, что и является плодом молитвы.

Сколько ни увлекаемо внимание помыслами, и как ни слабо пока умное делание молитвы, из-за этого молитву оставлять не должно, наоборот: больше и больше следует ревновать о ней, дабы очистить сердце от гноя греховного. Сколько бы ум ни забывал молитву, вспоминай - и снова делай и делай.

По мере принуждения себя к молитве Господь забвение свое будет уменьшать, а внимание станет, хотя и очень медленно, но усиливаться. Чем больше времени человек остается на молитве, тем вернее Господь подвигает ум его к деланию ангельскому, на вкушение свойственной его уму пищи - молитвы.

Необходимо постоянное делание молитвы - днем, ночью, вечером, утром, у себя дома и вне его, в пупи и за делом, стоя, ходя, лежа, сидя, на правиле утром и вечером и помимо правила, - всегда твори молитву, и вот почему: как страсть, так и добродетель в человеке вкореняются и становятся или добродетелью или страстью от навыка - привычки; то есть человек несколько раз делает одно и то же доброе дело, усваивает в нем навык, так что потом это доброе дело он делает без принуждения, а по привычке, как нечто естественное; то же бывает и с грехом, - повсюрьемый много раз, он образует страсть, а страсть, пришедшая в силу, и не хощащего грешить человека, в нем обитательными страстями увлекает, и человек уже грешит по привычке, принуждаемый страстью ко греху даже против желания.

Так и молитва Иисусова, особенно в начале, нуждается в навыке, а для этого человеку нужно всегда быть с молитвою: и с желанием, и с самопринуждением, во время радости и в скорбях, - во всяком состоянии нудить себя делать её.

По мере принуждения себя к молитве, через благодать Божию ум усваивает навык к молитве действующей, а молитва укрепляется навыком и укрепляет ум на предсоящее делание молитвы. Из этого видно, что молитва, будучи добродетелью, как и все другие добродетели нуждается в навыке произношения, делания ее. Если точнее выразиться, - навык зависит от количества. Следовательно, словесная молитва нуждается в количестве - множестве. Возможно большее число раз следует прочитывать молитву в печение суток; не сразу, но в последующие дни количество будет возрастать в зависимости от внимания и усердия молящегося ума.

При делании словесной молитвы диавол, плоть и мир действуют извне и изнутри, отвлекая ум от молитвы порожденными сердцем всевозможно-разнородными помыслами и желаниями раздражительно-похотными - в самом грубейшем образе, в соответствии с грубостью омраченного страстями ума.

Грубость диавольских коварств бывает настолько нагла, нахальна, что и только что приступивший к деланию словесной молитвы человек - и он, неопытный, обнаруживает их умом своим и усматривает паящую в них мерзость, и против всего умно-зримого зло борется молитвою, внимая ей и отгоняя зло прочь. Так полагается начало борьбы со злом-грехом молитвою, а не собственной силой, так как

своими силами с дьяволом и грехом бороться невозможно, безуспешно, бесцельно.

Внешняя жизнь человека во время делания молитвы Иисусовой словесной должна проходить так: в каких бы обстоятельствах ни находился делатель Иисусовой молитвы, какую должность бы ни занимал, какое бы ни проходил послушание, как бы ни складывались дела, - во всяком своем положении он должен стараться быть уединеннее, меньше говорить, храня уста и облекая их в малогаголанье, так как молчащими устами молитва творится больше и удобнее. Следует всегда знать и помнить, что Сам Бог смотрит на его делание, и что оно неопложно: всё так и есть на самом деле. Обиды и оскорбления нужно терпеливо переносить и прощать, а будучи оскорбленным, не злопамятствовать.

Время от времени из глубины сердечной вздыхать ко Господу со словами мытаря: «Боже, милослив буди мне грешному!» и к Матери Божией: «Мати Божия! не остави мене грешнаго!», и к Ангелу Хранителю подобным же образом; молитву же Иисусову непрестанно делать и делать.

Книги нужно читать душеполезные в свободное от трудов и послушания время, или когда утомится ум от напряжения молитвенного. Хорошо читать жития святых и подвижников благочестия, спасающихся в последние времена, Святое Евангелие, Деяния и Послания святых апостолов.

Великих же книг, в которых говорится о жизни истинно созерцательной, касаться в это время не безопасно, лучше их до времени не читать, так как чтение их в неискушенном еще уме может рождать непосильные скорби, от которых ум ослабевает и не только не может исправляться, исполняя написанное в них, а и того, что в его силах, делается неспособным исполнять, сильно смущается, приходит в смятение, прилагает скорби к скорбям по своему неразумию и даже унывает, удаляя себя от присутствия благодати Божией.

Книг, не содержащих в себе вопроса, побуждающего к исправлению нравственности, по есть с содержанием нерелигиозным, читать совсем не следует в это время, имея всецело заботу о своем нравоисправлении, надеясь на помощь действующей в молитве благодати.

Сон должен быть шесть-семь часов, если обладаешь силами и здоровьем, а при болезненности и вообще слабости можно спать до восьми часов в сутки, так поступая до времени, пока сама молитва не узаконит тебе продолжительность сна, и сколько она позволит, столько и упокоишься. Указанный продолжительный отдых - шесть-восемь часов - нужен вот почему: молитва Иисусова требует от молящегося напряженной деятельности ума, а ум напряженно действовать может лишь тогда, когда подкрепляется отдыхом; когда же ум не имеет соответствующего отдыха, тогда он внимательно молиться бывает бессилен.

Питаться следует всегда с воздержанием, то есть когда кушаешь, выходить из-за стола, чувствуя, что немножко не доел, не сыт; так же и пить, - и так приучить себя к воздержанию в пище. Хмельного и вообще разгорячающего похотеть, блудную страсть, - не употреблять. Содержащего

много жиров вкушай немного, дабы не огорчатъ себя блудным похопением и опягчением желудка, располагающим ум к сонливости и бездеятельности.

Пищу вкушай больше поспную и удобоваримую желудком, благодаря Бога за Его милость и твердо веря, что питательность, содержащаяся в поспной пище, вполне достаточна для подкрепления твоего организма, поддержания жизни и делания молитвы. Приготовление пищи имей простое, избегая изысканности.

Образ жизни и сложность твоих дел нужно всячески упростить, дабы не имелось поводов к излишним заботам о внешнем, к отвлечению и расхищению ума. Помни, что человек на земле живет подобно гостю или страннику: переночевал и поспешай в вечность, где нужно дать ответ за прожитую на земле жизнь. Земным, хотя бы и много обещающим, не увлекайся: земля есть место не для жизни, а для приготовления к жизни в вечности. Зело усвой и то, что человеку на земле определено скорбеть, а не радоваться: **В МИРЕ СКОРБНИ БУДЕТЕ** (Ин. 16, 33).

Приучай себя довольствоваться необходимым, без всяких излишков. Излишки отнимают на заботы о них часть времени, даденного на снискание пользы душевной и на прославление Бога.

Держись всегда и везде только того, что ведет к спасению, - для сего Творец нас и поселил на земле сей в печалах. Место, в которых не избежишь развлечений, не посещай, - уклонись и не помышляй о них. Оказавшись по необходимости в таком месте, поскорее удаляйся отсюда, помня, что вся твоя забота состоит в приближении к Господу. Делание молитвенное близит тебя к предстоящей встрече, а не заботясь о молитве ты остаешься на месте, с которого начинаешь отступать. Никогда не давай свободы твоим желаниям, они губят душу и помрачают ум, а поскольку будешь спешить свои желания, поскольку будешь Бога ради уединяться и безмолвствовать для Него, постольку и будешь с Господом и Господь с тобой, а небрежение о молитве удаляет от Спасителя.

Люби Бога всегда, а любовь к Богу свидетельствуй опсечением своей воли и исполнением воли Божией - и все сие ради Господа. Богу угодно, когда ум наш бывает занят непрестанною молитвою, так об этом и попейсь всемерно.

Общественных увеселений, обедов и всего, подобного им, уклоняйся, дорожи каждым мгновением времени, даденным тебе на спасение в просвещении ума, зная, что по смерти такого спасительного времени получить невозможно. Без общественных обедов ты можешь обойтись, а вреда от них избежатъ тебе трудно, так и не посещай их.

Вообще, всего того, что тебя отводит от твоего уединения, постарайся уклониться, а в замену все свое желание употребляй на молитвенную беседу с Господом, внимая молитве.

Успехов в твоем молитвенном труде не усматривай, потому что в словесной молитве при всем твоем желании жить ради Бога, ты пока еще живешь спростями, так как человек живет сердцем, а в сердце обитают спрости - греховные привычки, которые в это время лишь обессиливаются, но не покидают обиталища своего.

Видения, откровения или дарования, в каком бы виде они тебе ни представлялись, как бы священны и благодатны ни казались тебе, - от всего уклоняйся, ни к чему своего ума не прилагай, а внимай лишь читаемой побой молитве, считая себя недостойным каких-либо даров, что, собственно, и есть на самом деле. Ты не даров ведь искал начал молитвою, несп, а самой молитвы и преданности в волю Божию, а это бывает даваемо Богом не гордецам, желающим даров, откровений и видений, а зрящим себя недостойными не только дарований, но и самой этой, полной скорбей жизни; они видят свою греховность, а мера сознания своей греховности является мерой очищения сердца от греха, что в делании умной покаянной молитвы является самым ценным. «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждаши брата моего», - так молился святой Ефрем Сирин, а не дарований искал. И еще: «зрящий свои грехи выше видевшего ангела» - у первого открывается око духовное, а последний видит лишь чувственно.

Все описанное при совершении словесной молитвы сразу невозможно приобрести, но нужно себя приучать к указанному. Оно одно время бывает в слабых формах, в другое время нужно исполнять все неопустительное, со всей строгостью; а в случае, если не увидишь в себе сказанного, дела не оставляй, а лучше приступи и делай молитву, воспанавливая недостающее; и другое, о чем знаешь твердо, что оно душе полезно, делай; но указанным советом не гнушайся, так как оно и опытом святых опцов свидетельствовано, и скудость человека, писавшего это, касалась сего, и явилось на пользу иным.

Читать молитву, как сказано, нужно везде и всегда. Когда бываешь в своей комнате один и находишь удобным читать шепотом - читай шепотом, а когда бываешь вне келии и не желаешь, чтобы кто слышал, - читай шепотом, слышимым лишь тебе самому, то есть про себя; да чтение молитвы про себя наедине и полезнее, - что сокровеннее, то лучше для тебя. Научение внутреннему молитвословию дает тебе возможность и среди людей заниматься молитвой, внимать её словам, в тайне великого Бога совершая свое спасение.

Когда же бываешь в храме Божием, можно ум заниматься молитвой Иисусовой и в продолжение всех служб, а во время литургии (обедни), особенно на Великом входе, когда все молящиеся молятся усерднее, испрашивая каждый по своим потребностям, и ты делай так же. Проси, как сумеешь, у Бога прощения своих грехов. Если же молитва сделалась привычной, то и во время обедни читай ее. Она содержит покаянное воззвание к Богу с ходатайством о прощении грехов, что и является необходимейшей сутью наших молитв и подвигов во всякие священные минуты молений.

Если же во время службы в церкви, а особенно во время литургии, сумеешь быть в большей нерасхищенности помыслами, делай как сможешь, но молитвой Иисусовой пренебрегай и во время службы не советую, так как ею стяжаются все добродетели: чистота, премудрость, прозрения, премудрость неба, преподобия, святыня, разум небесный и все великое,

в каковом она благодатно всемогуща, а по сему-то бытъ с внимательной молитвой и в молитве с благодатно всегда безошибочно.

Всякую мирскую увеселительность нужно от себя изгнать, а комнату - келию свою - сделать чуждой увеселений. Когда бывает нужда поразмыслить или с другими поговорить - рассуждай, говори о смерти, об аде, об участи нераскаянных грешников; а когда одолевает печаль, кроме рассуждений и воспоминаний об аде, которого избегают за терпеливое перенесение печалей на земле, можно вспоминать о рае, о блаженстве близости к Богу, которые даруются за исполнение и познание святой воли Божией при терпеливом перенесении того, что приходится переживать при умном делании молитвы Иисусовой.

Скорби, внутренние и внешние, встречающиеся на пути спасительной жизни и покаяния, следует нести терпеливо, так как многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22). Скорби, терпеливо переносимые на земле, в вечности нас избавят от наказания ада и явятся, в подражание Господу, образом Креста Христова, вселяющего нас в вечную жизнь, то есть в Бога, на безысходное в Нем обитание.

Спасаться - значит всегда скорбеть. Без скорбей нет спасения, как нет для последователя Христова на земле счастья: В МИРЕ СКОРБНИ БУДЕТЕ (Ин. 16, 33). Последователи Христа на земле всю жизнь проводили и проводят в скорбях: скорбь - их неизменный спутник и пиран, но и учитель мудрости истинной, небесной, Божией.

Таков путь Креста Христова - каменист и терния оповсюду, но он же дает человеку истинное познание самого себя и Бога, и сути вещей и явлений, сотворяя из человека философа истинного, небесного - богослова изрядна; и не только истинным ведением одаряет человека, а и разум сущих дарует ему, разум - сие солнце духовное, светящее везде, всюду и всяко, и навсегда, хотя бы человек во внешних науках несколько не был искусен.

Всякое дело нужно делать честно, без лицемерия и человекоугодия, дабы совесть не укоряла, а была чиста; через сие человек научается и привыкает любить всех людей и во всех видах своего ближнего, больного и расслабленного, прощая ему все обиды и оскорбления, им учиненные; так что и своих недоброжелателей видя он благодетелями и уже перестает иметь врагов на земле от среды человек, любя всех, смиряя свою свободу перед свободой их, хотя бы и неправую, а себя всяко укоряя.

Так установившись, следует проходить делание молитвы, доколе делается оно привычным. Временем это делание не определяется, и не у всех бывает одинаково. Юные при старании воспринимают быстрее, а пожилые - медленнее, так как память пожилых в большей мере объята чувственностью, нежели у юных. Совсем же не успевают в делании лишь те, которые пренебрегают своим спасением.

Помыслов во время молитвы словесной бывает бесчисленное множество, рождаются они из сердца, и почти все дьяволом, через чувственные, спрасные воспоминания; ум же, внимая молитве, разбивает их о камень сладчайшего имени Господа Христа.

Бывают помыслы и безответные, помящие человека против его воли день, два и более. Таковые необходимо исповедовать своему старцу или старице или же, если нет старца, повергаться пред Богом, прося Его сотворить опущение сопернику своему - диаволу. Сказанное тебе старцем исполнять в поочности, и помысел, обнаруженный и объявленный при свидетеле-старце или Богу, удалится, лишь бы старец был в истине, выше всех искушений ученика своего, не обуревался помыслами в той же форме и образе.

В случае, когда некому поведать помысел, продолжай молитву, определив себе не соглашаться с этим помыслом во всю жизнь твою, и не унывай - борись. Господь, видя стремление твое к добру и твою борьбу со злом, Сам поможет тебе, запретив помыслу, или, не опуская брани, подает терпение. А попускает сие Бог потому, чтобы ты смог за борьбу и терпение свое обрести спасительный приросток и нанести в свое время диаволу глубокую рану во главу.

Исповедаться и причащаться нужно во все посты хотя бы по разу, а при возможности и чаще, но очень часто не советую, потому что нужно достойно приготовляться. Если нет возможности причаститься хотя бы раз в год, то, возложив все упование на Господа, пребывай в молитве, и Господь, видя твое доброе произволение, примет желание как само причастие, успех в молитве не уменьшится, спасешься.

С делом молитвы приобретается памятование о Боге, зрение своей греховности, а не праведности, своих немощей, а не сил. Не считай себя достойным чего-либо особенного, осознавая грехи, которые открываешь в себе через помыслы или желания. Грешник посещения Божия достоин не бывает, и ты себя достойным не считай. Ввиду сказанного, что бы тебе ни представилось во время молитвы: свет, какой бы ни был, теплоту, лики святых или нечто подобное - во внимание не принимай, так как все, кроме молитвы и внимания к ней, бывает от диавола.

Благодать делателя молитвы дается через молитву, очищая ум от помрачения, а душу - от спасетей. В этом-то и вся ценность для кающегося, а не в чем ином. Благодать бывает присуща уму лишь тогда, когда ум делает молитву и именем Божиим побеждает помыслы мирно, без смущения. За чем-либо другим для ума гонятся бесцельно: прелести не избежат, и плод пожнешь бесплодный, и печаль.

Бывают иногда помыслы, именуемые естественными, они исходят от ума, не желаящего грешить. Распространяться о них не следует, потому что они хотя и безвредны, но и пользы не делают.

Дело ума - молитве внимать, и помыслы ума - молитва. Все остальные помыслы - это проходящие мимо странники, ненужные уму; а кто спанет с ними разглашествовать, не избежит вреда. Бесчисленного множества помыслов спрашиваться не надо, они все проходят без успеха, если только ум делает молитву, не внимая им. Ум, пребывающий в молитве Иисусовой, побороты ничему не под силу.

Для делания словесной молитвы особой мудрости и знания от человека не требуется, нужно только лишь приложить старание, успех последует несомненно. Искушений трудно распознаваемых в это время не

бывает; диавол в основном борется помыслами, но от внешнего мира надо для безопасности удаляться.

Продолжительность молитвы словесной зависит от усердного в делании ее прилежания и от степени огрубения сердечного, приобретенного до начала молитвенного труда.

Человек, упражняясь в молитве Иисусовой, именуемой словесной, с помощью благодати Божией получает в ней навык, свидетельством которого является постоянное пребывание в молитве. Пусть человек другим делом и отвлечется от молитвы, и, кончив дело, не вспомнит о ней, язык сам собою начнет выговаривать слова молитвы, привлекая ум, который осмысленно начинает молиться молитвой словесной.

О МОЛИТВЕ ДЕЯТЕЛЬНО-УМНОЙ

Умная молитва называется умной потому, что читается мысленно, а мысленные слова являются действием ума, деятельною же молитва именуется потому, что до всецелой преданности в волю Божию совершается усилием человека, а не самодвижно Духом Святым.

Человек, усвоивший делание молитвы словесной, начинает, по мнению святых отцов, теплее, усерднее прислушиваться к словам произносимой молитвы, прислушиваясь, любит ее все больше и больше, то есть вместо увлечения исходящими из сердца помыслами или вращения в помыслах, им самим рожаемых, ум погружается в творимую им молитву. С этого времени слово молитвы, рождаемое в тайнике ума человеческого, не произносится, а творится мысленно. Есть люди, у которых и до делания молитвы Иисусовой было развито мышление, такие могут творить молитву Иисусову мысленно с самого начала, минуя ступень словесную.

Ум делается яснее, и ненавидя чуждые помыслы, не внимает им. Мыслию ума, возревновавшего о спасении, является молитва. Ему удобнее держаться вниманием молитвы, исходящей из его собственного существа, и сила ума, во благодати молитвенной возрастающая, поражает все, приходящее от диавола. Ум, молясь со вниманием своею, им рождаемою мыслию, делается упорнее, чем прежде, когда он лишь прислушивался к словам молитвы, произносимой языком. Отсюда человек начинает следовать путем ангельским. Умная молитва духом читается и духом творится, то же составляет всегдашнюю пищу и всегдашнее делание ангелов святых.

Такого человека без смущения можно облачать в ангельский образ - в мантюю, быть свидетелем его обещаний Богу, даваемых им добровольно при постриге волос. Сей уже есть подражатель ангелов. Постриг, совершаемый над не имеющим умного делания молитвы, сомнителен. Потому что монашество наших времен пришло в упадок, что умное делание стало редким явлением.

Настоятели и настоятельницы сами, за некоторым исключением, не имеют и не имели этого ангельского делания, хотя внешне-то и облеклись в одежду ангельского образа, нося их себе в осуждение. И представляемые

ими к поспригу ничем соответствующим ангельскому образу не опличались. Так и наполнились наши монастыри монашеством, которое увлеклось знаниями научными и опличалось от мирского общества одеждою, а не внутренним усмотрением человека, пворящего ангельское делание непреспанной молитвы. А что еще хуже, - умное делание многими из них признавалось ошибкой и прелестью, так как и достоинство монашества полагалось ими лишь во внешнем обиходе монастырской жизни.

Богу нужно наше сердце. Мы должны очищать внутреннее скляницы, тогда и внешнее будет чисто. Богу нужны наши дух, ум и душа, а не пело, облакаемое одеждами. Навыкнувший в делании умной молитвы сим деланием свидетелствуется в милости к нему Божией, в том, что Бог покаяние его принимает и ожидает еще больших плодов покаяния. Это есть извещение Божие о том, что человек, прудясь в делании молитвы над очищением своего сердца, благодатию может получить полное прощение, сокрушив и изгнав из сердца все страсти.

Молитва умная есть не что иное, как милость Божия и Божия благодать, свою молитвенною теплотою согревающая ум человека и пленяющая его в свое делание. Обретший милостью Божией умную молитву да не опчаивается в своем спасении, неп, а и наимножайше да приемлет веру во умоление Бога от грехов своих и с большей ревностью умной молитвой поражает диавола, в помыслах действующего из сердца уже не в грубейших формах, а в грубых и тонких. Тонкие формы искушений распознавать труднее, но ум, приняв благодатию молитву умную, от благодати приемлет и очищение, естественное тонким формам искушений, какими в это время искушает диавол, чтобы уводить ум в плен от молитвы.

Ум, до умного делания молитвы не замечавший в сердце тонких искушений, теперь и их замечает и посекает мечом умноделаемой молитвы, внимая лишь ей, другое же все обнаруживаемое гоня прочь. Всякий раз, когда диавольский помысел, появляющийся все с большей тонкостью, нежели прошлые помыслы, бывает умом усмотрен и отражен, враг изобретает новые ловушки для ума молящегося; но ум, внимающий лишь молитве, благодатию приемлет еще большую тонкость в различении хитростей диавола. То же касается и внимания. Оно со всяким опсечением диавольского помысла и спояния при молитве делается все сильнее, что дает возможность уму, внимающему молитве, обнаруживать и в это время диавольскую хитрость - искушения.

Таков порядок борьбы. Ум искушается все более тонким помыслом, но, устояв вниманием в молитве, он являет презрение к диаволу и любовь к Богу. С каждой такой победой усиливается внимание и тонкость ума. И на эти и последующие искушения бывает способен и силен не отвлекаться ум, внимающий молитве, и тем побеждает диавола в помыслах и искушениях, каковыи бывают равны помыслам. Ум, внимая лишь молитве, бывает способен побеждать всякую в это время попускаемую благодатию в искушениях диавольскую хитрость.

Диавол нередко подходит с помыслами, кажущимися добрыми, и лишь для того, чтобы ум отвлекся от молитвы, каковая диаволу проливнее всего

другого. Он дает способность уму рассуждать о вопросах богословия, открывает некие тайны, предлагает человеку подобие великих дарований.

Ум, внимающий молитве и находящийся непрестанно в деятельной молитве, заботящийся лишь о молитвенном предстоянии Богу в испрашивании прощения своих грехов, минуя упомянутые искушения сатаны, так как такой ум положил Бога в основание своего спасения и, будучи грешен, считает себя недостойным особых дарований благодати. Кроме молитвы ничего не приемлет и держится исключительно внимаемой или совершаемой умной молитвы.

Возмечтавший о дарованиях или пустившийся в богословие ум, пытающийся различать духи, вступающий в собеседование с ними или принимающий опкровение от духов, или нечто диавольски прозорливствующий и другое многое подобное в этом роде, - такой ум сдает плод горбкий; он оставил Бога и собеседование с Богом молитвой, а уклонился к сатане. Прельщение такого горце-велико, а хуже всего то, что он советов ни от кого не принимает, оставаясь в своем злоумии.

Для человека неп ничего более высшего, как умною молитвою беседовать с вездесущим Богом, предстоять Богу умом и умолять Его о прощении своих грехов. Молитва именуется матерью добродетелей, - через нее и другие добродетели обретаются, и дары, и прозрение. Следует лишь молитву чинить и молитве внимать, а все великое и таинственное Бог Сам совершит, когда придет время, когда сердце очистится полностью от страстей, и когда воля Божия будет в нем совершаться всецело.

Молитва, молитва и одна лишь молитва благодатью, в ней действующей, может внимающего ей во всех искушениях проводить безбедно, ибо в ней и через нее действует Сам Господь, не попуская уму увлечься в диавольские понкие искушения; все, что кроме молитвы, каким бы оно ни казалось спасительным, добрым, не способно победить диавола, как не имеющее истинной силы.

Умная молитва, по подобию словесной, в начале нуждается в количестве - множестве; количество нужно для того, чтобы ум окреп в делании умной молитвы и, неизменно предаваясь в волю Божию, обрел навык молитвы мыслию.

Навык умной молитвы познается так: проснувшись ночью, человек первую мысль имеет молитву; вспадает от сна, первая мысль его ума - молитва; после всякого дела, отвлекающего ум от молитвы, молитва сама начинает звучать в мыслях, и к молитве всегда само склоняется внимание; молитва не оставляется и во время обеда, не перестает человек делать молитву и внимать ей ни в делах, ни в помыслах.

В период делания умной молитвы искушения бывают от диавола большей понкости и сложности, и уму самому в них запутаться непрудно; но если имеется опытный наставник - старец, отец духовный, учитель, - обращай к нему, и он укажет, где и как нужно поступать, а при надобности и предупредит искушение; а если неп наставника, то и тогда боязни не следует предаваться, - будь с молитвою и лишь ей внимай, а все, случающееся кроме молитвы, отгоняй прочь, не беря во внимание.

Бог всякому делателю, брань с диаволом ведущему мечем молитвы, попускает искушение по мере его умных сил, по мере понюкости ума в разумении и перенесении хипростей диавола с пользою человеку. И диавол больше поущенного сделатъ человеку не может, следователно, Бог благодатию попускает искушение не выше сил молящегося, лишь бы он знал исключително молитву и был спокоен в ее делании. Так ум нудится видетъ искушения, обнаруживая их вниманием, - но не увлекается ими, и они все проходят мимо, ибо презренны умом, а ум, опогнавший помысел вниманием молитвы, усиливает свое внимание и приобретает большую понюкость.

Дело ума - молитву чипатъ, молитве вниматъ, - и так от начала словесной молитвы и до всецелой преданности в волю Божию, не оспанавливаясь вниманием ни на чем.

Ум не должен приниматъ никаких сверхъестественных явлений: ни света какого-либо, хопя бы и от иконы, ни голоса, хопя бы пели ангелы, так как ум предстоит Владике ангелов и к Нему обращается в молитве; не приниматъ даже прихода ангелов или святых, каковыи до полного очищения ума и до всецелого исполнения воли Божией не бываюи, а бываюи лишь мечпаниа диаволов, копорые человек ни в коем случае приниматъ не должен; лишь внимая молитве и предстоая всегда незримо вездесущему Богу, Ему неизменно веруя. А что может бытъ выше этого?

Благодатъ всегда действует в молитве и через молитву своевременно подает все необходимое уму. Увлекайтся следует только и исключително беседою с безвидно присушим Богом, молитвенно и со вниманием молитве, а другое все и всякое - прочь.

Упючаясь умом в делании молитвы умной, человек зрит умно свою греховность, какую он видит переполненным свое сердце, и плачет, и взывает о помиловании к Богу. Находящегося в делании умной молитвы и зрении своей греховности человека диавол своими прелестями искушатъ боится, так как знает, что будет поражен и поперпит поражение, а подвизающийся получит еще больший опыт в распознавании искушений диавола и большее мужество на борббу с ними. Диавол, поражаемый благодатию в умной молитве, обессиливает в искушениях, копорые обогащают ум молящегося искусством брани. Благодатъ Божия все это совершает, чтобы молящийся знал все искушения диавольские и яснее познавал бы, сколь сильно имя Сладчайшего Господа и всемогуще в поражениях всего, от бессилия диавольского бывающего, и как Он всемогуще управляет всем!

Всего, случающегося с человеком во время делания умной молитвы, описать невозможно. Что-то зависит от ревности молящегося и доброделающего, многое обусловлено спечением обстоятельств и сложностью дел внешних. Главное, чтобы ум очищался от помрачения, а душа - от спрастей, когда ум видит свою греховность и оплакивает ее.

Кроме имени Господа ни пленяйтся чем-то, ни соглашатся ни с чем не следует, надлежит знатъ лишь молитву со вниманием к ней, а молитва - матеръ добродетелей. В какой степени преуспевают человек в молитве,

в пакой - и во всех других добродетелях, в преданности в волю Божию и в исполнении воли Божией.

Сознанием своей греховности человек не дает места согласию с помыслом о каких-то своих достоинствах, а молитвою посекает всякое искушение. Да и какое дарование или откровение, или явление больше предстопяния с твердою верою молитвенного ума пред Богом и всегдашнего памятования ума, зрящего в себе и при себе десницу Божию, поражающую супостатов молитвою.

Держись памятию пвоею Господа, молись Ему со вниманием, и Он Сам опомщеваяй - опомстит, и побораяй - поборет за тебя, так как ты вступи брань с супостатом бессилен, а устрояет победу Иисус Христос. Она определена Им, Сладчайшим и Всепобедоносным.

От человека зависит лишь доброе произволение и несогласие на зло, готовность бороться со злом, но только именем Божиим. Ты можешь предпринимать что-либо проповь зла и диавола, но без Бога все немедленно всегда похищается одною из спраспей, а успех достигается благодатью Божией и незримо для человека.

Благодарь приемлет доброе произволение человека к добру и научает его надеяться не на себя, а на Бога спасающего, научает вступи брань именем Божиим, открывает человеку его бессилие, ничтожество и смиряет его. Благодарь учит предавать себя в волю Божию, все находить и полагать в едином Боге. Во всех тяжких искушениях Бог действием молитвенной благодати укрывает человека.

Так действительность человека успешно устраивается благодатию, и человек, видя о себе такое попечение, обретает полное доверие к Богу и предается в волю Божию. То есть действует не только начало молитвы Иисусовой в саду Гефсиманском о помиловании: ЕСЛИ ВОЗМОЖНО, ДА МИНУЕТ МЕНЯ ЧАША СЯ, а и конец: ВПРОЧЕМ НЕ КАК Я ХОЧУ, но КАК ТЫ (Мф. 26, 39), - предаюсь в волю Божию, в волю Отца Небесного, возгораюсь большего любовью к Нему и ревную много о славе Его. Так человек выходит на большие подвиги и борения с новыми искушениями и опасностями от диавола.

Человек убеждается, что всякую борьбу с врагом за него совершает Бог, а от него пребудется лишь со вниманием творимая молитва и принуждение себя к молитве. Молящийся все больше и больше видит необходимость в молитве и начинает усерднее вниманием прилепляться к ней, ибо разбойники - душегубители-диаволы - всяко хитры и неопытному спрашны; они, откуда и не предполагал и не ожидал, нападают. Даже и то, что доселе понималось добрым, видит молящийся переполненным хитросплетенными диавольскими сетями, и тем усерднее прилепляется он к Господу, скрываясь в молитве, ищет защиты у Спасителя.

Как в совокупности спраспи собою образуют цепь, каждая же по отдельности являет звено цепи, так и добродетели; те и другие сцеплены между собою и составляют одну неразрывную цепь. Одно борение проповь спраспи обессиливает эту спрасп, усиливая проповьположную ей добродетель. Победа над одной из спраспей заставляет отступать все спраспи по причине их сочлененности. В соответствии с этим спраспи, по

мере очищения ума, испощаются; добродетели же оживают по мере испощения страстей. Так происходит во весь период делания умной молитвы.

Благодать Божия, совершая спасение человека, скрывает от него свои благодеяния, чтобы делатель молитвы не остановился на пупи. Благодать обессиливает страсти, показывая уму коварства диаволов, восстанавливает добродетели, сама оставаясь сокрытой и от молящегося, и от диавола.

Благодать скрывается и наказует, своевременно бьет делателя и попускает уклоняться в малые погрешности, а затем строго пребывает исправления, уча не на себя надеяться, а на Бога спасающего; и научает, и вразумляет, и во все время молитвы умной делает его искуснее в искушениях, дабы ум мог принять силу самовластия, от Бога ему даваемую в дар, чтобы побеждать диавола, плоть и мир и всякое и все зло, и чтобы он возмог, по подобию Господа, будучи сам искушен во всем, сам помогать другим, имеющим ум еще не искусный, смущающийся.

При делании умной молитвы всякое лишнее знакомство следует прекратить и касаться лишь тех людей, с которыми связан крайней необходимостью. Следует жить возможно уединеннее, уста связывать более строгим, нежели при молитве словесной, молчанием. Всякое правило, читаемое побую по Молитвеннику, лучше заменять умной Иисусовой молитвой. Когда бываешь среди людей и читаешься правило другими по книге, ты можешь занимать ум привычным деланием умной молитвы. Воздержание необходимо иметь во всем и всегда.

Питаться нужно умеренно: когда выходишь из-за стола, всегда чувствовать, что мог бы съесть еще. Иначе желудок станет располагать ум ко сну, омрачая его бдительное око и советуя человеку отдохнуть от оптяжелений в желудке. Воздержание при молитве неопложно во всем. Уму свойственно быть свободным от всего, что приводит его в бездействие и сонливости и мешает внимать молитве, им же творимой.

Нужно еще строже уклоняться от общества, - не по презрению к человеку, да не будет сего, - а лишь в целях любви к Богу и удобнейшего совершения молитвы. Печали о земных заботах нужно избегать еще строже, довольствуясь тем, что Бог дает, и не скорбя об ином. О земном вообще следует заботиться меньше, так как об этом пекутся лишь те, кто не знает цели и назначения земной жизни.

Брату, за недоброе тебе от него, все прощай, не воздая злом за зло. Молись о нем, - и ты виноват пред Богом. Сознвая греховность, действующую в сердце, до отчаяния не доходи, а лишь о содеянном плачь и кайся, воздыхай и сожалея, сокрушая страсти молитвой покаяния.

Дела других не суди, так как и сам грешен без числа, да еще всего находящегося в своем сердце зла не видел, а там целое гнездо свипо из страстей, каковое соделалось самим сердцем в сердце, о чем и сказано: От сердца бо исходят помышления злая (Мф.15, 19). Сердце, ставшее источником злых помыслов, надо сокрушать.

Плакать есть нужда, чтобы душа омывалась слезами, горько скорбя и сокрушаясь о сердце греховном, утвержденном на корне самости горделивой. А когда нет слез, испекающих из глаз, тогда восполняй их скорбью

сердечной, сокрушая и уменьшая этой скорбью действительность страстей, не соизволяя им, не исполняя их требования.

Поклоны следует клануть по силам и по действию страсти блудной, то есть когда имеются силы и здоровье и страсть действует сильно, тогда нужно клануть побольше поклонов, не лениться, а при слабых силах, осудив себя, довольствоваться малым числом поклонов.

Поблажек телу в его требованиях не давать, даже не доверять ему и тогда, когда оно будет являть свои немощи. Внимать ему надо очень осторожно, иначе от него не отделаться. Лучше же этого врага своего спасения совсем не слушать. Дай ему разумно необходимое, и пусть этого будет с него довольно. Святые отцы говорят так: тело в спасительной жизни должно быть в роли глухонемого слуги, исполняя все ему указанное.

Святые своим телесам не внимали, а если внимали, то очень мало, зная, что сия храмина сопряжена с душой лишь для принесения покаяния, а не для чего иного. Суд и цену себе следует давать правую, то есть согласно тому, как ум видит сердце свое, переполненное страстями, знать себя лишь как грешнейшего всех человек - это суд о себе правый.

Считать себя следует худороднейшим и темным, и ниже всех по уму. Надо видеть, что все исполняют предназначение о них Божие, лишь ты один не исполняешь воли Божией, и даже тогда грешешь, когда Господь помогает тебе не грешить: ты же грешешь и грехом услаждаешься.

Жить в келье удобнее одному, иметь ее следует в простоте, а внушительнее ее устроить в среднем, то есть ни забот, ни нерадения лишнего да не будет. То же следует отнести и к одежде, и к обуви, и к другому, необходимому в быту. В случае, если Господь соделает твое жилище и беднее среднего, прими от руки Его и бедность с благодарностью, веруя, что Он знает, что и как тебе полезнее; если же крайняя бедность постигнет тебя - и ею не тяготись, зная, что наше богатство - Господь, и все наше - в Господе, и мы все променяли, дабы обрести Господа, близ сущего, - исполнив назначение земной жизни.

Провести земную жизнь впустую - крайне бесцвенно для души, почему и следует заботиться о том, чтобы совершать покаяние, примиряясь с Господом. Постель имей не мягкую, но теплую, а иначе можешь заснуть и сам себе явишься препятствием делать молитву умно, что тебя же и опечалит.

Лиц другого пола, воспроизводимых памятью в образах диаволом, представляя во гроб полагаемых, разлагающихся со зловонием во множестве червей. И свое помни безызвестие о смерти: быть может, начался последний час твоей жизни на земле, после чего за грехи ожидает тебя мучение, конца не имеющее, - и мечтания страстные отойдут, и желания скверные исчезнут.

В случае, если тебя будет беспокоить навязчивый помысел, не отступая дня два или три, а рядом не опытного человека, которому можно об этом поведать, и ты изнемогаешь в борьбе, - встань в келии своей пред иконы и скажи вслух Господу, где сущему, подняв руки, о нападающем на

тебя помысле. Твердо веруй, что Господь уже знает через твое исповедание о диавольской козни, и помысел оставит тебя, будучи объявленным пред Господом. Враг ест и пайна беззакония и пьма, и действоватъ может лишь тайно и во тьме до времени его объявления. Видя, что в место его присутствия и лукавства проник свет и он узнал, враг бежит без оглядки, палимый светом. Так же обессиливает диавол и во время исповедования помыслов старцу: обнаруженный, да еще при свидетелях, он удаляется.

Если же и после твоего исповедования помыслов Богу борьба не опускает от тебя, держись усерднее за молитву со вниманием и знай, что Бог хочет тебя, перпящего такую брань, научить большому терпению, подготавливая тебя, как отец дитя, к большим искушениям, перенесением которых с терпением и борением создается дело твоего спасения. Господь пожелал, чтобы тебе, перпящему и после исповедования брань, пришлось усилить свое добродетель, так как спасительное сердце этой борьбой обессилилось. Во всех случаях усматривает Бог полезнейшее для тебя; ты же не опчаивайся и сильно не унывай, а, внимая молитве, борись с неотпывчивым помыслом, зная, что он не твой, а диавольский.

Это может служить тебе некопорым подобием того, как бесы неспростанно будут мучить грешников в аду, воздествуя на их спасение, воспламеняя одну за другой, при полной невозможности избавиться там от назойливости диавольской. Так что не только не следует попускаемой бранью птягаться, а благодарить надо Бога, наказующего нас на земле, ради избавления от мучений в вечности.

Так что просить Бога от избавления от помысла нужно как можно реже: ведь нужно вести борьбу, а не уклоняться от нее, и лучше, внимая молитве, не унывать, а бороться и бороться. Борьбой достигается победа, борьбой мы обретаем добродетель, приближаемся к Богу и сплетаем венец славы на голову разума.

Бояться всяких неприглядных помыслов не надо, так как в борьбе с ними человек обретаемой им благодатью готовится безбедно проходить все большие искушения и больше прославляет Бога, помогающего ему, дающего терпение в борьбе. Если имеешь отца, старца - руководителя, от него ничего не тай: все тайны своего сердца поведай ему. Если он не имеет сана или невысокого звания, ты этим не смущайся, лишь бы он имел истинно духовный разум. Разум есть плод всех борений и венец за победу над спростями.

Духовника избери по указанию своего старца, спросив его, как и что ты должен исповедовать духовнику. Что старец скажет тебе, то и делай, не преступая ни одного слова его. Он знает лучше тебя, что тебе полезно, ты лишь ничего не тай от старца своего. Лучше всего, когда сам старец и твой духовник.

Если не имеешь старца, руководящего тебя в делании молитвы, то в таком случае о своем делании не говори никому, включительно и на исповеди. Лишь повергаясь перед Господом, открывай Ему все тайны и всю печаль твою. В молитве пред Ним излагай с твердой верой, что Он

слышит и смотрит на тебя, и после своего к Нему в скорбях припадания устраивает по, что тебе полезно. Ты же молись и молись, внимая молитве, а не ропщи на посылаемые тебе к твоей же пользе искушения. Святые все именуются подвижниками, так как они боролись, перпели и побеждали благодатью искушения, которых у святых было несравненно больше, чем у тебя.

Духовника, не имея старца, избери себе лучше из монашества, но это при возможности; если же он ничего не знает о молитве Иисусовой, а знающий действительно редкость, по лучше ему и не говори о ней, лишь исповедуй грехи, пягопящие твою совесть; иначе он, не зная делания молитвы Иисусовой, своими наставлениями вместо пользы повредит тебе, - опытно знающих делание молитвы Иисусовой встретит в наши дни трудно.

Если же будет нужда исповедоваться православному священнику, ты исповедуй ему грехи, а о делании молитвы не говори ни слова. Благодать чрез него прости грехи твои с успокоением совести. Когда будешь исповедоваться незнакомому священнику борения спраспи блудной, знай, что духовники, не понимая жизни аскетической в борьбе со спраспиями, нередко советуют неразумно оставлять борьбу, идти в мир и жизнь проводить брачную, руководствуясь словами апостола: Лучшее бо есть жениться, нежели разжизниться (1 Кор. 7, 9), - не понимая того, что апостол это говорит тем, которые живут одиноко, но борьбу вести не хотят, а распаяются спраспью.

Если ты избрал жизнь борьбы со спраспиями, по такого духовника, не разумеющего в духовном, впрочем не посещай. Он сам болен болезнью душевной, спраспиям покорствуем и не знает, что с ними нужно бороться всю жизнь: как с помыслами, так и с пребованиями желаний, распаяющих похотную часть души.

Монахиням приходится исповедоваться у своего батюшки, и если вдруг окажется, что он советует идти в мир жить семейно, нужно немедленно открыть это игумену, от которой ничего не должно быть сокрыто, а тем более неразумный совет духовника, хотя бы и данный на исповеди. Монахиня соединена своей душой с душой игумена, и ответ Богу за гибель души монахини имеет дать игумена, если только монахиня была в полном у нее послушании. Игумена же такого монастырского батюшку-духовника из монастыря должна уволить, доложив архиерею, так как он разоряет души сестер, препятствуя их подвигу борьбы со спраспиями.

Есть и еще один путь покаянной жизни, похвальный святыми опцами, путь, ими названный «средним». Это нечто среднее между уединением и монастырским общежитием.

Когда собираются двое или трое единомышленников, имеющих одни мысли, одни желания в прохождении жизни покаяния и в делании молитвы. Таких благоразумных, простых, единомысленных сейчас обрести трудно, если же такие найдутся, по пусть хотения воли своей опсекают один перед другим, а недоумения, сомнения, искушения и указания, где и как нужно поступать, утверждают советом общего рассуждения, всегда свои рас-

суждения подтверждая указаниями из святых отцов, и так, имея своими руководителями Бога и святых отцов, шествуют путем средним.

Самый безопасный путь покаяния и молитвы есть путь жгительства со старцем, лишь будь послушен и исполняй сказанное, а старец всякую опасность предупредит указанием, как нужно поступать. Лишь бы старец разумел жизнь истинно духовную, имел веру незаблудную, спасительную.

Не менее всего остального в делании молитвы Иисусовой умной важно место спояния ума вниманием при совершении молитвы. Святые отцы - делатели сего священного делания, и презвенники, и опыты указывают: молитва, пвояемая умом, пвояется мыслью, мысль же у всякого человека там, где находится орган слова, то есть в его горлани. Вот здесь-то, в горлани, следует споять делателя молитвы умной во все время делания молитвы, а опнюдь не в другом месте.

Не следует внимать молитве в голове, в чреве, в желудке, в похотной части, что крайне бесповенно, но, делая молитву умную, держи ум пвой вниманием на месте органа слова - в горлани, здесь и стой, не уклоняясь никуда.

Переходить в сердце не напрягайся, это происходит позже, в делании молитвы умно-сердечной, то есть когда сердце молится вместе с умом. Об этом будет указано в свое время, как внимать и где споять умом, теперь же запомни: с места органа слова вниманием никуда не уклоняйся во все время молитвы, именуемой умной.

Действие страстей во время делания умной молитвы бывает великое, так как сапана имеет их в своих руках как оружие в борьбе с человеком; ум же, обостренный вниманием к молитве, приемлет тонкость. Ум уразумевает в сердце восстанавливаемое сапаню волнение страстей, видит нападения разбойников-душегубителей, скорбит, понимая, что если молитва оставит его, - то душа живой будет взята в преисподнюю ада. Он всеми силами держится за молитву, внимая ей, укрывается в ней умом от супостатных и так, помощью Божией, избегает всех искушений и восстаний страстей, содеваемых диаволом.

Все важнейшее при делании молитвы умной здесь описано. Не унывай, а делай. Вниманием стой, как указано. Кроме молитвы ничего не принимай, ею стой пред Богом и о внимательнейшем пред Богом споянии заботься, а другое все, как бы оно чисто и свято ни казалось, от себя отспрани прочь и согласия ни на что не давай. Тогда благодапию в молитве всякой прелести избежишь, имея лишь молитву, делаемую со вниманием. Плод молитвы умной - очищение ума, зрение своих грехов в сердце своем, покаянное сокрушение сердца и восстановление добродетелей.

К ангелам приближаться и к святым Божиим можно лишь по мере очищения сердца, не иначе. Что бы ни явилось тебе - не принимай, а как тебе уже говорилось: бывай с молитвой, и молитве внимай, и ею опгоняй всякую злобу. Молитвой дорожи.

В деле молитвы монах пвы или послушник или просто мирянин, - это безразлично, лишь бы окружающие и обстановка не препяпствовали деланию молитвы - делу внутрпнного монашества.

ЕДИНСТВО ИДЕАЛА ХРИСТОВА

(ПИСЬМО ДРУГУ)

Год тому назад, мой дорогой друг, в одном из писем к тебе я коротко, - помнится, страничках на двух, - коснулся вопроса о монашестве и христианстве, об их единстве по существу. От тебя последовал ответ еще более краткий, где ты не берешься спорить со мной, но все-таки не соглашаешься. А мне хотелось бы и по этому вопросу установить с тобой дружеское единомыслие. Мне досадно чувствовать, что в данном случае нашему единомыслию мешает лишь распространенный предрассудок, копорый, к моему сожалению и огорчению, разделяешь опчастпи и ты. Говорю опчастпи, потому что не хочется мне верить и знать, будто этот предрассудок укоренился в душе твоей глубоко. «Что за предрассудок?» - спросишь ты. Предрассудок пропив монашества. Состоит он, по-моему, в том, что слишком превозносят монашество, но не искренно, а лишь с той лукавой целью, чтобы потом больше, чем следует, всячески бранить.

Предрассудок пропив монахов, монашества лукав и еще с одной стороны, а именно: думают, что христианский идеал во всей его высоте обя-зателен и нужен только монахам, а мирянам... ну а мирянам нужно что-нибудь более сходное, более легкое. «Мы не монахи!» Этим объясняется и извиняется для мирян все. Я даже в отчете об одном из сенсационных судебных процессов читал любопытную подробность. Допрашивают одного дженплмена, изменял ли он своей жене и часто ли. Он отвечает: «Конечно, монахом я не жил!» Разве это не кажется тебе характерным?

У нас спало два христианства, два христианских идеала: один для монахов, другой для мирян. Такое разделение Христова идеала я считаю нелепым принципиально и крайне вредным практически. Вот почему и горько мне сознавать, что мой умный и добрый сердцем друг склонен разделять предрассудок, выросший на почве человеческого недомыслия. Этот вредный предрассудок, друг мой, тебе не к лицу, и я прошу тебя со мной вместе продумать еще раз поставленный мной вопрос.

Итак, одно христианство или два? Един ли Христов идеал или различен? Думаю, согласишься со мной без спора, что христианство одно и Христов идеал един. Но, может быть, в идеале различные ступени совершенства? Друг! Ведь это же нелепость! Разве в идеале бывают высшие и низшие ступени? Ведь идеал - бесконечность, а бесконечность всегда себе равна. Ты знаешь, где кратко выражен идеал христианства? В 48-м стихе V главы Евангелия от Матфея: БУДЬТЕ СОВЕРШЕННЫ, КАК СОВЕРШЕН

Сщмч. Иларион, архиеп. Верейский (Троицкий Владимир Алексеевич) (13.09.1886—28.12.1929, †15 дек.). Богослов, духовный писатель, автор многочисленных работ по экклезиологии и сотериологии. Инспектор МДА, проф. по кафедре Священного Писания Нового Завета. Секретарь и консультант по богословским вопросам Патриарха Московского и всея Руси Тихона.

22 марта 1922 г. арестован ГПУ по делу о сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей и приговорен к одному году высылки в Архангельскую губернию. 15.11.1923 г. вновь арестован как ближайший помощник Патриарха Тихо-

ОТЕЦ ВАШ НЕБЕСНЫЙ. Допустимы ли какие-нибудь степенни в этом идеале? Конечно, в достижении этого «будьте совершенны» может быть бесчисленное множество ступеней, но идеал-то остается все же единым, и он един для всех. Христос ведь учил не монахов, а всех людей, - и учил одному. Право же, друг, мне как-то неловко раскрывать Евангелие и доказывать то, что само собой ясно. Увы, в наше время вражда к монашеству ослепила многих настолько, что они готовы отвергать даже истины самоочевидные.

Чтобы заградить уста разделяющих единый идеал Христов, я приведу замечательные слова святого Иоанна Златоуста, в которые советую вдуматься и тебе, чтобы

согласиться со мной. Святой Златоуст пишет: «Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что иное пребывает от мирянина, а другое от монаха; различие между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и взирающий на женщину ко еже вожделети ея, будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Мф. 5, 22, 28). Если же можно прибавить что-либо по соображению, то мирянин менее извинителен в этой спраспи; потому что не все равно, топ ли прельстился красотой женщины, кто имеет жену и ползуется этой упехою, или будет уловлен этим грехом топ, кто вовсе не имеет такой помощи (против спраспи). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различения и не сказал: если клянущийся будет монах, то клятва его от лукаваго, а если не монах, то нет, а просто и вообще всем сказал: Аз же глаголю вам не клятися всяко (Мф. 5, 34). И еще сказав: ГОРЕ СМЕЮЩИМСЯ (Лк. 6, 25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных повелениях. Когда, например, Он говорит: блаженни нищии духом, плачущии, кротцыи, алчущии и жажду-

на и приговорен к трем годам концлагеря. В 1926 г. свт. Иларион возглавил служение пасхальной заутрени на Соловках. Кроме того, он являлся одним из авторов «Памятной записки соловецких епископов» о тяжелом положении Православной Церкви в СССР. 19.11.1926 г. приговорен ко второму лагерному сроку на три года, по окончании которого приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. Скончался по пути в ссылку в Петроградской тюремной больнице от тифа. Погребен на кладбище Санкт-Петербургского Новодевичьего монастыря. Прославлен Архиерейским Собором РПЦ 2000 г.

Сщмч. Иларион (Троицкий). Икона. 1999 г.

ции правды, милостивии, чистии сердцем, миротворцы, изгнани правды ради, несущие за Него оп внешних (неверующих) упомянутыя и неупомянутыя поношения (Мф. 5, 3-11), по не приводит названия ни мирянина, ни монаха: такое различие привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жен. Послушай, что говорит и Павел (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел же, в послании обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, пребывает от них всей спрोगости жизни, свойственной монахам. Так, устрняя всякую роскошь и в одежде и в пище, он пишет такие слова: жены во украшении лепотнем, со стыдением и целомудрием да украшают себе не в платенных, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными (1 Тим. 2, 9); и еще: питающаяся же пространно, жива умерла (1 Тим. 5, 6); и еще: имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем (1 Тим. 6, 8). Чего еще больше этого можно было бы пребывать от монашествующих? А научая других удерживать язык, он опять постановляет спрогя правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устрняет не только срамные и глупые речи, но и шутковские, изгоняет из уст верных не только ярость, и гнев, и обиду, но и крик: всяка, - говорит, - горесть и гнев, и ярость, и кличь, и хула да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4, 31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что он заповедует всем о незлобии. Солнце, - говорит, - да не зайдет в гневе вашем (Еф. 4, 26), блюдите, да никтоже зла за зло кому воздаст: но всегда доброе гоните и друг ко другу и ко всем (1 Сол. 5, 15); и еще: не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое (Рим. 12, 21). Видишь ли доходящую до самой вершины степень Любомудрия и долготерпения? Послушай также, что заповедует он о любви - главе добродетелей: поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он пребывает той же любви, какой (пребывал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (см. Ин. 15, 13), так и Павел выразил то же самое, сказав: Любы... не ищет своих си (1 Кор. 13, 4-5), и к такой-то любви заповедал спремиться; так что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и от мирян пребывается то же самое, что от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям. Чего же можно пребывать больше этого Любомудрия? Когда он повелевает быть выше и гнева, и ярости, и крика, и любостыжания, и чревоутодия, и роскоши, и тщеславия, и прочаго житейского и не иметь ничего общаго с землею; когда заповедует умертвить уды (см. Кол. 3, 5), то очевидно пребывает от нас такой же спрогой жизни, какой (пребывал) от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: умерый бо свободися от греха (Рим. 6, 7). А в иных местах он увещавает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так когда убеждает нас к любви, к незлопамыслству и кротости, то приводит в пример Христа. Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но Самому Христу, и не подражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их выше сопу большею? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту;

по именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить безопасно. Нет, нет; от всех нас пребудется, говорит он, одинаковое любознание: это весьма хотел бы я внушить; или - лучше - не я, но Сам Тот, Кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех же источников, чтобы тебе совершенно открылось от всякой нечистоты неверия. Я представляю доказательство от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был жестоким монахом, но - если можно сказать нечто в пояснение - за то, что, будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того ни другого, а только то, что он был жесток и за это перел тягчайшей муки в огне... Я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними. Так и одетый в нечистую одежду (см. Мф. 22, 1-13), и пребывавший (с должника) сто динариев (см. Мф. 18, 23-34) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудодеяние, а последний за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидит, что они подвергаются наказанию только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Так, (Господь), говоря: ПРИИДИТЕ КО МНЕ ВСИ ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННИИ, И АЗ УПОКОЮ ВЪ. ВОЗМИТЕ ИГО МОЕ НА СЕБЕ И НАУЧИТЕСЯ ОТ МЕНЕ, яко кроток есмь и смирен сердцем: и ОБРАЩАЕТЕ ПОКОЙ ДУШАМ ВАШЫМ (Мф. 11, 28-29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда Он повелевает идти пустынным путем (см. Лк. 13, 24), то обращает речь не к ним только одним, но и ко всем людям; одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (см. Ин. 12, 25), и все прочее тому подобное <...> Итак, впредь, думаю, и самый склонный к спорам и беспыдный не будет отвергать, что и мирянину, и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения, получают одинаковыя кары¹.

Не удивляйся, друг мой, что я сделал такую большую выписку из святого Иоанна Златоуста. Мне думается, что в приведенных словах он совершенно ясно и убедительно доказал именно единство идеала Христова. Пред этим идеалом все равны: и монахи, и миряне. А потому извинять себя в чем бы то ни было столь обычным присловьем «мы не монахи» - есть полнейшее непонимание сущности христианства, просто недомыслие.

От тебя, друг, я не жду такого возражения, какое, к сожалению, приходилось мне слышать от других. Именно, мне возражали: «Что же, по твоему, монахи могут жить по-мирски?». На это я отвечал - и, думаю, ты одобришь мой ответ - так: «Оставьте легкомыслие, потому что я говорю о деле серьезном и хочу говорить серьезно! Что же, и святой Златоуст желает, чтобы монахи во всем уподоблялись мирянам? Сказать, что все должны восходить на одну высоту, не значит сказать, что все равно могут лепетать в одну пропасть». Вообще же я полагаю, что вопрос

¹ Иоанн Златоуст, свт. К верующему отцу. Слово третье // Творения. В 12 т. М.: Православная книга, 1991. Т. 1. С. 107—110.

о единстве идеала Христова словами святого Злапоуста раскрыт и решен совершенно доспапочно. Следует признатъ как аксиому, в качестве исходного пункта, положение: монашество не выступает с каким-то особым идеалом, отличным от идеала общехристианского. Никакого особого идеала быть вообще не может, потому что идеал Христов вечен, неизменен и бесконечен.

Но из этого положения нам, друг, следует сделать с побой несколько выводов по частным вопросам. С точки зрения этого положения, я хотел бы ответить тебе на возможные недоумения, хотел бы сказать тебе, что, по-моему, с логической необходимостью следует из признанного положения.

«Позвольте, - скажешь ты мне, - а как же ваши монашеские обеты, пострижение, отречение от мира? Зачем же тогда и монашество ваше?». Разберемся в этих вопросах по порядку.

В нравственной системе католиков учение Христово разделяется на общеобязательные заповеди и частные советы. Исполнять заповеди должны все, а советы даются желающим. Кто исполнил совет, тот сделал уже нечто сверхдолжное, у него есть «сверхдолжные заслуги», ему не нужные. Эти заслуги поступают в церковную сокровищницу, а папа из этой «сокровищницы церковной» раздает «заслуги про запас» тем, у кого своих-то заслуг маловаго. Отсюда индульгенции и вообще весь финансовый механизм Ватикана. «Выдаются чеки на добрые дела и переводы со святых на грешников». Разделение Христова учения на заповеди и советы есть неразрывное звено в этой именно еретической системе католицизма. Наше православное богословие хоть немного и плавило дань католичествому, но пропив этой римской схемы о добрых делах всегда боролось. В нашей богословской литературе отвергнуто было и опровергнуто и само разделение христианского морального учения на заповеди и советы. Странно поэтому думать, что монахи берут на себя какие-то особые, Христом не заповеданные подвиги. Для христианина вообще не существует какой-либо определенной меры, выше которой ему нет нужды расти духовно. Его мера - бесконечное совершенство и вместе с ним бесконечное возрастающее блаженство, потому что мы утверждаем пождество добродетели и блаженства. Мера полного возраста Христова (Еф. 4, 13) - вот мера христианина. А вот его наспроение: КОГДА ИСПОЛНИТЕ ВСЕ ПОВЕЛЕННОЕ ВАМ, ГОВОРИТЕ: МЫ РАБЫ НИЧЕГО НЕ СТОЯЩИЕ, ПОТОМУ ЧТО СДЕЛАЛИ, ЧТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ СДЕЛАТЬ (Лк. 17, 10). Что же могут прибавить здесь какие бы то ни было человеческие обеты, прибавить, разумею, в нравственно-идеальном смысле? Какой обет может возвысить меру полного возраста Христова? Да почитай, друг, чин монашеского пострижения. Ты увидишь там как бы набор евангельских изречений, то есть истин общеобязательных.

«А как же отречение от мира? - шевелился, должно быть, в пвоей голове вопрос. - Вы отрекаетесь от мира, а мы не отрекаемся».

Не хотелось бы мне от тебя, друг, слышать этого недоумения, потому что тебе-то нужно бы, весьма бы не мешало кое-что соображать в богословии. Это речи людей светских, которые любят высказывать решительные суждения, но не считают нужным что-нибудь знать, о

чем-нибудь думать и что-нибудь понимать. А тебе, друг, как человеку умному такое светское легкомыслие совершенно не к лицу. В самом деле, что это значит - отречься от мира? Мир через «і», значит - отречься от вселенной. Трудная задача! Ну как от вселенной отречься? Как из нее уйдешь? Куда? В монастырь? А монастырь-то где? Не на той же земле? Да и как легко было бы отречься от мира, если бы для этого достаточно было скрыться за монастырские стены! Но говорят: «Он принес мир и в монастырь». Оказывается, мир можно носить. Говорят: «Мир гонится за ним». Оказывается, мир может двигаться. Что же это такое - «мир»?

А с другой стороны, спрашивающий спрашивает спрашиваемого: «Отрицаешься ли мира и сущих в мире по заповеди Господней?» Слышишь, друг мой, - по заповеди Господней! Отречение от мира называется заповедью Господней, то есть, без всяких сомнений, чем-то общехристианским. Да, конечно же, это заповедь Божия для всех христиан. Припомни из Евангелия: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18, 36), они не от мира, как и Я не от мира (Ин. 17, 14, 16), мир вас ненавидит (Ин. 15, 18), мир возненавидел их (Ин. 17, 14). О ком здесь речь? О монахах? Нет, конечно, - о христианах вообще. А припомни речи апостольские: Не любите мира, ни того, что в мире (1 Ин. 2, 15), дружба с миром есть вражда против Бога (Иак. 4, 4), рожденный от Бога, побеждает мир (1 Ин. 5, 4), Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире (1 Ин. 4, 4). Отречься от мира должен всякий, кто не хочет быть во вражде с Богом, - не одни, следовательно, монахи, но все христиане. Что же такое «мир», и что это значит - «от него отречься»?

Воп, что отвечают на этот вопрос величайшие наставники монахов и лучшие авторитеты по вопросам христианского нравоучения - святые отцы-подвижники.

Слушай, что говорит святой Василий Великий, так много заботившийся об устройении жизни монашеской: «Удаление от мира состоит не в том, чтобы телом быть вне мира, но чтобы душой опорваться от пристрастия к телу»¹. Миром Священное Писание, по словам Златоуста, называется злые дела (на Еф. беседа 22, 3). Марк Подвижник говорит, что нам не повелено любить мира, и всего, что в мире. Не в том смысле получили мы такую заповедь, чтобы безрассудно ненавидели мы творения Божии, но чтобы отсекали поводы к спрасням». «Мир, - говорит преподобный авва Исаия, - исполнен пожеланий... плотских; попечение о теле паче, чем о душе»². Но самое точное определение «мира» дает прп. Исаак Сирийнин говоря, что мир есть имя собирательное, обнимающее собой то, что называется спраснями. Когда хотим назвать спрасни в совокупности, называем их миром. Сказав короче - мир есть «плотское житие и мудрование плоти», поскольку христианин не исполняет требования - жить во плоти, но не по плоти.

Воп, друг мой, что значит слово «мир» на языке аскетическом. «Мир» - это совокупность спрасней. Скажи же, неужели только монахи должны отречься от спрасней? Конечно, не одни монахи. Отречение от

¹ Василий Великий, св. Письмо 2. К Григорию Богослову.

² Авва Исаия. Слово 21. О покаянии // Добротолюбие. В 5 т.

Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. Т. 1. С. 372.

мира естѣ заповедь Господня для всех христиан. Обет отречения от мира дали и вы, миряне. Где и когда? При крещении - нас всех спрашивали тогда, отрицаемся ли мы сатаны и всех дел его. Восприемники за нас отвечали: «Отрицаюся!» И еще спросили нас, отреклись ли мы от сатаны; и был наш ответ: «Отрекохся!» Потом мы плюнули на сатану. Ведь мы отреклись именно от того, кто в мире, по слову Христову. Мы сочепались Христу. Жаль, что миряне, когда вырастут, даже и не смотрят чина крещения. У нас естѣ весьма распространенный среди мирян предрассудок, будто аскетизм - специальность монахов. Слова «монах» и «аскет» у нас употребляются в качестве синонимов. Но здесь полное недомыслие. Что такое аскетизм? В нашей богословской литературе естѣ громадное и весьма поучительное сочинение проф. С.М. Зарина «Аскетизм по православно-христианскому учению». Вот какие бы книги вам, мирянам, побольше читать! Не спали бы вы тогда говорить такие вещи, перед которыми остается только широко раскрывать глаза от изумления и с сожалением пожимать плечами. Вот как в этом сочинении и на основании филологии, и философии, и святоотеческой литературы определяется аскетизм. Под «аскетизмом в прямом и собственном смысле следует разуметь вообще планомерное употребление, сознательное применение целесообразных средств для приобретения христианской добродетели, для достижения религиозно-нравственного совершенства»¹. Подумай над этим определением и скажи, исключительно ли монашеское дело аскетизм. Если нам всем нужно бороться со страстями, то борьба с ними и естѣ ведь аскетизм, отречение от мира. Тот же наш ученый специалист по вопросам аскетизма, проф. С. М. Зарин, хорошо говорит: «Православие, признавая совершенство общехристианским требованием, считает и аскетизм общехристианской обязанностью, осуществляемой в различных формах»².

Разные поношения монашества теперь так часто начинаются словами: «Монахи, отрекшиеся от мира» и т.д. Почему же это признак именно монаха - отречение от мира? Ты, друг, тоже склонен главным в монашестве считать отречение от мира. После моих разъяснений согласишься ли ты со мной, что все христиане отреклись от мира? Церковные проповедники говорят об отречении от мира еще во втором веке, когда монахов-то вовсе не было. Осуждая всячески монахов и стараясь обелить себя, миряне теперь так часто говорят: «Но мы от мира не отрекались». Совершенная бессмыслица с православной точки зрения. Не отрекались от мира - значит, нет различия между добром и злом, пороком и добродетелью, не нужна никакая борьба со страстями. Ведь страсти-то и составляют мир, от которого вы будто бы не отрекались.

Я, друг мой, хотел бы утвердить в своем сознании мысль, что, отрекаясь от мира, монах никакого нового христианства не создает, не ставит для себя какого-то особенного идеала. Без отречения от мира, без борьбы со страстями, без аскетизма никакое духовное совершенствование невозможно.

¹ Зарин. С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Спб., 1907. С. 11.

² Зарин С.М. Указ. соч. С. 15.

Нередко чем-то специально монашеским считают послушание и нестяжательность. Неужели для мирян в непослушании и в корыстолюбии уже ничего предосудительного и нет? Но в чине монашеского посприжения вопрос о послушании дается такой: «Сохраниши ли даже до смерти послушание к игумену и ко всей о Христе братии?» О нестяжательности вопрос такой: «Пребудеши ли до смерти в нестяжании и вольней Христа ради во общем житии сущей нищете, ничтоже себе самому стяжевая или храня, разве яже на общую потребу, и се от послушания, а не от своего произволения?»

Разве ты не замечаешь, друг, что и послушание, и нестяжательность берется здесь применительно к общему житию, к монастырю. Ты вступишь в монастырь, так дай обещание слушаться игумена, дай обещание не роптать на в общем житии сущую нищету. Общая потреба будет удовлетворяться, и каждый должен заботиться именно об этой общей потребности. Смысл общежития в истреблении стяжательности как личной спрасы, спрасы сребролюбия. А исторически общежительная форма монашества всегда была более обеспеченной формой жизни сравнительно с монашеством опшельническим.

Но если взять и послушание, и нестяжательность вне монашеской общежительной формы, то разве не следует их признавать общехристианскими добродетелями? Христианская истинная мудрость послушлива, по слову апостола Иакова (Иак. 3, 17). Мудрость же с завистью и сварливостью апостол называет земной, душевной, бесовской (Иак. 3, 14-15). Богатому юноше Господь сказал: ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СОВЕРШЕННЫМ, ПОЙДИ, ПРОДАЙ ИМЕНИЕ ТВОЕ И РАЗДАЙ НИЩИМ (Мф. 19, 21). Неужели быть совершенным - это вне желаний мирянина? Ведь только католики выдумали видеть здесь какой-то совет, необязательный вообще для христиан. На то ведь католичество и есть обман, который желает соединить служение и Богу, и миру. А другие слова Христовы разве к монахам только относятся: НЕ СОБИРАЙТЕ СЕБЕ СОКРОВИЩ НА ЗЕМЛЕ, ГДЕ МОЛЬ И РЖА ИСТРЕБЛЯЮТ И ГДЕ ВОРЫ ПОДКАПЫВАЮТ И КРАДУТ, НО СОБИРАЙТЕ СЕБЕ СОКРОВИЩА НА НЕБЕ, ГДЕ НИ МОЛЬ, НИ РЖА НЕ ИСТРЕБЛЯЮТ И ГДЕ ВОРЫ НЕ ПОДКАПЫВАЮТ И НЕ КРАДУТ, ИБО ГДЕ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, ТАМ БУДЕТ И СЕРДЦЕ ВАШЕ (Мф. 6, 19-21). В припче о «домоправителе неправды» Господь богатство называет неправедным, неистинным, ненастоящим, противополощая его богатству истинному (см. Лк. 16, 9-11).

Мне думается, друг мой, и помимо монашества послушание и нестяжание только на общую потребу бывают необходимы и весьма полезны в жизни человеческой. Возьми семью. Разве там послушание излишне - послушание к игумену, к опцу, к главе семьи? Да думается еще мне, что в хорошей семье ее члены себе ничего не стяжают, но «разве яже на общую потребу». Там тоже возможна в общем житии сущая нищета. В хорошем монастыре не должно быть слов «мой» и «пвой». Эти же слова должны быть удалены и из семейного обихода. Семья - это монастырь. Не напрасно в монастыре терминология семейная. Там отец - игумен, братия - депти духовные.

Да укажи мне форму общественной жизни, где не было бы нужно послушание. Присягают подданные государю. Что это, как не обет послушания?

Где только общество, там и послушание. Например, министр финансов устанавливает налоги, делает заем. Разве он себе самому спяжает? Не на общую ли потребу? И от своего ли произволения? Не от послушания ли монарху или парламенту? А потом, не общая ли христианская обязанность - бороться против страсти сребролюбия? «Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность, но и все, что бы по ни было, к чему привязана воля»¹. А преподобный Иоанн Кассиан рассуждает так: «Возможно и не имеющему денег не быть свободным от ... сребролюбия... несколько не обремененным тяжестью денег возможно быть осужденными вместе с сребролюбцами, по сердцу и уму. Им не доставало только случая к спяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость»². Поэтому страсть спяжательности может быть и при крайней видимой нищете. Иной легко оставил большие богатства и пришел в монастырь, но страсть в сердце остается, только привязывается к другим предметам. Нельзя питать страсть вещами драгоценными - она привязывается к вещам более дешевым, приобретает только иной вид. Но дело все не в различии металлов, а в самой страсти. Напротив, поэт, кто, презрев большее, привязывается к меньшему, достоин тем большего осуждения. Аскетическая литература знает много случаев пристрастия именно к ничтожным вещам, что, пожалуй, более безобразно, более позорно. Здесь страсть обнаруживается как бы в более чистом виде. Поработченность души, ее служение страсти проявляется ярче. Страсти, друг мой, не следует понимать внешне, страсти гнездятся в душе, и из души их нужно испоргать равно и монаху, и мирянину. Количество значения не имеет. К грошам можно быть привязанным более, нежели к тысячам, и страсть спяжательности сильнее будет в первом случае, чем во втором. Душа, преданная страсти спяжания, скорбит при потере небольшого, тогда как душа, свободная от этой страсти, спокойна и при потерях больших.

Я опять повторяю, друг мой, что не имеет смысла усматривать сущность монашества в послушании и нестяжательности. Непослушание и стяжательность - пороки и для мирян, так как от мира страстей отделись и миряне. Идеал Христов, идеал совершенства един для всех. Этот идеал - цельность душевная, свобода от страстей. Почитай страницы о «грехе» в умнейшей русской книге последних годов - в книге отца Павла Флоренского «Сполн и утверждение истины». Цельность души - вот ее нормальное и блаженное состояние. Этой цельности души противопоставляется ее «развороченность» страстями и, следовательно, ее мучение, беспокойство, смятенность. Цельность души разрушается страстью спяжательности - равно и у монаха, и у мирянина.

Остается нам, друг мой, побеседовать еще о претчем обете монашества - о девстве и целомудрии. Не создают ли монахи эпитом обетом какого-нибудь нового идеала жизни, отличного от идеала общехристианского? Но, думаю, ты не станешь отрицать, что целомудрие - добродетель общехристианская, а нецеломудрие - грех и для монаха, и для мирянина. В ходячих представлениях у нас как-то считают целомудрие с браком

¹ Исаак Сириянин, св. Слова подвижнические. Слово 56. М., 1993. С. 277.

² Иоанн Кассиан, прп. Обозрение духовной брани //Добротолюбие. Т. 2. С. 50.

несовместимым. Но по церковному учению брак есть пособник целомудрия. Плотская похоть, проповоюющая духу целомудрия, тоже есть страсть, нарушающая душевное равновесие. С этой страстью христианину должно бороться. Не напрасно же в Великом посту просит христианин у Господа себе духа целомудрия. Одним словом, я считаю даже излишним доказывать и обосновывать то, что целомудрие - добродетель, необходимая и для безбрачных, и для состоящих в браке. Эту истину следует исповедать всем без всякой оговорки, без всякого послабления. Многих споров о монашестве, многих нареканий на монашество не стало бы, если бы была решительно и чистосердечно признана эта истина.

Вопи другая часть этого же самого монашеского обещания, уже специально монашеская. Это девство или безбрачие. Во всех монашеских обетах и оспалось у нас специально монашеское полво одно безбрачие. Все добродетели одинаково обязательны и монахам, и мирянам, но в этом пункте монашеская жизнь от мирской уже отличается. Выше, в начале письма, я приводил слова святого Иоанна Златоуста. Повторю из них и сейчас при спрочки: «Разность между ними (монахами и мирянами) в том, что один вступаеп в брак, а другой неп, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности». Разве не то же говорит святой Иоанн Златоуст, к чему пришли и мы? Может быть, мы и не совсем уж худо рассуждали. А вопи еще весьма авторитетные слова свяпителя Василия Великого. Называю их весьма авторитетными потому, что читаю их во втором его послании к Амфилохию, епископу Иконийскому, а это послание на VI и VII Вселенских Соборах признано каноническим и печатается доньне в «Книге правил». В правиле XIX свяпителя Василия читаем: «Обетов мужей не знаем иных, как разве, которые причислили себя к чину монашесвующих, которые молчанием показывают, яко приемлют безбрачие»¹.

Но я, друг мой, предложу и еще вопрос. Что же, создается ли безбрачием какое-нибудь новое христианство? И опять я должен ответить отрицательно. Ведь безбрачие не цель, а средство. Это один из путей, а к цели своей христианин может прийти и другим путем. Всякий человек избираеп тот путь, по которому ему идти удобнее. А само по себе безбрачие особого морального содержания не имеет. Читай VII главу Первого послания к Коринфянам. Там апостол Павел сравнивает брак и безбрачие с практической точки зрения. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я (1 Кор. 7, 8). Выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше (1 Кор. 7, 38). По-гречески здесь: хорошо - καλός. Это слово по-гречески не имеет специального нравственного значения (было бы αγαυός: поэтому «лучше» имеет полво практический смысл). Апостол сам же и поясняет, что значит «лучше»: НЕЖЕНАТЫЙ ЗАБОТИТСЯ О ГОСПОДНЕМ, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу (1 Кор. 7, 32-34). Думаю, не хочет апостол сказать, что семейные Господу совсем не

¹ Книга правил. Изд. Св-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 322.

угождають и не могут угождать. Он рассуждает праптически: чаще всего пак бывает, это наиболее обычное явление. Можно и безбрачному вовсе Господу не угождать, но при равном желании угождать Богу у безбрачного больше благоприятных условий для осуществления своего доброго желания, нежели у женатого. Но искап в словах апостола учение о моральном превосходстве безбрачия сравнительно с браком, по моему мнению (не моему, впрочем, только), было бы ошибкой.

И опять я боюсь услышать от тебя, дорогой друг, столь обычное запальчивое возражение: «Что ты говоришь? Да не вы ли, монахи, перевозносите своим безбрачием? Не вы ли поносите всячески брак, считая его "скверной" и женщину "сосудом диавольским"? Если ты, друг, думаешь говорить о высоте брака, то я могу быть только твоим союзником.

Греха нечего таить, бывают среди монахов и ненавистники брака, брезгливо гнушающиеся им. Я к таким не принадлежу и не могу принадлежать. Я знаю, что, по слову апостола, брак может быть чист и ложе непорочно (Евр. 13, 4). Я знаю, что запрещающих вступать в брак апостол называет ажесловесниками, сожженными в совести своей (1 Тим. 4, 2-3). Я знаю, что великий ревнитель монашества, свящитель Афанасий Александрийский, пишет Аммуну-монаху: «Блажен, кто в юности, составя свободную чету, употребляет естество к депорждению. <...> Аще кто избрал мирский путь, то ест брак [замечаешь, как брак и здесь указывается единственной особенностью мирян сравнительно с монахами!], то не подлежаи порицанию»¹. Я знаю следующие канонические правила Гангрского Собора: 1-е: «Аще кто порицает брак, и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яко не могущую вниши в царствие: да будет под клятвою»²; 9-е: «Аще кто девствует или воздерживается, удаляясь от брака, яко гнушающийся им, а не ради самой доброты и свящныи девства: да будет под клятвою»³; 10-е: «Аще кто из девствующих ради Господа будет перевозноситься над бракосочетавшимися: да будет под клятвою»⁴. А ведь как слова свящителя Афанасия Великого, пак и эти правила опцы VI Вселенского Собора «согласием своим запечатлели» (правило 2). Опцы же VII Вселенского Собора писали: «Божественныи правила со улаждением приемлем, и всецелое непоколеблемое содержим постановление сих правил... И кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем: а кого извержению, тех и мы извергаем, и кого оплучению, тех и мы оплучаем»⁵. А кому и этого мало, открывай «Месяца Ианнуария в 19-й день житие прп. Макария Египетского» и читай: «Молящуся иногда преподобному к Богу, бысть глас к нему глаголяй:

- Макарие! Не пришел еси в меру двоих жен, яже в ближнем граде живуп вкупе.

Слышав же то старец, взя жезл свой и поиде в реченный град, и обрел дом их, толкну в двери и абие едина от них изыде, и с великою радостью прият его. Призвав же старец обеих, глагола к ним сице:

- Вас ради поликий труд подъях, грядый от дальния пустыни, да разумю дела ваша, яже ми не птаяще скажите.

¹ Книга правил. С. 298.

² Там же. С. 148; ³ там же. С. 149; ⁴ там же; ⁵ там же. С. 120.

И отвещаша жены старцу:

- Веру ими нам, святыи опче, яко ни мимошедшия нощи оп ложа мужей наших бехом свободни, каковых убо дел оп нас ищещи?

Старец же налегаше, моля их, да явяп ему чин жипия своего.

Онбя же убеждени суще реша:

- Мы ни коегождо сродства между собой имамы; случися же двум брапням сопрящися нам, и с ними пяпбнадесяп леп в едином дому купно пребывающе, ниже единого словесе злаго или скверного едина к друзей рекохом, ниже сварихомся когда, но в мире даже до ныне живем и совещахомся единомысленно, оставивше плотския супружники, пойти в лик свяпых дев, Богу работающих, но не можахом умолипи мужей наших, да оппустяп нас, сиче и зело многими слезами и молениями их молихом. Не получивше убо желаемого, положихом завет между Богом и нами, да никоеже слово мирское речем опнюдь даже до смерти нашея.

Сия слышав, свяпый Макарий рече:

- Воистину ни девы, ни женимыя, ни инока, ниже мирянина, но произволения Бог ищеп, приемля е, яко самое дело, и по произволению коегождо подаеп Свяпатаго Духа, дейспвующаго и управляющаго жипие всякаго хотящаго спасися».

И не попому полько, друг мой, почитаю я брак, что это заповедано мне правилами свяпых Соборов и свяпых опцов, а попому, что я чувствую в сердце своем к нему почитание. Правила же разныя я привел к тому, чтобы ясно было тебе, что Церковь неповинна в тех похулениях брака, копорые допускают опдельные монахи - да и одни ли монахи? Вспомни Льва Толстого с его «Крейцеровой сонатой»! А про себя я скажу тебе, друг мой, опкровенно, что я даже В. В. Розанова понимаю и, когда он опчипываеп хулипелей брака («В мире неясного и нерешенного»), я гопов иногда воскликнуть: «Так их и стоип!» Прошу тебя, друг, никогда не причислять меня к гнушающимся браком и в браке живущим. Форму оп сущности я опличать умею и хорошо знаю, что безбрачие само по себе не еспть яспость и чистота. По милости Божией я монах, но - о, если бы мне хоть немного уподобиться в чистоте душевной тебе, мой семейный, мирской друг! Припятие монашества не ставип человека сразу в нравспвенном значении выше всех мирян. «Последний монах лучше самого хорошего мирянина!» - приходилось мне это оп монахов слышать, но я такое изречение считаю неправильным. Принимая монашество, мы лишь спановимся на путь. По пути идти вперед, идти с прудом и тяжелой борббой, идти к высокой цели, а цель эта у нас с мирянами одна.

Видишь, друг, как рассуждаю я о браке. Но можешь ли ты так же почипительно и благоговейно рассуждать о монашестве? Припаться сказать, монахи говоряп иногда много несправедливостей о браке, но миряне о монашестве говоряп несравненно больше, говоряп с каким-то раздражением. «Ваш путь, - говоряп, - пропивоеспственный!» Оставьте, ради Бога! Христианская жизнь, если хопите, вся пропивоеспственна. Христос пришел обновить расплевшее грехом еспство наше. Задача всякаго христианина - отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, ... обновиться духом ума... и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности

и святости истинны (Еф. 4, 22-24). Следует до крови сражаться, подвизаясь ПРОТИВ ГРЕХА (Евр. 12,4). Греховное естество заявляет себя всюду, во всех областях жизни. Брак исключения не составляет. Вступитъ в брак - вовсе не значить отдаться в полную волю страсти и идти, куда она поведет, - все-де чисто и даже, как хочется Розанову, свято. Нет, обновление естества совершается постепенно. Что такое аскетизм? Ведь он - борьба против наличного состояния природы человеческой. В этом пункте, друг мой, у мирян очень мало продумано. Вся христианская жизнь противоестественно, потому что цель ее - создание «новой пвари». Мы... ОЖИДАЕМ НОВОГО НЕБА И НОВОЙ ЗЕМЛИ (2 Пет. 3, 13). А когда дождемся, то увидим, что там ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах (Мф. 22, 30). Только поставьте в браке во всей чистоте Христов идеал, сейчас увидите, что уж не так-то велики ваши практические преимущества перед монахами. Читай, друг, в Евангелии: Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене [если так высок идеал брака], то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано (Мф. 19, 10-11). Слова Христовы можно относить и к браку. Христос как бы так говорит: «Да, идеал брака высок, обязанности мужа к жене тяжлы; не всем этот идеал под силу; не все вмещают слово (учение) Мое о браке, но кому дано; с помощью Божией все же этот идеал достигается». «Лучше не жениться!» - это как бы невольное восклицание учеников, перед которыми начертаны были обязанности мужа к жене. Пред великостью задачи - преобразить греховное естество - равно прещет слабый человек, вступает ли он в брак, сопрягается ли он в монахи.

Я исповедовал, друг мой, что монашество само по себе не составляет человека сразу на какую-то высоту. А вот вы, миряне, когда разоидетесь в поношении монашества, то нередко готовы утверждать, что человек семейный непременно сердечнее, любвеобильнее монаха. Бранить монахов и изображать их какими-то чудовищами в человеческом виде - столь обычное и излюбленное занятие мирян. С монахами я знаю давно; смело и твердо заявляю, что такой любвеобильности, сострадания, сердечности, какие наблюдал я у монахов, - у мирян я не встречал. У мирян все берет семья. В семье любви и тепла много. Но... помнишь у Гоголя: «любит и зверь свое дитя». Слово «свое» здесь многое объясняет. Нет, полюби чужого, полюби всех - вот где сказывается христианское сердце. Миряне монахов часто видали издалека, да на карпинках, а судят о монахах так развязно, будто всех они знают наперечет. Сочни, друг, сколько монахов ты знаешь лично! Может быть, если ты хорошо запомнишь полученную цифру, ты не станешь смело говорить: «Вообще все монахи куда не годны».

Но оставим, друг мой, это препирательство. Лучше подведем итог рассуждениям своим. Итог этот такой: монашество никакого нового христианства не создает. Христов идеал для всех совершенно один. Равно все христиане могут восходить на все ступени нравственного совершенства. Думать, что миряне могут достигать лишь средних ступеней, а высшие доступны только монахам, - я считаю нелепым. Все обеты монашеские это те же самые общехристианские обеты, потому что спасаться должны все, а для спасения необходимо отречение от мира страстей

и нужна аскетическая борьба со грехом. Монахи от мирян отличаются только обетом безбрачия. Но и этот обет не вносит чего-либо нового в моральном смысле, потому что безбрачие - лишь один из путей жизни наряду с путем брачным. Оба эти пути сами по себе не делают человека святым или грешным. Унижать в нравственном смысле один путь перед другим - крайне не умно. Каждый избирает тот путь, который он считает для себя более удобным.

Написал я это все и жду от тебя, друг, недоуменного возражения: «Да что же у тебя от монашества-то осталось? Монашество то же, что и мирское состояние? К чему же тогда и монашество? К чему же ваши пострижения?» Да, не от одного тебя жду я таких недоумений. Но я опять совсемую самым серьезным образом задуматься над вопросом: всех ли людей призвал Христос к бесконечному совершенствованию или одних монахов? Что-нибудь одно: или христианский идеал совершенно один для всех, или монашество создало нечто лучшее и высшее, сравнительно с Самим Господом Иисусом Христом. Ведь в Евангелии про монахов не сказано ни слова, а БУДЬТЕ СОВЕРШЕННЫ, КАК СОВЕРШЕН ОТЕЦ ВАШ НЕБЕСНЫЙ - сказано полпам народным, где были мирские люди из городов и селений, а не монахи из несуществовавших тогда монастырей.

Но недоумение все же пребудет ответа и разъяснения. В самом деле, может быть, при моих рассуждениях (а иные я считаю невозможными) монашество потеряло свой смысл? Нет, истинный смысл и истинное значение монашества вполне сохраняется. Сохраняют свое настоящее значение те обеты, которые даются при пострижении. «Но ведь обеты уже даны при крещении те же самые!» Да, именно даны, тем не менее подтверждение их весьма полезно, а значит и нужно.

Монашеские обеты, будучи по своему моральному содержанию обетами общехристианскими, имеют значение, так сказать, субъективное. Они представляют сознательное повторение данных при крещении обетов. Монашеский обет при пострижении есть торжественно заявленная решимость серьезно отнестись к своему званию христианина. Звание это в существе своем остается то же, которое было раньше, но отношение к нему меняется. В жизни своей, друг мой, всякий человек нередко дает себе зарок, обещается перед Господом Богом отступить от какого-нибудь порока. Дает частный обет. Что же? Неужели такие обеты остаются бесследны для нашей нравственной жизни? Но ведь на этой психологии человека, дающего обеты, возникли разные общества трезвости. Ведь пьянство - порок не для одних членов общества трезвости, и всякий человек равно имеет нужду бороться с этой страстью. Но силы слабы у человека. Личной решимости не хватает. А дал зарок, дал обет - явился и силы, достало решимости победить себя. Перенеси, друг, то же самое и на обеты монашеские. Живя в миру, человек про обязанности свои христианские часто забывает. Лукавый подскажет ему еще оправдание: «Ты-де не монах!» Слабая воля с радостью соглашается с этим лживым в корне самооправданием. В нравственной жизни, откровенно говоря, мы горькие пьяницы. Грех тянет нас к себе, делает нас своими рабами. Беда в том, что это рабство многие сочли законным; освобождения не желают. Грех связывает людей многими узами железными. Сначала слабость воли

говорит: «Цепь порвать я не могу». А потом привычка ко греху добавляет: «Не могу и не хочу!» А там узник уже целует свои кандалы. Поработиппель стал другом. Один преподобный авва говорит, что люди подают руку греху, но есть встречаются с ним как с приятным знакомым.

Но если человек чувствует тяжесть греха, он делает усилие воли, связывает эту волю обетом. Вот истинная психология монашеского обета: смиренное сознание высоты общехристианского обета и недостатка своих сил для его осуществления. Повергается монах ниц на полу храма, припадает ко святому жертвеннику, тогда как хор поет: «Объятия Отца отверсти ми пощися: блудно мое иждих житие: на богатство нежданное взираяи щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое не презри сердце. Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою»¹. Заметь, друг, эта песнь покаянная поется и при богослужении нашем, это ведь «седален» в Неделю о блудном сыне. По окончании же пения пропаря, настоятель велегласно глаголет лежащему: «Бог милосердый, яко Отец чадолюбивый, зря пвое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блуднаго сына приемлет тя кающагося и к Нему от сердца припадающаго».

Слышишь, друг, спомы покаяния, смиренного сознания греховности, при которой оспается надеяться лишь на нежданное богатство милости Божией! А миряне часто изображают наспроение монаха в проповоложном поне. «Я-де насполько хорош, что мало мне общехристианского идеала, давайте высший. Вы-де, миряне, предо мной - существа низшие. Я дал обеты, каких вы не давали. Я выше, мол, вас по самому званию монашескому». Если бы у монаха явилось такое наспроение, то это было бы очень печально. А ведь если разделять единый идеал Христов, то согласись, что для такой горделивой наспроенности почва будет весьма удобная. Я хочу сказать, что отрицание единства идеала Христова крайне вредно для монаха; оно дает повод к греховному превозношению пред мирянами. Нет, мы исповедуем, что идеал для христиан совершенно один, что нового христианства мы своими обетами не создаем, но лишь укрепляем нашу слабую волю торжественным повпорением обетов крещения. Я думаю, что монахи много в своей жизни знают примеров того, как одно только воспоминание посприжения удерживало их в том или другом определенном случае от греховных падений. Ты, друг, знаешь, какой я плохой человек, как много работаю на хребте моем, говоря словами покаянного канона Андрея Критского, все начальницы спраспей, но знаю я в своей внутрпней жизни, что не напрасно было мое посприжение. Иной раз от греха удержишься, а другой раз, согрешив, больше поскорбишь, больше укоряешь себя. Так, друг мой, обетами, данными при посприжении, мы целим свои греховные язвы; обеты нам помогают. Иной и без повпорения обетов, без посприжения лучше нас. Ведь здоровый и без лекарств бывает крепче больного. А больному лекарство нужно. Обеты - лекарство.

Слышал я от многих мирян такие рассуждения: «Какой из NN выйдет монах. Он такой-то и такой-то был! Монах должен и до монашества быть человеком особенным». Рассуждения эти я считаю недоразумением. В основе их лежит опять это противное принижение идеала Христова

¹ Требник монашеский. М., 2006.

для мирян и возвышение его (невозможное) для монахов Не здоровым нужен врач, но больным. Можно ли рассуждать так: «Какой из NN выйдет член общества презвостпи! Ведь он был форменный пьяница!» Жития святых могут представить множество примеров того, как великие грешники, принимая монашество, становились великими подвижниками и сейчас украшают сиянием своих добродетелей небо церковное.

Спросишь, друг, еще: «Так значит, монахи не дают обетов, а только повторяют данные при крещении?» Отвечаю на это. Если бы это было даже и так, в этой мысли спрванного ничего нет. Да, повторение обетов в монашеской практике имеется. Есть «последование великого ангельского образа» или пострижение в схиму. Настоятель спрашивает: «Желаешь ли... иноческие обеты усугублением пред Господом обновить?» - и дальше следуют те же обеты, что и в последовании «малого образа», с добавлением слова: «вторичею». Что же? Схимничество - еще новый, уже третий идеал Христов? Но обеты-то те же, которые даны уже. Ясно, мне думается, что обеты рассматриваются именно как решимость воли исполнить то, что и без обетов должно было считаться для себя обязательным. Так, если бы обеты монашеские были лишь повторением уже данных при крещении, то и в таком случае они имели бы полное право на существование.

Но обеты монашеские, друг мой, повторяют обеты общехристианские только по их моральной сущности, но со стороны формальной в обетах монашеских есть и нечто новое. Монах не только обещает просто серьезно относиться к своему христианскому званию, но и связывает себя уже особенной, сравнительно с общецерковной, дисциплиной. При пострижении монах принимает и с любовью лобызает все иноческого жития уставы и правила, от святых отцов составленные. «Иноческого жития уставы» и исторически, и практически - весьма разнообразны. Монашество имело множество видов. В каждом древнем монастыре был свой устав. Теперь уставы монастырские тоже весьма разнообразны. Спасались монахи в опшелничестве, без монастырей, руководясь каждый тем или другим уставом. Один устав нельзя делать обязательным для всех монахов. Многообразия жизни никогда не удастся унифицировать и установить один общий тип. Меняются условия жизни. Церковная жизнь рождает новые потребности. Сравни нашу лавру с лаврой Египетской, с Фиваидой, с Тавенисиопским общежитием. Много ли здесь найдется общего в бытовых формах? Миряне часто высказывают предпочтение какому-либо одному виду монашества. Только я в таком случае редко кому верю, потому что восхваление одного вида связано бывает с осуждением другого, следовательно, и восхваление было лицемерным. В самом деле, друг мой, когда обличают нас, так называемых ученых монахов, говорят: «Вы - монахи, ну и сидите в монастырях! Нечего вам и лезть в общественную жизнь». А когда нужно бранить монастырских монахов, рассуждают уже наоборот: «Вот пунядцы эти монахи! Заперлись в монастырских стенах и думают, что дело делают! Заставить бы их на пользу общую поработать!» Столько я наслушался и начинался подобных проповоречивых рассуждений, что решил раз навсегда не обращать на них никакого внимания как на лукавое лицемерие. А по-моему, жизнь человеческая разнообразна, и спасаться призваны люди разных темпераментов, и разных

способностей, и разных склонностей. И все они могут давать обеты. Споря об идеалах монашества - созерцательном и практическом. Лишний спор! Спасайся только, - будь ты хоть созерцателем, хоть практическим деятелем, - только спасайся, борись с грехом! Почитаешь жития подвижников - невольно изумляешься разнообразию их подвигов. История монашества в каждой стране, в каждом народе, в каждом веке дает особенные черты монашеской жизни. Но всегда и всюду была особая монашеская дисциплина жизни. Монах дает обеты быть серьезным христианином, но избирает для этого наиболее удобный образ жизни. Безбрачный образ жизни не напрасно апостол Павел считает для угождения Господу более удобным, нежели образ жизни семейный. Что? Ты хочешь спорить? Спорь с апостолом Павлом, а не со мной. Я уже говорил тебе, друг, что апостол лишь с практической стороны ставит безбрачие выше брака. Добавлю здесь еще слова святого Златоуста: «Как на войне и в сражении мы называем более легкой не ту часть борьбы, где мертвые падают часто и один за другим, но ту, где падают редко и немногие: так надобно судить и об этом предмете. <...> Что же, скажут, неужели все женские погибли? Не это говорю я, но то, что им, если захотят спасться, предстоит больше трудов, по неизбежной необходимости, потому что несвязанному легче бежать, нежели связанному. Но получил ли он и большую награду, и блистательнейшие венцы? Нет; потому что он сам налагает на себя эту необходимость, между тем как можно бы и не налагать»¹.

При общем безбрачии «иноческого жития уставы» создают особый монастырский быт. Сравнительно с бытом мирским быт монастырский есть несравненно удобнее форма жизни для духовного совершенствования, для спасения души. Кто больше всего кричит о недостатках монастырей, тот обычно с монастырями меньше всего знаком. Ведь наши интеллигенты весьма склонны все монастыри представлять в том живом образе, какой создал своим воображением Максим Горький в «Исповеди». А взять бы жизнь монастыря с ее бытовой стороной так, как она есть. Как, например, проходят жизнь в монастыре более или менее строгого? Встают оп сна в половине претвбого, а в три часа уже во храме. Читают утренние молитвы, полунощницу и слушают утреню. Утреннее богослужение продолжается часа три. В восьмом часу снова в храм на литургию, которая окончится часов в десять. После литургии займутся трудом - «послушанием». До окончания литургии пищи не принимают. В полдень трапеза, за которой читается житие дневного святого. Трапеза проходит чинно, в молчании. Перед трапезой и после поются молитвы. Каждое блюдо подается с молитвой же. По окончании трапезы отдых часа на полтора. Ведь вспали-то уже давно! А после отдыха кто прудится, кто читает что-нибудь духовное, назидательное. В 5 часов вечерняя служба, которая заканчивается часам к 8 уже в трапезной, где читаются и вечерние молитвы со многими земными поклонами. А в девять уж спать пора, потому что завтра опять в половине претвбого разбудят. Да перед сном еще правило свое исполняют, со многими опять земными поклонами. Так изо дня в день. В посты трапеза совсем скудная, а служба церковная в сутки

¹ Иоанн Златоуст, свт. К верующему отцу III // Творения. Т. 1. С. 110—111.

иногда занимает 11-12 часов. Порядок дня не выдуман мной, а списан с nature. В большинстве монастырей так именно проходит день. Сравни, друг мой, эту монастырскую «программу дня» с «программой дня» людей, тебя окружающих, и скажи, какой быт более приурочен ко спасению души. Не следует ли согласиться пока со святым Златоустом, который говорит: «Здесь скорее могут быть кораблекрушения, оттого, что и волнений больше, и те, кому предстоит бороться, безопаснее; а там и волн таких нет, и великая тишина, и усердия больше в тех, которые должны бороться»¹.

Монастырский быт и достигает цели своего существования. Спасение — для всех людей одно, и идеал Христов один, но кто живет в монастыре, тот по прекрасной дороге идет к вечным обителям, а не по попкою болоту, как миряне. Как тут, в самом деле, не сломить греховой природы? Семь-восемь часов в сутки проведши в храме, столько же попрудиться или почитать что-либо назидательное. Когда же грешить-то? Так монастырский быт устроен, чтобы у монаха праздности не было. Все храм, все душе-спасительное, все с молитвой — так и создается церковная настроенность мысли и чувства. Общая жизнь и общие стремления сближают людей, создается благоприятная атмосфера общего братолюбия, создается она весьма легко, потому что в монастыри идут преимущественно наиболее религиозно настроенные души, может быть и грешные, но во грехе не закосневшие. Часто монастырь где-нибудь среди леса, вдали от людей. Живут как на острове. Прочитай у святого Иоанна Златоуста: «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любознанием монашеской жизни»². Сказанное там о монашеской жизни приложимо к ней и в настоящее время. Поверь, друг, моей искренности; говорю то, что сам многократно испытал, о чем много думал. Я всегда поражался, когда видел, какое благотворное влияние на человека имеет монастырский быт. Я сравнивал знакомые мне монастыри со знакомыми же мне деревнями. Из тех же деревень, те же мужики собираются в монастырь, и что там с ними происходит! Какая перемена! Какое перерождение! Невольно вспоминаешь апостольское слово о «новой твари». Ни слова гнилого, ласковости, привлекости, разговоры о духовном, братолюбие, смиренномудрие, а главное — церковность, знание церковности, даже просвещенность. Что? У тебя улыбка ироническая? Так слушай же, что скажу со всей решительностью и откровенностью. Мне, профессору Академии, магистру богословия, много раз приходилось краснеть за свое невежество перед не получившими никакого школьного образования иноками-проспещами. Говорю это со скорбью о себе. Все собираюсь сколько-нибудь просветиться в церковном смысле, да за множеством дел и обязанностей так все это нужное дело и оплагаю. Много знаешь, нужное и ненужное, а монахи-проспещи больше знают нужного и полезного. А какое бодрствование над собой, над делами и мышлениями, частая исповедь и причащение и т.д., и т.д. Подумаю иногда, что было бы, если бы эти благочестивые ребята деревенские остались у себя в деревне? Что из них вышло бы? Запнула бы их жизнь, и были бы они и невежественны и духовно беспечны. А уж об интеллигентах мне, право, и

¹ Иоанн Златоуст, свт. Указ. соч. // Творения. Т. 1. С. 111.

² Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 1. С. 124—130.

говорить не хочется. Бранить монахов интеллигентны - большие охотники, но перед монахами «невежественными» они, во-первых, действительно непроходимо в церковном отношении невежественны, а во-вторых, непорочно беспечны в отношении нравственном. Мне приходилось спалкиваться с теми и другими, - так я говорю по опыту. Монастыри - это оазисы благой церковной жизни. Эту истину познают многие и из мирян. Монастыри бранят те, кто в них никогда не бывает. Если бы монастыри были какими-то вертепами, какими их нередко изображают, то зачем же туда спрематься миряне? Я сам до монашества, когда был студентом, на себе испытал благотворное действие монастырей. Бывало, вернешься из монастыря в Академию - будто с неба на землю свалился. Видал я многих мирян, которые без восторга о монастырях говорить не могут и хоть неделю в году спараются подышать чистым монастырским воздухом.

Еще один штрих. «Радость жизни монахи погубили», - говорят. Крайняя неправда! У монахов радость-то и есть, тихая, чистая, именно веселые души добродетельной. Ведь пот угар, то опьянение жизнью, которое принято называть «радостью жизни», - все это нечто мрачное, влекущее за собой пресыщение и болезнь похмелья. Вот отбившиеся от Церкви интеллигентны, действительно, радость жизни потеряли. Скажи, друг, много ли ты видел мирян, плачущих от радости? Ну, а мы, монахи, от радости, от умиления плачем и благодарим Господа за Его милость. Слезы умиления знает каждый монах, и перед этими слезами бледными и жалкими кажутся ему мирские радости.

Наконец, посмотри, друг, в святцы и там найдешь достопочное свидетельство того, что монастырский быт легче приводит к Царству Небесному. Какой сонм преподобных, во иночестве подвизавшихся, прославляется Церковью? Если верить в Церковь, то к этому свидетельству следует отнести со всей серьезностью.

Так вот еще, друг, смысл обетов монашеских уже с практической их стороны. Они создают удобный для спасения уклад жизни, а всякий уклад жизни для человека всегда значит многое. Ведь и нелепый уклад так называемой «светской» жизни немало обязанностей и приличий налагает, и тем самым, естественно, создает наспроения лицемерия и пустоты. «Светский разговор» - разве это уже не стало синонимом «пустого разговора» или разговора лицемерного? «Светская любезность» - не синоним ли это лжи?

Но на чин монашеских обетов я хочу, друг, посмотреть и еще с одной стороны. Ведь чин пострижения - церковная служба и церковная молитва, которая совершается, конечно, не напрасно. Постригаемому испрашивается благой Божия помощь. Какие здесь замечательные молитвы! «Всецелый убо Бог и многомилостивый, Пречистый упробы Своєю неизследимыя благости отверзаяй всякому входящему к Нему с желанием и любовью теплою, рекый: аще бы и жена забыла изчадие свое, аз же не забуду тебе: и твое ведый желание и к предложению твоему прилагая сущую от Него силу ко исполнению Своих заповедий, да воспримет, и обнимет, и защитит и да будет ти стена тверда от лица вражия, камень терпения, упешения вина, крепости податель, благодушия снискание, мужеству сподвижник, возлегая и востая с тобою, улаждая и веселя сердце твое

упешением Святаго Своего Духа»... «Огради его силою Святаго Твоего Духа, во еже не мощи действоваши над ним всякой сопропивней козни, перпение ему даруя ко благоугождению Твоему», «Опими оп него всякую плотскую похоть, и безсловесная приимания, яко да опложением нечувствственных власов соопложип и безсловесныя мьсли же и деяния, и сподобится прияти иго Твое благое и легкое Твое бремя, и взяши крест, и последовати Тебе Владыце». О поспригаемом вспавляются особые прошения в екпени: «О брате нашем (имярек) и яже оп Бога покрове и помощи ему, Господу помолимся». «О еже без порока неосужденно и непрепкновенно исправиши ему намерение монашеского образа, Господу помолимся». «О еже пребыши ему во всяком благочестии и благоговении и чистоте, Господу помолимся». «О еже опложипи ему вепхаго человека, и облещися в нового по Бозе созданного, Господу помолимся». (NB просят пого, что нужно, по апостолу, всякому християнину.) «О оставлении и прощении грехов его, Господу помолимся». Не напрасны эти молитвы Церкви! Господь подают благодать Свою, которая монаху делает путь спасения более успешным, нежели это было бы без посприжения.

Скажу тебе, друг мой, и еще об одном преимуществе жизни монашеской. Все время я доказываю тебе, что идеал Христов един и для мирян, и для монахов, и что обеты монашеские морально нового в себе ничего не заключают. Не знаю, убедил ли я тебя. Знаю, что мирян в эпоху несомненной истине убедить очень и очень трудно; им выгоднее держаться проповиположного истине заблуждения, - тогда себя можно извинить и свалить всю вину на монахов; кстапи, и душу опвести, ругая монахов. Но Господь и это заблуждение мирян обращает в пользу монахов. Каким образом? А вот каким. Будучи снисходительны к себе, к монахам миряне крайне спроги. Принципиально, это, конечно, нелепо, но на деле монахам полезно. Со всех сторон вокруг монаха спрогие судьи и беспощадные прокуроры. Вечно миряне «соблазняются» поведением монахов, хотя миряне в тысячу раз более соблазнительно ведут себя. Но это несправедливое и пристрастное отношение мирян к монахам на нас-по, монахов, налагает своего рода узду. Надет монашеские ризы и сразу спал всех соблазнять. Хоть соблазняются по недомыслию своему, а все же такое отношение мирян монаха связывает. Давать повод для соблазна ведь всегда неприятно. В присутствии мирян монах связан по рукам и по ногам. Монах засмеялся - уже соблазнились. Монах пошел по улице, поехал по железной дороге, сел в прамвай - и на него смотрят, как на чудовище какое. Случалось мне ездить в прамвае в Париже с капполическими монахами, - те демонстрапивно достают молитвенник и читают, не обращая никакого внимания на окружающих. Мы демонстрапиями не занимаемся, а полько чувствуем себя связанными и смущаемся. Здесь тебя обругали, путь тебя осудили, пам побой «соблазнились» - ну и замыкаешься в свою келью, а это, конечно, полезно монаху. Мир и во внешнем смысле выпалкивает из себя монаха, а такое внешнее удаление от мира тоже иногда может помочь монаху в спасительной борьбе с миром внутренним, то есть со спрастями. Так, друг мой, самое заблуждение мирян касательно идеала Христова, будто бы это идеал для мирян один, а для монахов другой, это заблуждение вредно для мирян и полезно для монахов. Миряне, сбиваясь сами с пути спасения, загоняют монахов на этот путь как бы насильно.

Письмо мое, дорогой друг, замянулось. Может быть, я уже упомянул тебя. Еще немного, и я кончу. Мне хочется сказать, с каким чувством следуют всем сопротивляться на факт посприжения, если по-настоящему понимаешь смысл и сущность монашества. Один из членов общей нам Церкви, один из членов единого тела Христова дает обещание серьезнее относиться к делу своего спасения, нежели он относился раньше, он выбирает и наиболее удобный для спасения образ жизни. Ведь это же поржество всей Церкви! Если поспригаемый был плох, то он будет лучше; если хорош - еще лучше будет! Во всяком случае здесь победа добра, ибо поржеством свидетельствуется и обещанием подкрепляется благое намерение. Любовь христианская должна сорадоваться истине (см. 1 Кор. 13, 6). Славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 26). Особенно, конечно, должны радоваться близкие люди - друзья, родные. А что мы видим? Как часто родители, особенно матери, противопоставляются монашеству своих детей?! Слезы проливают, не слезы радости, а слезы огорчения. А другие сочувствуют «горю». «Легко ли ей сына поперять!» Позвольте! Не сказано ли в Писании, когда человек оставляет отца и мать? Не погда ли, когда прилепится к жене (Быт. 2, 24; Еф. 5, 31)? Не погда ли, когда мать обращается в «пещу»? Ведь монаху говорится только: «Да не возлюбиши ниже отца, ниже матери, ниже брашна, ниже коего от своих, ниже сам себе возлюбиши паче Бога». Так разве кому-нибудь из христиан нельзя сказать того же самого? А вот про женящихся прямо закон говорит, что отец и мать они оставляют. Да и без закона мы это знаем, потому что видим поспоянно. А все виновато это разделение христианского идеала на мирской и монашеский. Для мирян аскетическая борьба со страстями считается необязательной и так называемые «радости жизни» (понятие очень растяжимое!) почитаются чем-то подлинно ценным. Отказаться от «радостей жизни» - это, видите ли, равносильно смерти! Но «радости жизни» для всех христиан очень опасны. Что пишет апостол Павел? **ВЫ ПОЧИТАЙТЕ СЕБЯ МЕРТВЫМИ ДЛЯ ГРЕХА, ЖИВЫМИ ЖЕ ДЛЯ БОГА ВО ХРИСТЕ ИИСУСЕ, ГОСПОДЕ НАШЕМ.** ИТАК, ДА НЕ ЦАРСТВУЕТ ГРЕХ В СМЕРТНОМ ВАШЕМ ТЕЛЕ, ЧТОБЫ ВАМ ПОВИНОВАТЬСЯ ЕМУ В ПОХОТЯХ ЕГО; И НЕ ПРЕДАВАЙТЕ ЧЛЕНОВ ВАШИХ ГРЕХУ В ОРУДИЯ НЕПРАВДЫ, НО ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЯ БОГУ, КАК ОЖИВШИХ ИЗ МЕРТВЫХ, И ЧЛЕНЫ ВАШИ БОГУ В ОРУДИЯ ПРАВЕДНОСТИ (Рим. 6, 11-13). Надеюсь, согласишься, что здесь не о монахах говорится. А ведь с точки зрения апостола едва ли отказ от «радостей жизни» можно считать духовной смертью. И не должны ли, по апостолу, все христиане быть мертвецами для мира?

Так принципиальное недомыслие радости обращает в печаль. Сказывается иногда и нечто худшее принципиального недомыслия. Приходилось слышать такие речи: «Как жаль! Такой молодой и уходит от мира, от радости жизни отказывается! Как не стыдно его соблазнять к монашеству и поспригать!» Ведь в этих словах уже целое наспроение. Собственно, дескать, если и есть что ценное, так это - радости жизни, пусть и греховные, пусть и дурманящие. Сначала досыта нагрести (только досыта никогда не нагрестишь!), а потом, как спанешь ни к чему не пригоден, погда и спасайся, ступай хопь даже в монахи. А если бы считали идеал Христов общеобязательным и не смотрели бы на земную жизнь как на единственно ценную, то рассуждали бы иначе, примерно так - «Ах, как хорошо, как приятно! Такой молодой, и решается, и обещается серьезно заняться делом своего спасения? Дай ему, Боже, успеха! Побольше бы было таких среди нашей молодежи - лучше было бы, более радостно можно было бы смотреть на будущее!»

Знаешь ли ты, мой любезный друг, как мирское отношение к монашескому пострижению противоречит действительному положению вещей? «Ах, это такой тяжелой обряд, что лучше его не смотреть: можно нервы испортить!» Неправда, неправда и еще раз неправда! Я сам принял пострижение и думаю, что не придется еще в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда. Я был полон радости целых два месяца. Так все ликовало в душе, так радостно было, что порой я даже смущался от мысли, уж не престав ли это какая-то лукавство. Только то, что произошло в моей судьбе 30 мая и о чем я узнал 31-го, опогнало от меня мою радость надолго, но и это печальное обстоятельство не изгнало радости из сердца моего совсем. По опыту могу сказать, что не напрасно при постриге монашеском постригающий, взяв рясу, глаголет: «Брат наш (имярек) облачился во одежду веселия и радости духовной, во опложение и попрание всех печалей и смущений от бесов, от плоти и от мира находящихся: во всегдашнее же его о Христе веселие и радование, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Я знаю примеры, когда люди сумрачные после пострижения становились веселыми. Даже об египетских древних монахах есть рассказ, что в некоторых монастырях все ходило радостное и не было никогда никого печального. Так это и должно быть. Чем дальше от спрестей, тем больше радости в сердце. Чистота сердца неразрывно связана с веселием. Блаженство в истине христианской не есть внешняя награда, но внутреннее следствие самой добродетели. Скорби у монахов бывают, но самое его решение усугубить бодрствование над собой всегда сопровождается радостью духовной. И как жалки кажутся миряне, когда говорят они о «тяжелом впечатлении» от пострига монашеского, когда самый постриг называют «живым погребением»!

Нас обвиняют иногда за то, что мы спремимся к пропаганде монашества. А хотя бы и так, - что же в том дурного-то? Ведь не на грех соблазняем, а к «воистину добродетели и блаженному делу» приглашаем. Мы знаем по опыту, что монашество приносит душевный мир и радость. Любовь не ЗАВИДУЕТ (1 Кор. 13, 4). Вот почему для нас, для монахов, всякое пострижение нового инока есть радость и торжество. Царство НЕБЕСНОЕ СИЛОЮ БЕРЕТСЯ, и употребляющие усилие восхищаются им (Мф. 11, 12; ср. Лк. 16, 16). В каждом постриге мы видим именно это усилие того, кто хочет восхититься Царством Небесное.

Вот, друг мой, о чем я хотел давно тебе написать. Я не надеюсь победить и уничтожить этим письмом твое предубеждение против монахов и монашества, но хотел бы, чтобы ты хоть несколько задумался над поставленным мной во главу рассуждений вопросом о единстве идеала Христова. Мне думается, если ты отправишься в размышлениях от истины единства Христова идеала, то с логической необходимостью придешь к моим дальнейшим выводам касательно монашества. Предупреждаю тебя, что следует думать об идеях, а не о фактах. На почве фактов мы будем спорить без конца и никогда не придет к единому мнению. Плохо еще, если ты будешь читать это письмо с желанием наперед с ним не согласиться и с поисками, к чему бы придраться и на что бы возразить. Я писал искренне, не скрывая своих мыслей и пред другими. Взаимной любви и дружеского единомыслия по важнейшим жизненным вопросам - вот чего всей душой желаю твоей искренней друг.

1915 г.

ВЕЩИЙ ИНОК

В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет Гваренги блеснул своими изящными линиями. Вокруг царили пишина и торжественность.

Приспальный взор Императора Павла Пепровича встрепился с кропкими глазами споявшего пред ним монаха Авеля. В них как в зеркале отражались любовь, мир и отрада.

Императору сразу полюбился этот, весь овеванный смирением, постом и молитвою, загадочный иннок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келии в Александрo-Невской Лавре шел и простолюдин, и знапный вельможа, и никто не уходил от него без упешения и пророческого совета. Ведомо было Императору Павлу Пепровичу и то, как Авель почно предрек день кончины его августейшей родипельницы, ныне в Бозе почивающей Государыни Императрицы Екаперины Алексеевны. И вчерашнего дня, когда речь зашла о вешем Авеле, Его Величество повелеть соизволил завтра же нарочито доставить его в Гапчинский дворец, в коем имел пребывание двор.

Ласково улыбнувшись, Император Павел Пепрович милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях был.

- Чеспной отец! - промолвил Император. - О тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

- Эх, Батюшка-Царь! - покачал головой Авель. - Почто себе печаль предречь меня понуждаешь? Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, люпый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страспную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, спремась оправдать свой великий грех царевубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронпоне твоего замка, в коем воиспину

КИРИБЕЕВИЧ. Вещий иннок. Историческое сказание // «Хлеб небесный». Духовно-нравственный правосл. журнал. Харбин. 1931. №5. С. 28—30.

обетование и о Царственном Доме пвоем: «Дому пвоему подобаетъ святѣйна Господня въ долгому дней»...¹

- О сем пѣ прав, - изрек Император Павел Пепрович. - Девиз сеѣ получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя Святого Архистрапига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных воинств посвятил я и замок, и церковь...

- Зрю в нем преждевременную гробницу пвою, Благоверный Государь. И резиденцией попомков пвоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о прех лютых игах: папарском, польском и грядущем еще - жидовском.

- Что? Святая Русь под игом жидовским? Не бытъ сему во веки! - гневно нахмурился Император Павел Пепрович. - Пустое болтаешь, черноризец...

- А где папары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским по же будет. О том не печалься, Батюшка-Царь: христоубийцы понесут свое...

- Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

- Француз Москву при нем спалил, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменил он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

- А кто наследует Императору Александру?

- Сын пвой Николай...

- Как? У Александра не будет сына. Тогда Цесаревич Константин...

- Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу пвою... Начало же царствования сына пвоего Николая бунтом вольперьянским зачнется, и сие будет семя злопворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятѣя Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

- После сына моего Николая на Престоле Российском кто будет?

- Внук пвой, Александр Второй, Царем Освободителем предначенный. Твой замысел исполнил - крестѣян освободил, а попом пурок побьет и славянам поже свободу даст от ига неверного. Не проспят жиды ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного в столице верноподданной опщепенскими руками. Как и пѣ, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственной...

- Тогда-то и начнется побою реченное иго жидовское?

- Неп еще. Царю Освободителю наследует Царь Миропворец, сын его, а пвой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

¹ С учетом дореволюционной офографии количество букв равняется 47 — жизнь Императора Павла I закончилась на 47-м году. — Ред.

- Кому передаст он наследие царское?

- Николаю Второму - святому Царю, Иову Многоспрадальному подобному. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водой, как рыбы, плавать, серою зловонной друг друга испреблять начнут. Измена же будет раски и умножаться. Накануне победы рухнет пророческий. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с попором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

- А потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывает церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть поущение Божие, гнев Господень за отречение России от святого Царя. О нем свидетелствует Писание. Псалмы девянацатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу его.

Ныне познах, яко спасе Господь Христа Своего: услышит Его с Небесе Святаго Своего: в силах спасение десницы Его.

Велия слава его спасением Твоим: славу и велепие возложиши на него.

С ним есмь в скорби, изму его и прославлю его: долготою дний исполню его и явлю ему спасение Мое (Пс. 19, 7; 20, 6; 90, 15-16).

Живый в помощи Вышняго, восседет он на престоле славы. А брат его царственный - сей есть поп, о котором открыто Пророку Даниилу: И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего... (Дан. 12, 1).

Свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет крест православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...

В глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы. Император Павел Пепрович глубоко задумался. Неподвижно стоял Авель. Между монархом и иноком протянулись незримые нити молчания.

Император Павел Пепрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие царские переживания.

- Ты говоришь, что иго жидовское нависнет над моей Россией леп через спо. Прада мой, Пепр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне прорек мне о попомке моем Николае Втором, предваришь его, дабы пред ним открылась Книга судеб. Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долгоперпения своего...

Запечатлей же, преподобный отец, реченное побою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гапчинского дворца моего. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, роде моем и счастье нашей Державы.

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертавъ соизволил: «Вскрытъ Попомку Нашему в сполетпный день Моей кончины».

Одиннадцатого марта 1901 года, в сполетпную годовщину мученической кончины державного прапрадеда своего, блаженной памяти Императора Павла Петровича, после заупокойной литургии в Пепропавловском соборе у его гробницы, Государь Император Николай Александрович в сопровождении министра императорского двора генерал-адъютанта барона Фредерикса (вскоре пожалованного графским пиппулом) и других лиц свиты, изволил прибытъ в Гапчинский дворец для исполнения воли своего в Бозе почивающего предка.

Умилипельна была панихида. Пепропавловский собор полон молящихся: не только сверкало здесь шипте мундиров, присутствовали не только сановные лица. Тут мелькали во множестве и мужички сермяги, и простые плашки, а гробница Императора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы от верующих в чудесную помощь и предстательство почившего Царя за попомков своих и весь народ русский. Воочию сбилось предсказание вещего Авеля, что народ спанеп особо чшипъ память Царя-мученика и припекаетъ к гробнице его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Государь Император вскрыл ларец и несколько раз прочитал сказание Авеля Вещего о судьбе своей и России. Он уже знал свою судьбу и то, что недаром родился в день Иова Многоспрадального. Понимал, как много придется ему вынести на своих державных плечах: близ грядущие кровавые войны, смуты и великие потрясения Государства Российского. Его сердце чуяло и топ проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми...

Кирибеевич, Старый Кирибей, Шабельский-Борк — псевдонимы Петра Николаевича Попова (1893—1952), офицера русской Императорской армии, монархиста, участника первой мировой войны. Он участвовал в попытке освобождения Царской Семьи. По воспоминаниям генерала М.К. Дитерихса П. Попов самостоятельно начал проводить в Екатеринбурге расследование обстоятельств гибели Царской Семьи. В марте 1922 в эмиграции он совершил покушение на бывшего лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, которого многие считали одним из основных виновников крушения самодержавной России, за что был приговорен к 12 годам заключения.

Выйдя на свободу, он занялся литературной деятельностью. «Владея пером, широконачитанный и образованный человек, Петр Николаевич посвятил свои силы на собрание и сохранение для потомков тех черт и черточек нашего былого, в которых ярко выявились лучшие качества русского человека — от Монарха до простолюдина».

Глубоко почитая Императора Павла I, Шабельский-Борк задался целью восстановить истинный облик Царя Рыцаря, и его труд «принес плод много, открыв большому... кругу русских людей глаза на образ Державного Страсто-терпца».

ЗОЛОТЫЕ ДЕТИ

За семьдесят с лишним лет протоиерею Евгению Иноземцеву, настоятелю Михайло-Архангельского храма города Сорочинска Оренбургской области, благочинному Сорочинского округа, пришлось немало пережить. Трудное военное детство, годы духовного становления, встреча и общение с хранителями благочестия, в числе которых были известные духовные светила. Вот что писали через год после преставления батюшки «Оренбургские епархиальные ведомости»: «Евгений Александрович родился в городе Оренбурге 4 февраля 1930 года. Был в семье старшим ребенком. Жила эта семья в небольшом домике на берегу Урала. Маленький Женя помогал по хозяйству, ухаживал за домашними животными. С детства замечал он красоту природы, удивлялся гармонии и величию, царящим в ней. Задумывался: кто создал ее, каково в ней место человека, в чем смысл бытия? Церковь посещал вместе с мамой с ранних лет. Народ расходился, а он долго еще стоял в храме.

Ему предстояла жизнь, полная испытаний. Евгений всегда всей душой тянулся к Богу. Пришло время, и молодой человек поступил в Саратовскую Духовную семинарию, окончил ее, женился, а затем его рукоположили в сан священника. В 1963 году на Оренбургскую кафедру был назначен епископ Леонтий. Протоиерей Евгений с клиром и прихожанами торжественно встретил владыку в соборе. Епископ Оренбургский и Бузулукский Леонтий переместил его на настоятельское место в Михайло-Архангельский молитвенный дом города Сорочинска 16 июля 1963 года. Трудом отца Евгения этот молитвенный дом преобразился в удивительно красивый храм.

В 1993 году храм во имя Михаила Архангела был освящен. Через год в нем открылась воскресная школа, в которой сам батюшка вел Закон Божий. Много сил отдавал детям, воспитывал их духовно, согревал юные сердца светом Христовой истины. Дети отвечали ему любовью. Через три года состоялся первый выпуск питомцев этой воскресной школы.

Судьба протоиерея о. Евгения Иноземцева слилась воедино с историей нашей страны и является неотъемлемой частью прошлого и настоящего Русской Православной Церкви. Если следовать утверждению о том, что храм не в бревнах, а в ребрах, то это жизнеописание можно оценить как полезное наставление.

Предлагаем вниманию читателей две коротких повести об отце Евгении Иноземцеве и его предках из благочестивого православного рода Сарлаевых.

За время пастырского служения отец Евгений удостоен следующих наград: 7 мая 1953 года епископом Варсонофием награжден скуфьей, в 1954 году - камилавкой, в 1957 году - наперсным крестом (епископом Михаилом), в 1967-м - палицей, в 1972-м - крестом с украшениями (архиепископом Леонтием), в 1982 году - орденом РПЦ прп. Сергия Радонежского III степени, митрой в том же году. В апреле 2000 года при архиепископе Оренбургском и Бузулукском Валентине был удостоен Патриаршей награды - права служения божественной литургии при открытых Царских Вратах, пения Херувимской.

«Грамотный, смиренный, почтительный, уважительный к священнослужителям и пастве, великодушный - таким он остался в сердцах знакомых с ним людей».

Напечатанный отрывок охватывает небольшой период жизни отца Евгения, будущего священнослужителя, а тогда главного кормильца семьи, трудившегося на заводе для фронта, для победы. Добавим, что именно в годы военного лихолетья каждый русский человек получил возможность укрепиться в вере, закалить характер, приобщиться к воплощению в жизнь евангельских заповедей о любви к Богу и ближнему. Именно в годы трудной военной юности было посеяно, удобрено и возделано то зерно, которое даст потом мощные духовные всходы, поможет становлению доброго пастыря, готового положить душу за овцы своя.

Горячее солнце на минуту скрылось за тучкой и, показавшись вновь, запалило так, как только может палить в знойный августовский день солнце в оренбургских степях. Повсюду среди балок и равнины виднелись подводы. В вапных фуфайках и пуховых плапках женщины вязали снопы, то и дело смахивая пот, спруившийся по разгоряченным лицам. Когда выехали из Оренбурга, моросил дождь и дул холодный ветер, осень была не за горами. Никто уже и не надеялся, что установится хорошая погода. Вот и оделись тепло, кто знает, сколько продлится сельхозработы. У многих дома остались маленькие детки и преспарелые родители, но

Их автор — о. Евгений Зеленцов (Глевский). Родился в г. Вильнюсе (Литва). В 1980 году окончил Куйбышевский государственный педагогический институт (историко-английский факультет). С 1984 по 1990 годы работал преподавателем истории. В 1990 году принял сан священника и по настоящее время состоит в штате Покровского кафедрального собора г. Самары. Окончил МДС и МДА. С 1995 г. является преподавателем СамПДС.

В «Духовном Собеседнике» о. Евгений Зеленцов впервые публиковался в 1995 г. (очерк «Прикосновение к святыне» о путешествии на Святую Землю).

люди понимали, как на фронте нужен хлеб. Что там личные беды и несчастья, - шла война.

Показалась пролетка. Человек в форменной фуражке резко напнулся поводья и, придерживая лошадь, громко объявил: «А ну, бабы, перекур, почта прибыла!». Успавшие женщины принялись поропливо разбирать письма и посылки. Только одна из работающих, в аккуратно заштопанной фуфайке и клепчапом платке, продолжала вязать снопы, не обращая внимания на громкий зов почпалбона. Было видно, что вестей она не ждет. «Иноземцева, пты что, не слышишь? Иди, посылка тебе», - раздражился почпалбон.

«Господи! Неужели мне, неужели из дома?» - все еще не верила Ульяна Анпоновна, прижимая к себе полученный сверпочек. Дома-то кроме детей - старшего Жени, девятилетней Нади и шестилетней Ниночки - никого нет. Да и присылать им нечего, сами обходятся картошкой да зеленью с огорода. Ульяна Анпоновна не додела, берегла кусочки для детей, и вдруг эта посылка! Распаковав сверток, женщина увидела весточку в несколько строк и полкирпичика черного «солдатского» хлеба. «Мамочка, - сквозь слезы прочитала она. - За нас не волнуйся. У нас все хорошо. За козочками смотрим. Картошку выкопали и высыпали в погреб. А этот хлеб мы честно заработали, кушай на здоровье».

«Господи, где же они деньги-то взяли?» - разволновалась Ульяна Анпоновна, буханка хлеба стоит недешево. Неужели Женя, забыв страх Божий и материнский наказ, без спросу взял деньги, которые с трудом собирали на строительство дома, и отправил на хлеб? А может и того хуже, попал в дурную компанию?! Нет-нет, Господь этого не допустит». Ульяна Анпоновна вздохнула и бережно завернула хлеб в бумагу.

Снова принявшись за работу, она и не заметила наступления сумерек. Весь день только и думала о своих ребятишках, вспоминала Александра, как они встретились, как вышла за него замуж. Не все в браке складывалось, как хотелось: похоронили первенца Славика. Но Бог не оставил их в горе. В семье снова появились дети - старший Евгений, за ним - Наденька, и уже перед самой войной - младшая Нина.

Время было такое, что вспомнить страшно: один за другим закрывали храмы. В 1938 году в Оренбурге не осталось ни одной действующей церкви. Был взорван кафедральный Казанский собор, закрыта Покровская церковь, где Иноземцевы венчались. Потом перестала действовать и Димитриевская, где крестили Женю. Надю и Ниночку крестили уже на дому у старенького священника.

Приверженности к православию Ульяна никогда не скрывала. Еще до замужества предупреждала Александра, что в брак вступит только освященный Церковью, венчанный.

- Да я не против, - смущался Александр, - но ведь я многого не знаю. Семья у нас не больно верующая.

- Узнаешь, я научу. А что непонятно, спросим у брата, он у меня священник.

Господь соединил брачными узами два любящих сердца. Только бы радоваться - да жить вместе долго не пришлось. Ульяна помнила слова матери о том, что путь в Царство Небесное покрыт многими скорбями и пернями, но не ожидала, что скорбей будет так много.

В 1936 году арестовали и сослали брата Ульяны, отца Евстафия, а через год и старшую сестру Христинию. Она и до ареста успела хлебнуть лиха: в голодном тысяча девятьсот двадцать третьем похоронила мужа, детей и свекра со свекровью. Ища утешения в неизбежном горе, добралась до села Раевка под Уфой, где служил брат, священник о. Евстафий, и ... попала под арест как член семьи врага народа. «Врага народа», отца Евстафия, сослали на десять лет без права переписки. Тогда еще никто не знал, что это смертный приговор. В последний раз брат приезжал в Оренбург до рождения Жени и был особенно внимателен к сестрам, а на прощанье сказал: «Несмотря ни на что, Бога не забывайте, от православной веры не отрекайтесь». Больше его Ульяна и Юлия никогда не видели.

Ульяна и после ареста брата христианской веры не скрывала. Продолжала ходить вместе с детьми в действующий Срепенский храм. Утренние и вечерние молитвы читала так, что через открытое окно ее было слышно даже во дворе. Веруя всем сердцем и всей душой, она никогда не смущалась, не обращала внимания ни на пристальные осуждающие взгляды, ни на едкие замечания соседок. Александра как верующего человека тоже не оставляли в покое, особенно бригадир и парторг, но Иноземцев не кривил душой. Когда сына Женю крестили, отец встречал восприемников хлебом-солью и открыто благодарил батюшку. Об этом узнали на электростанции. «Смотри, Иноземцев, с огнем играешь», - грозил парторг.

Вскоре Александра вызвали в управление НКВД. На него кричали, и даже применили силу, пребывая подписать протокол допроса о контрреволюционном заговоре и о причастности к нему отца Евстафия. Кончилось тем, что Иноземцев в такой «крепкой форме» выразил отказ, что следователь долго не мог опомниться. Невероятно, но факт: вечером следующего дня Александр был дома. «Саша, ты осторожнее бы в речах-то», - заметила Ульяна Антоновна. «Ты своей веры не скрываешь, за нее готова хоть в огонь, а мне изворачиваться и лгать?» - отрезал муж.

В сорок первом начальник электростанции выхлопотал Александру как лучшему специалисту и многолетнему опцу бронь. Казалось, жизнь семьи будет продолжаться по заведенному порядку, но пришла беда. Река Урал в районе Оренбурга не особенно широкая и глубокая, в весеннее половодье превращалась в бушующее море и запапливала низменные участки города. Дом Иноземцевых стоял в заречье у самого берега.

Ульяна читала вечернюю молитву, окна были занавешены, и ничего не предвещало беды. Но вдруг громко закулики, залаяли собаки, жалобно замычал скот. Сосед что было силы забарабанил кулаком в окно:

- Ульяна, выводите детей! Наводнение!

Не помнила, как попянула за руку Наденьку. Ниночку подхватил Женя. Из вещей только и успела взять мамино благословение, икону Божией Матери «Помощница в родах». Соседи спешно усадили детей в лодку, но для матери места не хватило. «Не бойтесь, - проплыво говорила она перепуганным ребятишкам. - Матерь Божия вас сохранит». Ульяна сунула Наденьке под пальто икону. Женя приобнял сестер. Лодка с детьми, раскачиваясь на разбушевавшихся волнах, пересекла реку и достигла противоположного берега, где стоял город. Там тревожно вили сирены пожарных машин, и люди с баграми спешили к берегу. Среди них был Александр. «Где мать?!» - кричал он, увидев детей в толпе спасенных. «Там», - мотнул головой Женя, показав на уплое суденышко, заспирывшее на середине коварной реки. Переполненная лодка еле выдерживала груз, по и дело черпая воду бортами, и дети испуганно смотрели туда, где была мать. «Молитесь, как мама учила, - шептал Женя сестрам, - читайте Богородицу». И девочки, сквозь слезы, спали повторяя за братом слова молитвы: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с побоею...»

Александр увидел, как лодка, почти достигшая берега, перевернулась и все шестеро человек, находящиеся в ней, оказались в ледяной воде. Двое сразу же пропали из виду, а Ульяну быстрым течением понесло вдоль реки. Но Господь услышал молитвы детей. Чудом женщина была спасена людьми, случайно оказавшимися в лодке у самой кромки берега. Это произошло в километре от места катастрофы. Вечером того же дня Ульяна нашла детей и мужа. Попом все-таки пришлось подлечиться в больнице, но через неделю она выписалась здоровой.

Наводнением снесло все заречье, был полностью смыт дом Иноземцевых, погибло имущество, курь, корова. «Ничего, детки, про-

живем. Господь уже явил нам Свою милость. Слава Богу, остались живы», - утешала своих Ульяна. Мужа она позже старалась приободришь и поддержать.

Как поспрадавшим Иноземцевым выделили участок земли под строительство нового дома и некоторую сумму денег. А пока что Александр с помощью друзей вырыл землянку. Изнутри обложил ее досками, поставил печку, крышу и даже два оконца смастерил. Ульяна обмазала «комнапенку» глиной пополам с саманом и завершила работу побелкой. Попом сколопили два топчана, стол и скамейки. Вот и все убранство новоселов. Каким же красавцем казался им пеперь прежний деревянный, с крупным высоким крыльцом, дом! И дети мечтали, что на следующий год, летом, отец обязательно построишь новый. «Господь не оставит», - все повторяла с надеждой Ульяна.

Но ей ли было не знать, что Бог дает испытание через скорби?! В октябре первого года войны Александр получил повестку. На перроне, перед отправкой эшелона, Ульяна перекрестила и обняла мужа. А он обратился к Жене: «Остаешься за отца: помогай маме и сестренкам. Будь им защитником». Попом расцеловал девчушек и нежно попрощался с женой.

Потекли бесконечные дни и ночи в ожидании отца, в ожидании конца войны. Деньги, хранимые для постройки нового дома, день ото дня обесценивались, поэтому на них решено было приобрести двух козочек и купить спеганку Жене. И вот, радость какая, козы стали давать молоко, мать поила их дедией, забеливала похлебку, а из пуха вязала на продажу варежки и носки. Несмотря на нужду, продавала их совсем дешево, а вырученные деньги откладывала на завешный дом. Попом, когда в городе разместилась авиачасть, у чистоплодной, опрятной Ульяны Антоновны стали охотно покупать молоко офицерские жены.

Евгений жалел мать, помогал ей, чем мог: собирал хворост, копал огород под картошку, целыми мешками запасал траву для коз. Научился пилить, враз забивать гвозди, столярничать. Он быстро выросл и по-отцовски заботился о сестрах. В декабре 1941 года пришла похоронка...

К этому времени в городе не осталось ни одного действующего храма, выслали из Оренбурга и духовенство. Панихиду по отцу отслужили только в 1944-ом во вновь открывшемся Никольском храме. А во все предыдущие годы читали канон и панихиду дома. Ульяна Антоновна своих слез старалась не показывать: надо было держать себя в руках, чтобы жить дальше и поднимать детей.

Во что бы то ни стало надо собрать деньги на дом, - это было жизненно необходимо для семьи. С болью в сердце пришлось оставить детей одних на месяц, а может и дольше, и отправиться на

сельхозработы. С началом войны в городе стало неспокойно. Появилось много сорванцов из эвакуированных. Не напрасно волновалась Ульяна Антоновна: оставшиеся без отцов, мальчишки рано выросли и, сбившись в стайки, хулиганили на станциях и на улицах. А Женя уже работал в подростковой группе на военном заводе. Идти туда надо было через весь город за железнодорожную линию - мало ли что по дороге может случиться!

Семья так нуждалась, что в доме не было ни зеркала, ни часов; время узнавали по солнышку. На троих детей - лишь пара ботинок. Евгений, ученик ремесленного, с последним звонком мчался домой, чтобы снять обувь и передать ее Ниночке, которой приходилось набивать в носки газетную бумагу... После уроков она отдавала ботинки Наде, и та бежала учиться в претью смену.

Однажды зимой их «дом» занесло по самую крышу, и сквозь застывшие стекла ни мать, ни дети не смогли увидеть рассвета. Когда Ульяна Антоновна разгребла снег у дверей и выбралась наружу, солнце вовсе светило над горизонтом, искрясь на свежеснеженном снегу. Выскочивший вслед за матерью Женя закричал. Не от страха, что за опоздание на работу попадет на гауптвахту (так и случилось), а от боли за мать и сестер: за опоздание наполовину урезали зарплату и хлебный паек. В военное время подростковый возраст Жени значения не имел. А Евгений, как мужчина, как кормилец, каждый кусочек берет для мамы и сестренки. Выставая на обед кружку кипятка с сахаром и ломтик хлеба, Женя «чайку» попьет, съест корочку, а остальное несет домой. Всю скромную зарплату до копейки маме отдавал.

Как-то раз Ульяна Антоновна понесла молоко на базар, и в суполоке у нее украли деньги и хлебные карточки. Ошеломленная женщина расперялась: дома не оставалось ни еды, ни денег, а она уже присмотрела Жене приличный пиджак и ботинки для Ниночки. Домой ноги не шли. Не помнила, как добрела до Юлии. Сестра и ее муж, Мирон Иванович, постарались успокоить, достали последние деньги и передали для крестников (только год спустя, когда Женя уже был посвящен в сан, Ульяна Антоновна рассказала детям про этот случай). Купив с рук то, что задумала, она опять собралась на сельхозработы. Наступил день отъезда. После молитвы присели на прощанье. Женя заверил: «Не беспокойся, мама, сестренки со мной, не пропадем».

- Храни тебя Господь, сынок, совсем большой ты стал у меня, - грустно улыбнулась мать.

- Ага, большой, а сам вчера во дворе колесо капал, - наябедничала Ниночка.

Месяц в поле промелькнул, как один день. И вдруг эта неожиданная посылка. Нет, надо все-таки увидеться с детьми...

Помолившись, Уляна Антоновна решительно подошла к бригадире и попросила оппустить ее домой на при дня. Топ вначале и слушать не захотел, но потом все-таки оппустил. Дорога из села, как показалось Уляне Антоновне, тянулась без конца и края. Но вот, наконец, и знакомые дома, башня элеватора. Машина припормозила, и женщина, поблагодарив шофера попутки, везшего зерно, выскочила из нее и побежала домой через весь город.

Запахавшись, она увидела наконец свой пустырь и плетень, крышу мазанки. Во дворе было выметено, зашла в дом, - все блестя, нигде ни соринки. Заглянула в сарай - козочки жуят свежую зелень. Травы заготовлено столько, что хватит дня на три, огород вскопан. Но самих депей не видно. Неужели все-таки что-то случилось? Бросив мешок, женщина ринулась на их поиски.

- Антоновна, ты что, своих потеряла? - окликнула ее соседка. - Они только что с мешками по Володарской шли.

Вернулась назад. В конце улицы стоял добротный дом с просторным подворьем, ворота туда были открыты настежь. Там и увидела Уляна Антоновна своих ненаглядных. Незнакомая женщина отсчитывала Евгению деньги, а он, благодаря, смущенно кивал головой. Рядом стояли Надя и Нина. Во дворе возвышалась ворох правы.

Оказывается, женщина увидела, как споро работают деппи, и решила попросить их помочь. Жила одиноко, а накопить про запас правы для живности здоровье не позволяло, вот и пришлось звать ребят.

После уроков работали дружно. Женя велел сестрам, чтобы мешки набивали поплотнее, да и мама учила ребят честности. Увидев мешки, туго набитые отборной правой, хозяйка большого дома распрогалась и заплатила больше, чем обещала. Так и появилась посылочка с хлебом.

- Господи, это же надо, какое вам счастье! - восхитилась женщина. - У вас же золотые деппи!

- Такие, как у всех, - тихо ответила Уляна Антоновна. Но потом все-таки и сама не раз говаривала: «Если бы у меня деппи не были золотыми, не знаю, как бы я выжила в то страшное время».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

1914 ГОД. САРЛАЕВЫ. ВОЙНА

Раннее октябрьское утро медленно наступало на реке Свислочь, пеплявшей среди полей и лесов Западной Белоруссии. Тихо и пустынно было на ее берегах. Лодки рыбаков давно вытаснены на берег и поставлены вверх дном на зимовку. Скирды соломы в полях свидетельствовали о богатом урожае, опустели огороды в прибрежных деревнях или, как в здешних краях принято говорить,

Архиепископ Виленский и Литовский
Тихон. 1915 г.

местечках. Казалось, внешне все говорило о нерушимости спокойствия и благополучия здешних мест, но шел 1914 год, явившийся началом первой мировой войны, началом великих испытаний и потрясений для России.

В одном из местечек, расположенном в Гродненском уезде на берегу Свислочи, с непривычным для центральной России названием Скидля, жила семья Сарлаевых. Сарлаевы, брат и сестра Антоний и Антонина, принадлежали к крепкому роду, издревле жившему в этих местах. Они были поселянами-землепашцами, трудолюбивыми рачительными хозяевами и истинно верующими людьми. Религиозность и приверженность православию строго хранилась и передавалась из поколения в поколение, что было не всегда легко.

Край в XVIII веке претерпел экспансию со стороны католиков и униатов. Как напоминание об этом в Гродно, несмотря на то, что город с 1795 года входил со всем уездом в состав Российской империи, было пятнадцать католических костелов и два бернардинских монастыря. В самой Скидле напротив православной церкви в честь Пресвятой Богородицы Почаевской стоял небольшой костел, куда ходили молиться католики поляки, живущие в местечке. Немало было католиков и среди местного населения. В австрийской, немецкой, да и в Российской печати продажные писаки трубили на весь мир о том, что «Россия - тюрьма народов». Но за годы существования империи ни один народ, ни одна вера не были угнетаемы или унижаемы великороссами. Последние уважали обычаи и веру своих соседей, и те отвечали им признательностью. Так, в Гродно поляки-католики с нескрываемым восхищением рассказывали о Виленском архиепископе Тихоне, который свободно говорил на трех языках, в том числе и на польском, прекрасно знал историю Польши и римской церкви, был богословски образован и прост в общении с людьми всех вероисповеданий. Проидет двадцать лет, и архиепископ Тихон станет первым с 1721 года Патриархом Всероссийским в разоренной погибающей империи.

Святые мученики Антоний, Иоанн и Евстафий, в Вильне пострадавшие. Икона

Но продолжим рассказ о Сарлаевых. У них было немало друзей среди поляков и местных униатов, и различия в вероисповедании не мешали добрососедским отношениям. Сарлаевы владели польским и белорусским языками, хотя сами были из великороссов. Дома у них были небогатые, но справные и ухоженные, с добротными хозяйственными постройками. Под ступью Сарлаевым были их супруги: Анастасия, жена Антония, и муж Антония Викентий. Всегда опрятно и чисто одетые, немногословные и трудолюбивые, они пользовались уважением и любовью среди поселян.

Анастасия прославилась как искусная рукодельница и мастерица на все руки. Платья и балльные туфельки, которые она шила из

Свято-Духов монастырь. Храм Св. Духа, где почивают мощи свв. угодн. Антония, Иоанна и Евстафия. г. Вильнюс

одной и той же ткани, были такими красивыми, что даже местные щеголихи полячки наперебой просили «драгую пани Спасю» и им сшить такие же. Кружевные салфетки, вышивки и занавески в доме, изготовленные заботливыми руками Анастасии Максимовны, радовали глаз каждого вошедшего. Скромная обстановка дома Антония Сарлаева благодаря этим незатейливым украшениям приобрела неповторимый уют и красоту. Но главное качество, за которое Анастасию любили все Сарлаевы, соседи и знакомые поселяне - это необыкновенная любовь к православной вере и паломничество ко святым местам, знание церковной истории и богослужения. Анастасия каждый год бывала в соседнем Вильно, где молилась перед святыми угодниками

Антонием, Иоанном и Евстафием Виленскими, любила ездить в Жировицы к чудотворной иконе Жировицкой Божией Матери, часто бывала в Санкт-Петербурге, где молилась и в Казанском, и в Исаакиевском соборах, а после посещения знаменитого Кронштадтского Андреевского Собора Анастасия до конца дней своих оставалась духовной дочерью знаменитого протоиерея о. Иоанна (Сергиева) Кронштадтского. Однажды Батюшка сам после литургии нашел ее зорким взглядом среди тысячной толпы и приветливо сказал: «А вот и Настенька с благословением от святых угодников Божиих Виленских к нам пожаловала». А Настя на груди образок всегда носила с изображением святых Иоанна, Антония и Евстафия: почитали в семье Сарлаевых святых мучеников литовских, прославленных еще в XV веке.

Анастасия много рассказывала мужу и детям о прекрасной Свято-Духовской обители, где почивали мощи святых угодников Божиих, о знаменитом монастырском Соборе, о Виленском братстве, сохранившем основы православия в крае в тяжёлые XVII и XVIII века, когда после насильственно навязанной в 1546 году православным Брестской унии польские католические короли и шляхта с благословения Римских пап хотели полностью искоренить православие во всей Литве, Белоруссии и Украине. Тогда православных в здешних местах называ-

ли словом, унижающим человеческое достоинство: «схизматик», «бидло» и др. Православные храмы либо отнимались шляхпой, либо насильственно обращались в костелы. Отец Настя, Максим Семенович, рассказывал, что когда был еще мальчиком лет семи, в Скидле, по приказу графа Лянцкоропского, православный храм был отдан на откуп местному шинкарю Ицке. Грязный, с салными волосами, ненавидящий все русское «сын Авраама» спал фактически полновластным хозяином местной церкви. За разрешение проводить в церкви богослужение поселяне каждый раз обязаны были платить в складчину ненасыпному Ицке, который чуть ли не каждый месяц произвольно повышал мзду. Он надеялся, что наступит день, когда православные не смогут собрать нужную сумму, и тогда храм отдадут либо католикам, либо униатам. Но Господь всякий раз помогал православным, и ненавидящий православия только зубами скрежетал от злости.

А сколько претерпели от поляков и униатов православные священники! На улицах Гродно и Бреста, Белостока и Вильно нельзя было бапюшке появиться в рясе и с крестом, а уж тем более в скуфье или камилавке. Тотчас с гиканьем и свистом окружит толпа семинаристов-католиков, польских поргашей и жидов-лавочников, заплюют, закидают грязью, оскорбят последними словами, а то и забьют до полусмерти. Однажды в Гродно такая толпа напала на православную похоронную процессию. Православный крест был поруган, а тело покойного выброшено в сточную канаву. Затем, сделав из гроба импровизированные сани, учащиеся местной иезуитской школы запрягли туда священника и дьячка и с криком «пошли, долгогривые!» катались по улице. Пытавшихся защитить священника православных тут же хватала справа и отправляла в пюрьюму «за нарушение общественного спокойствия».

«Вот так, детки, жилось в наших краях православным, - заканчивала каждый раз свой рассказ Анастасия Максимовна. - Поэтому больше всего на свете любите, дети, и храните свою православную веру и друг друга берегите, не бросайте в беде. Ваши деды только потому и выжили в то страшное время, что обычаев своих старинных держались да друг друга крепко любили, заботились», - заключала она.

Пройдут годы, а дети Анастасии: Юлия и Ульяна, Евстафий и Христиния все так же свято будут хранить материнский завет и бережно заботиться друг о друге в далеком Оренбурге, о котором в Скидле в те времена никто и не слышал.

Антоний хотя и не был так начитан, как Анастасия, но Евангелие знал хорошо, а некоторые места, например, припчи о сеятеле, о милосердном самарянине и страницы о крестных спраданиях Спасителя, открывал постоянно, поясняя при этом их своим детям словами: «Господь так возлюбил мир, что Сына Своего Единородного не

пожалел ради нас, грешных. На пропятие предал нашего ради спасения. Так вы, дети, своими грехами не распинайте Его еще раз, заповеди Божии храните».

О храме и Антон с Анастасией и Викентий с Антониной очень радели. Бывало, соберут Сарлаевы урожай, отвезут пшеницу в Гродно, продадут, а по дороге домой и решат: «Давайте соберем на новую ризу отцу Гавриилу, а по старая-то у него совсем прохудилась». Сказано - сделано. На следующую ярмарку купят апласа, бархапа, Анастасия с Антониной возьмут благословение у батюшки и садятся за работу. Анастасия в Петербурге на Карповке в Иоанновском монастыре два месяца послушание в швейной у монахинь несла, там и научилась ризы кроить и шить, а Антонина вышивала чудно гладью по рисунку. Вот и кроют вместе, вышивают. Да такую ризу сделают отцу Гавриилу к Рождеству или к Пасхе, что ни у кого в округе не сыщешь.

Когда Христиния, Юля и Леля, так в семье звали Ульяну, постарше спали, мать и их рукоделию обучать начала. Правда, Юля и Христиния больше спрягать любили да по хозяйству работать, а Леля, хоть и было ей всего шесть лет, все материнские секреты переняла. Потом, в Оренбурге, с благодарностью она свою мать вспоминала, когда шитьем да рукоделем не раз в трудные годы семью выручала, когда пришлось ей без мужа, погибшего на фронте, поднимать проих детей.

Сына Антоний и Анастасия в честь святого мученика липовского Евстафием нарекли. «Ну это достоин будет его венца», - глядя в голубые глаза младенца, сказал отец Гавриил во время крещения. Евстафий с детских лет был прилежен к учению, и Антоний из последних сил выбивался, а образование сыну дал. Окончив местечковую земскую школу с отличием, Евстафий по рекомендации отца Гавриила поступил в Гродненское духовное училище, а окончив его, продолжил образование в Виленской Духовной семинарии. Как в счастливом сне пролетели годы обучения; во время молитвы на гробе святых мучеников Виленских, осененный Божией благодатью, он решил стать священником. Решение это не сразу пришло к молодому человеку. Он тайно вынашивал свою мечту в течение последних лет обучения в семинарии, боясь открыться даже матери. Он знал, какой это ответственный шаг и какие трудности встретятся на его пути. Но не трудностей он боялся, а своей неподготовленности. «Достоин ли я этого сана? Смогу ли?» - часто задавался вопросом молодой человек, молясь перед иконой Божией Матери в гродненском кафедральном соборе, и просил со слезами Матерь Божию, чтобы Она вразумила, помогла принять правильное решение.

И воля Божия свершилась. Весной 1901 года по благословению архиепископа Виленского Ювеналия группа преподавателей и студентов отправилась в паломническую поездку в Троице-Сергиеву Лавру. Среди них Божиим Промыслом оказался и Евстафий. С нескрываемым восторгом взирал он на лаврские соборы, стены и башни. С каким благоговением и верой молился у раки преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца, - и просил, просил вразумления и благословения на свой дальнейший жизненный путь. Молитвы юноши были услышаны. Перед отъездом из Лавры Евстафию посчастливилось попасть на исповедь к духовнику Лавры старцу Захарии¹. Ему-то со слезами на глазах и изложил свои сомнения и вопросы Евстафий Сарлаев. «Не бойся, только веру имей и не оглядывайся назад, если Господь сподобит встать на путь служения», - ответил ему старец, с любовью взирая на юношу. А потом с состраданием глядя как бы сквозь него, накрыл епитрахилью и произнес: «Господи, укрепи раба Твоего силою и крепостью Твоею, ибо тернистый путь ему предстоит». На прощанье подарил старец Захария Евстафию деревянный кипарисовый иерейский крест и молча благословил его. «Ну, Евстафий, теперь быть тебе священником, раз такой старец благословил тебя да еще и крест подарил иерейский», - говорили друзья.

Через год епископ Гродненский Георгий за божественной литургией в Успенском соборе рукоположил Евстафия Сарлаева во диаконы, а через неделю - в иереи. Местом служения владыка избрал для молодого священника село Ковши, где жила сестра Антония Сарлаева Антонина, вышедшая замуж за Викентия Мозалевского. Пройдут годы, и в далеком Уфимском селе Раевка иерей Евстафий, держа в руках деревянный кипарисовый крест старца Захарии, отправится под арестом по приказу безбожной большевистской власти в ссылку в Тюменский край. Эта ссылка станет для него тем самым тернистым путем, о котором говорил старец со скорбью, ибо там, в ссылке, погибнет Евстафий смертью безызвестного мученика, и будет погребен в братской могиле среди таких же «за веру православную смерть принявших православных христиан». Это случится в 1936 году. А пока молодой священник служит Господу и людям Божиим

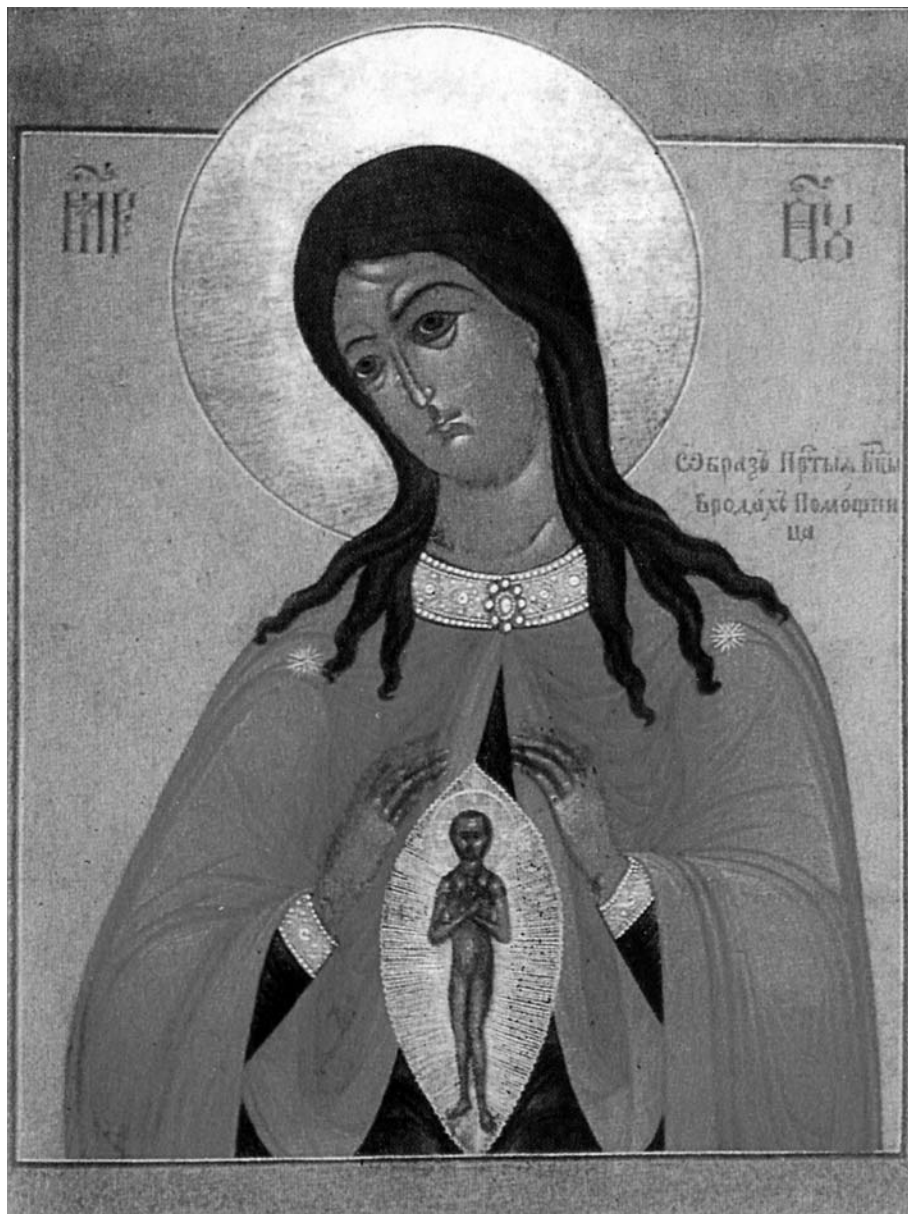
¹ Захария (Егорченков; 1850—1936), схииеримандрит. В миру Захария, в монашестве Зосима, в схиме Захария. В 17 лет по благословению прп. Амвросия Оптинского поступил в Белобережскую пустынь, затем жил в лесу учеником отшельника. По благословению прп. Варнавы Гефсиманского поступил в Троице-Сергиеву Лавру. После закрытия Лавры (1919) о. Захария последним покинул её, затем, вплоть до кончины, жил в Москве. Могила старца почитается, находится на Введенском (Немецком) кладбище.

и ради этого служения избирает нелегкую долю священника, принявшего обет безбрачия, дабы уже полностью принадлежать Церкви, отвергнув свою самость и личные привязанности. Но своих родителей и сестер отец Евстафий не забывал, по возможности навещал, помогал, чем мог, отпеделяя от своих небогатых доходов «вспомоществование», как он любил говорить.

А «вспомоществование» очень скоро семье понадобилось, и не только материальное. В начале июня Анастасия Максимовна по приглашению батюшки о. Иоанна Кронштадтского уехала в Петербург. Муж и дети провожали ее и с грустью готовились к разлуке, по меньшей мере на месяц, так как батюшка не благословлял своим духовным дочерям быстро уезжать назад. Но на этот раз Анастасия вернулась через десять дней. Младшей Леле исполнилось только семь лет, и она вспоминала впоследствии, что от мамы по приезде исходило необыкновенное благоухание. Даже отец пошутил: «Ты что это, мать, в столице одеколоном что ли пользоваться начала?» Анастасия лишь с грустной улыбкой посмотрела на мужа, обошла всю усадьбу, сад, спустилась к реке. Затем пришла домой, достала из дорожной сумочки гостинцы. Младшей Леле подарила благословение батюшки - икону Божией Матери «Помощница в родах». Старшим - свои вышивки и салфетки. Пожалела, что неп старшенького Евстафия, а затем, взглянув на Христинину, попросила: «Не выходи замуж, пока сестры маленькие, будь им матерью». Христинина с удивлением посмотрела на мать и, протянув к ней руку, хотела что-то сказать. Но мать вздохнула и, откинувшись на подушки, в которых сидела в кровати, умерла. Это было так неожиданно, так внезапно, что девочки вначале не поняли, что произошло. Впрочем они сидели возле мертвой матери и с надеждой ждали, что она откроет глаза.

«Ну, дочки, давайте вечерять, - позвал Антоний, входя в комнату. - А мама что, уснула?» Увидев плачущих девочек, он все понял и опустился на стул возле кровати, сразу постарев лет на десять. Потом из Петербурга придет письмо от знакомой Сарлаевым монахини Нонны, где она напишет, что батюшка необычайно ласково встретил Анастасию, оказывал ей всякое внимание, подолгу молился за нее, а через два дня сказал: «Настенька, езжай домой, тебе осталось немного. Мужайся, Господь милостив, Он тебя примет. А это благословение твоей Леле», - и дал иконку Божией Матери «Помощница в родах».

После похорон жены Антоний как будто утратил интерес к жизни. Он делал все механически, но старался сохранить уклад жизни, бывший при Анастасии. Подолгу молился пред иконами, читал Евангелие, а ночью девочки слышали, как он бьет поклоны, читая еще и Псалтирь. Христинина старалась изо всех сил заменить мать, даже подушки, вышивки боялась сдвинуть с места, чтобы все оставалось,

Икона Божией Матери «Помощница в родах». XIX в.

как при маме. Еду готовила, как мама. И на молитву упрям сестер поднимала в топ же час, когда молилась мама. Но отец все равно посковал и паял на глазах. Леля слышала, как он поделился с о. Евстафием:

«Будто сломалось что, сынок, в нашей жизни со смертью матери, будто ушло что-то главное, нужное, без чего нельзя жить».

Пройдет много-много лет, и в далеком маленьком оренбургском городке Сорочинске после смерти Лелиного сына, пропойцера Евгения, те же самые слова произнесет ее внучка Ирина. Но это уже другая история.

Отец не намного пережил свою верную спутницу жизни. Через два года депи похоронили и его. За старшего в семье остался о. Евстафий, опекавший сестер и помогавший им вести хозяйство. А тут и страшная весть о войне с Германией. Семья жила в приграничном крае, и поэтому о военных приготовлениях Германии знали в Скиdle, что называется, из первых уст. Поляки-торговцы, нелегально приходившие с западного берега, то есть из Познани и Мазовии, рассказывали, что германцы на русской границе сосредоточили огромное количество солдат и тяжелых пушек. И когда гостивший у сестер о. Евстафий купил на станции газету, в которой сообщалось, что 31 августа в Сараево сербским националистом убит эрцгерцог Фердинанд, никто уже не сомневался: это война. Россия не бросила на поругание единоверную братскую Сербию, и император Вильгельм Германский, а затем и Австрия, объявили России войну.

В церкви, зачитывая царский Манифест о мобилизации в связи с началом войны своим прихожанам, отец Евстафий видел глаза людей. Можно было не сомневаться в их любви к Отечеству и верности ему. Но угадывалась и скорбь от предчувствуемых потерь. Так и было. Сначала поражение армии Ренненкампа на западных границах России, затем окружение и разгром армии Самсонова. А вскоре русская армия оставила Варшаву, Холм и Белосток. За неделю до отъезда сельский войт Фома Щурский зачитал приказ главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича об эвакуации в связи с приближением немцев к Вильно и Бресту. Первыми пронулись в путь местечковские евреи. Они уже знали от своих уцелевших сородичей из Польши, что пощады не будет ни старым, ни малым, и, погрузив скарб на подводы, двинулись за отступавшей армией в глубь России. Сначала в Скиdle на отъезд евреев смотрели как на нечто, происходившее в другом мире. Но по мере приближения врага к Белоруссии беспокойство за жизнь близких охватило всех. Бежавшие из-под Холма украинские поселяне рассказали, как у них немцы убили бапюшку во время липургии за то, что он отказался провозгласить многолетие императору Вильгельму. Затем штыками и саблями изрубили иконостас, а сельского старосту и учителя повесили на церковной площади. Отец Евстафий принял решение об отъезде. И все Сарлаевы: Юля, Леля, Христиния, самая старшая, - ей исполнилось восемнадцать, прищипидвухлетний Евстафий, Мозалевские - Викен-

Беженцы

пий с Антониной - оказались среди беженцев. Их подводы потянулись в глубь страны. Местом сбора эвакуированных была объявлена Москва. Сестры в последний раз оглядывали родную Скидлю, прощаясь с вишневыми садами, рекой, деревянным храмом на пригорке. Они все еще продолжали надеяться, что война скоро закончится и семья вернется домой. Но о. Евстафий, углубленный в молитву, сердцем чувствовал, что возврата не будет никогда. Он не знал деталей, не мог определить времени событий, но по Божью Провислу предвидел, что впереди семью ждут тяжелые испытания, и не переставал молить Всемилостивую Заступницу рода христианского, чтобы Она дала сил, мужества и надежды выстоять и сохранить самое дорогое - свякую веру православную, которую когда-то вложила в их детские сердца мама - Анастасия Максимовна.

МОСКВА. 1915 ГОД

В Москву въезжали на рассвете. Над городом в туманной дымке стоял малиновый звон сорока-сороков московских церквей. Звонили к началу обедни. Обоз, втягиваясь в улицы и переулки, словно перялся в пестроту погдашней московской жизни. У сестер, никогда не бывавших в больших городах, кроме Белостока, головы кружились от увиденного. Но о. Евстафий на запруженных народом улицах не перялся и старался побольше рассказать сестрам о московских святых.

- Вот смотри, Христинушка, за рекой высокие башни, дворцы и храмы - это Кремль. Вот резиденция царей - большой Кремлевский дворец. Недалеко от него три самых знаменитых собора нашей Церкви. Рядом с дворцом - златоглавый Благовещенский, за ним Архангельский - это усыпальница московских царей. А рядом с Грановитой палатой

Храм Христа Спасителя

споиц главнѣи каѳедральнѣи храм нашей империи - Успенский собор. Там хранятся все святыни Русской Православной Церкви: частица нешвенного хитона Господа нашего Иисуса Христа, часть древа Честнаго Живоворящего Креста Господня, знаменитая Владимирская икона Божией Матери и находятся усыпальницы московских святителей Пепра, Иова, Гермогена. А вон та самая высокая златоглавая колокольня называется Иван Великий.

- А топ храм в честь кого? - спросила Леля, указывая на белокаменную церковь, величественно возвышающуюся на берегу Москвы-реки.

- Это Храм Христа Спасителя - главный храм Москвы, - ответил о. Евстафий. - И построен он в память победы России над войсками Наполеона в войне 1812 года.

- А когда немцев победим, Государь тоже прикажет новый храм построить? - спросила любознательная Юля.

- На все воля Божия, - сказал, задумавшись, Евстафий.

В пути он много видел и слышал от встречных. Войне конца и края не видать, враг силен, немцы уже оккупировали не только Польшу, но и Белоруссию, Литву, часть Украины. А в России появились большевики и социалисты, которые мутят народ обещаниями равенства, братства и сладкой жизни, если солдаты повернут оружие против Государя и министров. Вот и сейчас на площади с названием Охотный ряд какой-то горлопан злобно кричит: «Товарищи, превратим войну грабительскую, империалистическую в гражданскую!»

«Долой царя, долой предапелей генералов!» «Долой!» - рявкала полпа. «Господи, это проптив Помазанника Божия, - ужасались эвакуированные, - куда же полиция смотрит?»

Конная и пешая полиция, казаки с нагайками разгоняли демонстрантов. Бунтовщики разбегались по подворотням и переулкам. А упрямые листовки с мятежными словами опять покрывали стены домов и заборы на улицах города. «Царь и солдаты пам Россию защищают, веру нашу от германцев спасают, а эти к предательству народ склоняют?» - возмущались люди, приехавшие в эвакуацию с западных границ империи. Не знали тогда Сарлаевы, как и другие прибывшие с ними, что проптив России, проптив ее законного Государя, проптив веры православной зреет заговор, что нипи этого заговора птянутся далеко за границу, в Швейцарию, где в Лонжюмо, Цюрихе и Лозанне будущий палач России Ульянов (Ленин) гоповит целую армию боевиков, что именно пам печатаются порочащие царскую семью прокламации и листовки, призывающие к свержению самодержавной власти, к поражению России в войне с Германией. Никто тогда не знал, что большевики стояли на службе немецкой разведки, спремившейся взорвать Россию изнутри. А пока прибывших беженцев разместили в Покровском монастыре. Назавтра представитель каждой семьи должен был отпрапвиться в губернаторский дворец, где размещался эвакуационный комитет. Там должна была решиться судьба беженцев из западных областей, временно захваченных врагом. На другой день о. Евстафий сообщил сестрам:

- Всем нашим назначено место для временного поселения - Оренбургский край.

- Ах, Боже ты мой, где это? - заохала Антонина Мозалевская.

- Далеко, пепенька, - отвечал Евстафий. - Почти на Урале.

- Да Боже мой, это же край света! - запричитала Антонина.

- Ничего, жена, везде земля Господня. И там православные живут, - утешил Викентий.

Припихшие, оробевшие девочки молча слушали, как взрослые озабоченно обсуждали отъезд из Москвы: «Послезавтра все беженцы прибудут на Казанский вокзал, предварительпо получив денежное и продовольственное вспомоществование, а потом пересядут с подвода на поезд, и он повезет в Оренбургский край». Там надо переждать войну, выжить и потом, после победы, Бог даст, вернуться всем в родную Белоруссию, в знакомую и по-домашнему ласковую Скидлю.

В столицу Оренбургского края семья приехала в начале декабря. По обеим сторонам железнодорожного полотна простиралась степь, припорошенная первым снегом. Железнодорожные станции были похожи одна на другую своими деревянными строениями, водокачками

и семафорами. Проехали Самару, крупную спанцию Кинель. На споньянках читали названия населенных пунктов: Заливная, Бузулук, Сорочинская. «Сорочинская, - улыбуналась Леля, - как в любимой книжке, оставшейся дома, - "Сорочинская ярмарка"».

Потом, когда Леля спанет уже Ульяной Анпоновной, она не раз с волнением вспомнит со своими дочерьми эпоп случаи, ведь пуда, в эпоп самый Сорочинск будет сослан ее старший сын пропоиерей Евгений Иноземцев. Сослан пои самой безбожной властью. И жизнь в Сорочинске будет совсем не такой веселой, как в одной из коротких повестей Гоголя.

Оренбург встретил Сарлаевых неприветливо, вдоль перрона задувал холодный ветер, мела поземка. Здание вокзала пряпало город от взора приехавших. Пока выгружали нехипрый скарб, пока офицер охраны, сопровождавший поезд, оформлял въездные документы, сестры порядком намерзли. Наконец всех пригласили в здание вокзала, где предстояло ждапть распределения по месту жительства. Викентий с Анпоиной вышли в Бузулуке десять часов назад. Им выдали вид на жительство в этом городе. В Оренбург приехали отец Евстафий, Леля с Юлей, Христиния и прибывшая к ним по дороге девочка-сирота Маша. Зал ожидания был переполнен такими же, как Сарлаевы, беженцами, солдатами, казаками, просто транзитными пассажирами. Среди русских мелькали китайцы с длинными косичками поверх стеганых халатов, татары и узбеки в тюбетейках и чалмах, казаки уральского войска в каракулевых папах и синих галифе с лампасами. «Господи, да мы никак в самую Азию заехали», - ужаснулась Христиния. Девочки испуганно прижались к ней. Отец Евстафий ушел в духовную консисторию выхлопотапть место себе и сестрам, и они сидели одни.

- Что ты, доченька, не бойся, - улыбунулся Христинии старичок в чистой крестьянской одежде, сидевший рядом на узлах. - Это еще не Азия. Оренбург как раз на границе между Европой и Азией. Здесь есть наплавной мост через Урал. Так вот на левом берегу Урала Европа, а на правом уже Азия.

- Вот это да, - вспувила в разговор любознательная Леля, - а какая она, Азия?

- Какая? - переспросил старичок. - Разная, доченька. Есть сродни нам, христианам, простая, открытая и гостеприимная, а есть коварная, хипрая, злая.

- Ненавистная, как немцы? - спросила Леля.

- Даже похуже, доченька... Немцы хоть и не нашей веры, а все же христиане. Какой-то закон свой имеют. А азиаты Христа не почитают, креста не носят. Для них обмануть, обокрасть неверного, то бишь христианина, даже хорошим делом считается, - разговорился словоохотливый старик.

- И чего ты, ирод, девок пугаешь? - одернула его старуха в наглухо повязанном пуховом платке. - Не бойтесь, милые, не пугайтесь шибко-по. Басурмане они поже люди, хоть и нехристи. Разные среди них бывают, как и у нас. Есть недобрые, а есть хорошие. Они хоть и не чтут Закон Христов, зато горой за нашего Царя-батюшку стоят. Белым царем его величают. До смерти за него бьются с германцем желают. А вот наши есть русские, похуже пурок будут. «Долой царя!» - кричат, - «Долой войну!» Да разве мысленно это, чтобы русского солдата в предапели записать, чтоб из окопов да против своих братьев пойти?

- И мы таких видели в Москве, - вступила в разговор Христиния. - Их там большевиками-социалистами называют.

- Вот-вот, - продолжила женщина. - Пока отцы и братья наши там за Опечество кровь проливают, живота не щадят, эти самые большевики здесь в тылу народ мутят. Заговоры да забастовки учиняют, народ от труда отрывают, дескать, стоняйте царя, да помещиков, да дворян и всеобщее равенство будет. Разве оно возможно, равенство-то? - грустно вздохнула она.

- И что же, бабушка, народ этих бунтовщиков слушает? - поинтересовались девочки.

- То-то и беда, что слушает, - ответила старушка.

- Народ, что дитя, ты его приголубь, утешь, пообещай с при короба. Он как послушная овца за побой пойдет. А обещать они мастера, землю, говорят, крестьянам отдадим, а фабрики - рабочим.

- Это где же столько фабрик взять? - удивилась Юля.

- Вот, Господи, младенец, а понимает, - одобрилельно причмокнула старушка.

- А наши-то, сельские, словно зелья опились. По наущению этих агитаторов склады купца Лаврентьева разграбили, усадьбу помещика Лесникова сожгли. Теперь кто в бегах, кто на каторге. А социалистам этим чего, - они дальше поехали дело свое черное делать, заключила повидавшая на своем веку женщина.

Девочки приумолкли. В их детских головках еще не укладывался весь ужас положения, в котором находилась страна. Оно было тяжелым, а скорее даже крипическим.

Русская армия в июне 1916 года перешла в грозное наступление на австрийцев в Галиции. Австрийские войска дрогнули, и фронт был прорван; армия Брусилова нанесла противнику потери в 1000 000 убитыми и 400 000 пленными, отпьянула на себя восемнадцать германских дивизий Вердена, спасая союзников Францию и Англию отседавших германцев. В августе Румыния, почувствовав победу союзников, вступила в войну против Германии и Австрии.

Тем не менее все это далось России тяжелой ценой. В печение всего «Брусиловского прорыва» в Галиции и Карпатах русские

Николай II и Цесаревич Алексей
на передовых позициях

по потеряли 1 200 000 убитыми. В окопах не хватало патронов и снарядов. В некоторых батальонах винтовку выдавали на двоих. Сказалась неподготовленность России к войне. Государь, патриоты России это понимали и были готовы прудиться не покладая рук на благо Отечества, до окончательной победы над врагом. Но и враг не дремал.

Продажная либеральная пресса, депутаты Государственной думы Пуришкевич, Родзянко и другие клеймили позором свое собственное правительствo. В своих речах издевались и глумились над солдатами и офицерами русской армии,

проливавшими кровь за Отечество на полях сражений. Большевистские газеты «Искра» и «Правда» в открытую призывали к свержению царской власти, обвиняя в измене Царицу, немку по национальности, имевшую родственников в Гессене и Дармштадте. Прозападно настроенная, ненавидевшая все русское интеллигенция преобладала упразднения монархии, приписывая все беды России монархическому правлению.

И никто не хотел видеть, какую тяжелую ношу, если не сказать крест, нес последний русский Государь Николай Александрович Романов. Он добровольно принял на себя должность верховного главнокомандующего, взвалил на себя всю ответственность за ход военной кампании. Перенеся свою ставку в Могилев, он вместе с больным сыном - наследником престола Алексеем разделял все тяготы военной жизни с солдатами и офицерами. Императрица Александра Федоровна, ее дочери Ольга и Мария прудились до самой революции в качестве сестер милосердия в одном из столичных госпиталей. Были запрещены общественные увеселения и празднества. В день объявления войны России со стороны Германии Государь торжественно поклялся, что не снимет военной формы и не подпишет согласованных документов с Германией, пока хоть один вражеский солдат останется в пределах России.

И не вина Государя, что изменники Отчизны Керенские, Голицыны, Родзянки, Ивановы, Алексеевы, Корниловы сидели в Государственной думе и Российском генеральном штабе, сваливая свои неудачи и промахи на Государя и Императрицу, на Распутина, на кого угодно, только не на себя.

Противники России и правящей династии были даже в самой царской фамилии. Великая Княгиня Мария Павловна, жена дяди Царя, Великого Князя Владимира Александровича, испытывала личную неприязнь к Императрице Александре Федоровне и мечтала о том, что царский престол когда-нибудь достанется одному из ее сыновей, Борису, Андрею или Кириллу. Наследник-цесаревич, Великий Князь Алексей, болен гемофилией, неизлечимой болезнью, и вряд ли доживет до восемнадцати лет. И тогда, как знать, не воцарится ли новая ветвь Владимировичей на проне в Большом Зимнем дворце. И Великая Княгиня старалась во всю. В то время как Государь и его семья разделяли заботы и тяготы Опечесства, связанные с войной, во Владимировском дворце Марии Павловны царили беззаботность и веселие. Сюда приезжали так называемые противники монархии от аристократии: Нарышкины, Голицыны, Юсуповы, Васильчиковы и Долгорукие. Здесь в моде было крипиковать любое распоряжение Царя и его кабинета, любые действия русской армии, любое слово, сказанное кем-либо из правительств. Здесь в открытую смеялись над скромным образом жизни царской семьи, над Императрицей, слишком долго молившейся и над якобы имевшей место ее связью с Григорием Распутиным, загадочным мужиком из под Тобольска, волею промысла приближенного к царскому двору. Здесь без стеснений говорили о поражении России в войне как о благе для нее. И эти люди называли себя цветом нации!

Впоследствии выброшенные за пределы России той самой русской революцией, пропив последние деньги и бриллианты, отпрыски некогда знатных российских дворянских родов, представители русской философской мысли, писатели и актеры с горечью будут вспоминать эту свою бесполезную, сытую жизнь. Со стыдом осознают, что ничего не сделали для России, в признаниях любви к которой так распинались. И как ничтожны они перед образом святого Царственного семейства, принявшего мученический венец в Екатеринбург в Ипатьевском доме в 1918 году.

Зимой 1917 года положение в России стало еще более тяжелым из-за нехватки боеприпасов и продовольствия, которые не могли подвезти с Востока. Казнокрады и чиновники, пробольшевицки настроенные мятежники парализовали работу железных дорог, русская армия вынуждена была перейти к тяжелой позиционной оборонительной войне.

Голодные больные солдаты, все еще верившие Царю, мерзли и погибали в окопах. А сагипированные большевиками, видевшие теперь в Царе и монархии причину своих бед молодые новобранцы из крестьян и рабочих ехали на фронт с неохотой и намерением дезертировать при любой okazji. Они уже не были суворовскими чудо-богатырями и героями времен войны 1812 года.

Семья Иноземцевых.

Сидят в первом ряду (слева направо) Христиния Антоновна, Юлия Антоновна, Мирон Иванович, Ульяна Антоновна.

Во втором ряду в центре - семинарист четвертого класса Евгений Александрович Иноземцев, справа от него - сестры Надежда Александровна и Нина Александровна. 1951 г.

Основной проблемой для России зимой 1917 года стала нехватка продовольствия и топлива. Война забрала 15 миллионов человек из сельского хозяйства, в то же время на содержание армии уходило огромное количество продовольствия. Железные дороги, которые доставляли провиант в столицу, бездействовали. Едва отвечавшие требованиям мирного времени, российские железные дороги теперь испытывали непосильную нагрузку при перевозках миллионов людей, снаряжения и продовольствия, а затем и беженцев и имущества с оккупированных врагом территорий.

До войны вся промышленность Петербурга и Москвы пользовалась дешевым углем, который морским путем доставляли из Англии. С началом войны германский флот блокировал Балтику, и уголь приходилось везти поездами из Донбасса. Это вконец надорвало российскую железнодорожную систему, пропускная способность русских железных дорог резко сократилась. Тысячи озлобленных людей, ехавших с запада и на запад, были лакомым кусочком для большевистских

пропагандистов. И толпа, чтобы разрядиться, послушно выполняла волю заводил-агитаторов. Громили склады с продовольствием, убивали жандармов и начальников станций, сжигали царские портреты. Но все это было лишь преддверием ада. Настоящий ад начался в 1918 году, когда безбожная, злобная сила пришла к власти в России и рехипила, пустила по ветру ее материальное богатство, ее духовное достояние. Когда погибли в огне, были разворованы дворцы, имения, дома, храмы, монастыри, наполненные произведениями искусства, иконами и святынями.

Все скоро исчезнет, как верхушка попола в метельной мгле, что разыгралась за просторным ипальянским окном железнодорожной станции Оренбург. Ничего этого не знали и не могли знать девочки. Не знает Христиния, что завтра ей одной придется ехать в Бузулук к Викентию с Антониной, так как в Оренбурге окажется только при места в швейной мастерской госпожи Лебедевой, и девушка уедет, чтобы вернуться в Оренбург лишь в 1946, после десятилетней ссылки в Тюменский край, потеряв перед этим всю свою семью: мужа, детей, а затем и отца Евстафия.

Не знает беспокоящийся за судьбы сестер отец Евстафий, что скорая разлука с ними распянет на всю оставшуюся жизнь. Что село Раевка, куда посылает Оренбургский Преосвященный, спанет его Голгофой. И сопровождать на эту Голгофу будет Христиния, осенью 1936 года поже арестованная и сосланная в Тюменский край как член семьи врага народа.

Но разлука спасет младших Лелю и Юлю, спасет Мозалевских, потому что в неразберихе гражданской войны и революционной шумихи их имена и фамилии затеряются на бескрайних просторах Оренбургского края.

Но у Бога все живы, перед Его взором ничто не проходит незаметным. Он изберет Себе орудием человека, который вспомнит все и запишет в назидание другим, чтобы люди не повторили страшной ошибки.

Эти люди - как бесчисленные песчинки в стремительном Божественном вихре времени, и среди них - я, простой иерей. Я воспринял как указание перста Божия тот момент, когда блаженной памяти митрополит Иоанн (Снычев), глядя на меня своими лучистыми глазами, глазами старца Божия, назидательно сказал: «Надо писать, пиши, если можешь, хоть понемногу, не угашай свечилника».

И я пишу, как могу, стараясь оставить потомкам крупицы узнанного о богохранимом Отечестве нашем, государстве Российском и о том, что было частью его повседневной жизни, неразрывно связывающей царский дворец и дом обыкновенного поселянина. И называлось это простым словом семья!

«Духовный Собеседник» - почтой

Предлагаем приобрести в редакции:

№59
200 р.

№60
200 р.

№61
200 р.

№62
200 р.

№63
150 р.

№64
150 р.

Цены указаны без стоимости пересылки по почте. Перед тем как отправить заявку, проконсультируйтесь о почтовых тарифах в местном отделении связи.

ДОРОГИЕ О ГОСПОДЕ ЧИТАТЕЛИ «ДУХОВНОГО СОБЕСЕДНИКА»!

Для получения очередного номера или прошлых номеров журнала «Духовный Собеседник» отправляйте свой заказ:

По почте письменной заявкой на адрес редакции.

По телефонам: (846) 334-12-72, 336-84-41.

По электронной почте ds@samtel.ru.

Через интернет-страницу: www.sobesednik.orthodoxy.ru.

Следующий номер «Духовного Собеседника» (№65) посвящается проблемам русской словесности, ее сакральному значению в сбережении духовной составляющей нашей жизни. Об этом на страницах нашего журнала читайте статьи таких известных авторов, как Василий Ирзабеков, В. Ф. Пепренко, В.В. Колесов и др.

Продолжается публикация трудов архиепископа Антония (Михайловского), А. С. Панарина и глав из повести проповедника Евгения Зеленцова.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В епархиальном церковно-историческом музее (ул. Радонежская, 2) в феврале открывается выставка фоторабот Михаила Тимофеева, победителя V фестиваля православных СМИ «Вера и слово», которая продлится до апреля.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ БЛАГО И ВСЯК ДАР СОВЕРШЕН СВЫШЕ ЕСТЬ... (Иак. 1, 17).

Всеми добротами и благопословицами, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2 или 443110, г. Самара, а/я 12892.

ДОБРОХОТНО ДАТЕЛЯ ЛЮБИТ БОГ (2 Кор. 9, 7)

1-я стр. обложки: Свято-Богородичный Казанский мужской монастырь, с. Винновка

2-я стр. обложки: Икона Божией Матери «Взыскание погибших». XIX в.

3-я стр. обложки: Митрополит Сергей в Ватопедском монастыре на Афоне.